

В.В. ШАПОШНИКОВА

«Капитанская дочка»

Пушкина

Очерки

Москва
2026

В.В. ШАПОШНИКОВА

«Капитанская дочка»
Пушкина
Очерки

Москва

Издатель А.В. Воробьев

2026

УДК 929 Пушкин
ББК 83.3(2 Рос=Рус)1
Ш24

ШАПОШНИКОВА В.В.

Ш24 «Капитанская дочка» Пушкина : Очерки. — М.: Издатель А.В. Воробьёв, 2026. — 180 с.

ISBN 978-5-93883-590-0

Предлагаемая читателю новая книга о «Капитанской дочке» Пушкина сосредоточена на анализе коренных слов-образов повести: «капитан», «дочка», «брат», «внук», «крепость», др.; выражений со словом «Бог». Пушкинское влияние, в том числе «Капитанской дочки», прослеживается в рассказе Чехова «Дама с собачкой». Стихотворение Пушкина <«Памятник»> рассмотрено в переключке с великой повестью Пушкина.

Для учителей-словесников, студентов-филологов и всех интересующихся наследием Пушкина.

ISBN 978-5-93883-590-0 © Шапошникова В.В., 2026
© Воробьёв А.В. & Центр СК, оформление, 2026

СОДЕРЖАНИЕ

<i>От автора</i>	4
Еще раз о заглавии «Капитанской дочки»	5
Семейные ценности в повести	21
Внук Гринева: к истории образа.....	38
Почему крепость — Белогорская?	61
Гости в крепости	75
«Не приведи бог видеть русский бунт...»: слово «бог» в повести ...	88
«Дикое вдохновение» Пугачева: смысл эпитета.....	110
Пушкинские традиции в рассказе А.П. Чехова «Дама с собачкой»..	132

ПРИЛОЖЕНИЕ

«Нерукотворный» памятник у Пушкина: к смыслу образа ...	154
Сведения о первых публикациях.....	179

От автора

190 лет назад Пушкин подарил России «Капитанскую дочку». Повесть о любви и верности, о стремлении к свободе и его кровавой цене, о благодарности и героизме, о чести и семье с тех пор формирует основы духовного мира все новых и новых поколений в нашей стране.

Предлагаемая читателю новая книга о повести сосредоточена на анализе коренных слов-образов «Капитанской дочки»: «капитан», «дочка», «брат», «внук», другие семейно-родственные именованья, «белая гора», «крепость», «гости»; выражений со словом «Бог». Пушкинское влияние, в том числе «Капитанской дочки», прослеживается в рассказе Чехова «Дама с собачкой».

Статья о стихотворении <<Памятник>> тоже включена в книгу — написанное в том же 1836 году, что и повесть, «окруженное» предпоследней и последней редакциями «Капитанской дочки», стихотворение темами высоты (горы, духа) и «внука» перекликается с великой повестью Пушкина.

Читатель извинит немногочисленные повторы, неизбежные в статьях, написанных в разное время. При переработке статей для книги учтены новые публикации о повести.

Еще раз о заглавии «Капитанской дочки»

Заглавие, если оно есть в литературном произведении (а у прозаических произведений оно, кажется, есть всегда), — это первое, и особенное по значению, слово (или слова) текста. Но после прочтения произведения к его названию читатель и возвращается, пытаясь понять, почему это слово главное — заглавное.

Что касается «Капитанской дочки», то сочетание этих же слов, вернее, выражение «дочь капитана Миронова», — собственно, и последние слова повести как таковой (оставим в данном случае в стороне проблему жанра — повесть это или роман), что увеличивает весомость заглавия. Поясним. «Пропущенной главы», сейчас в качестве приложения завершающей основной текст повести, не было в единственной прижизненной публикации — тексте четвертого тома «Современника» 1836 года; после черты, означающей конец записок Гринева, следует фраза Издателя «Здесь прекращаются записки Петра Андреевича Гринева», сопровождаемая главными фактами уже не «семейственных записок», а «семейственных преданий» — об освобождении Гринева, о казни Пугачева, о женитьбе Гринева на Маше, об их потомстве, — а также о помещенном в рамке за стеклом в одном из барских флигелей потомков Гриневых собственноручном письме Екатерины II: «Оно писано к отцу Петра Андреевича и содержит оправдание его сына и похвалы уму и сердцу дочери капитана Миронова». Повесть, начавшаяся с заглавия «Капитанская дочка», кончилась, собственно, теми же словами. Заметим, что фразы «и похвалы уму и сердцу дочери капитана Миронова» не было в предпоследней редакции

от 23 июля 1836 г.¹, она появилась в белой рукописи от 19 октября этого года, когда, видимо, у Пушкина и сформировалась мысль о заглавии «Капитанская дочка». Завершающие текст повести последующие шесть строк («Рукопись Петра Андреевича Гринева...») — это описание обстоятельств появления рукописи у Издателя (ее доставили от одного из внуков Гринева) и перечень издательских вторжений в нее (эпиграфы к главам, перемена некоторых собственных имен); все завершается подписью «Издатель» и светлой датой 25-летия Царскосельского лица — «19 окт. 1836».

Вернемся, однако, к общим вопросам заглавия. Есть, на наш взгляд, названия очевидные, так сказать беспроблемные, например «Евгений Онегин». Нет спора, что это главный герой, чьим именем обозначен этот роман в стихах. Не то «Капитанская дочка». Неочевидность этого заглавия сразу бросалась в глаза, появлялись разные версии его трактовки (ведь не размышляют же о том, почему роман в стихах назван «Евгений Онегин»), из которых самая радикальная, по-видимому, принадлежит М. Цветаевой. В своей особой манере Цветаева дала понять неприемлемость для нее названия «Капитанская дочка»: «В моей “Капитанской дочке” не было капитанской дочки, до того не было, что и сейчас я произношу это название механически, как бы в одно слово, без

¹ *Пушкин*. Полное собр. соч. в 17 т. (Т. 18, доп.). 1994–1997. (Переизд. ПСС в 16 т. 1937–1959). Т. 8. М.: Воскресенье, 1995. С. 906. В дальнейшем ссылки на это изд. см. в тексте в круглых скобках; тома обозначены римскими цифрами, страницы — арабскими. Все выделения в цитатах из Пушкина наши, если специально не оговариваются выделения Пушкина. Беловая редакция «Капитанской дочки» цитируется по изд.: *Пушкин А. С.* Капитанская дочка. Изд. 2-е, доп. Изд. 1-е подг. Ю. Г. Оксман. М., 1984 («Лит. памятники»). Слова «Бог», «Божий», «Господь» в этих изданиях, согласно нормам советского времени, печатаются со строчной буквы; Пушкин писал эти слова с заглавной.

всякого капитана и без всякой дочки. Говорю: “Капитанская дочка”, а думаю: “Пугачев”»².

По-видимому, для Пушкина заглавие «Капитанская дочка» было плодом долгих размышлений (что, конечно, не всегда с ним бывало) — ведь заглавия этого, согласно Ю.Г. Оксману, нет в известных нам рукописях Пушкина. Оксман в классическом труде «Пушкин в работе над романом “Капитанская дочка”» замечает, что «название его романа, до тех пор едва ли кому известное и в дошедших до нас бумагах великого поэта не упоминающееся», впервые появляется в переписке Пушкина 1836 года с цензором П.А. Корсаковым. Причем неочевидность заглавия — факт для Оксмана: «Можно только гадать о причинах, в силу которых Пушкин не связал своего романа с именами Пугачева и Гринева, хотя эти его персонажи имели преимущественные права на выдвижение их в заголовке». (Что касается имени Пугачева в заглавии, то, думается, после «Истории Пугачева» (в печати — «История Пугачевского бунта», 1834) называть новое произведение этим же именем Пушкин вряд ли бы стал.) Но, не выясняя этих причин, Оксман называет последствия выбора Пушкиным заглавия «Капитанская дочка»: «Остановившись на названии “Капитанская дочка”, Пушкин тем самым поднимал в общей концепции романа роль Марьи Ивановны Мироновой как положительной его героини. Этим названием подчеркивался в “Капитанской дочке” и жанр семейной хроники как сюжетной основы утверждаемого им исторического повествования нового типа»³.

А. Македонов так определяет смысл названия, объясняя главную роль Маши: «Маша — совершенно обыкновенна,

² Цветаева Марина. Пушкин и Пугачев // Цветаева Марина. Мой Пушкин. М., 1981. С. 79.

³ Оксман Ю.Г. Пушкин в работе над романом «Капитанская дочка» // Пушкин А.С. Капитанская дочка. Изд. 2-е, доп. Изд. 1-е подг. Ю.Г. Оксман. М., 1984. С.166. («Лит. памятники»).

она просто человек, и только человек. Но именно поэтому она в определенных условиях приобретает черты некоей *героической* личности, побеждающей обстоятельства, судьбу, причем этот героизм не имеет в себе ничего “тиранского”. <...> Ее спокойная решительность, сознание внутренней правоты, внутренняя сила побеждает, покоряет всех тех людей, с которыми она сталкивается. Она — победительница, она — настоящий герой повести (отсюда и название повести)»⁴. Близкий к этому ответ на вопрос, почему именно образ Маши озаглавливает пушкинский шедевр, формулирует Н.Л. Степанов: «Марья Ивановна далека от исторических событий, но в обстановке взбудораженной и жестокой стихии восстания, в потоке обрушившихся на нее несчастий она не теряет душевной силы, присутствия духа, нравственного обаяния. Маша Миронова сродни Татьяне Лариной — в ней Пушкин еще раз подтвердил свой идеал скромной, но сильной духом русской женщины»⁵.

А вот Л.С. Сидяков убежден во второстепенности образа Маши, он объясняет заглавие формой «семейственных записок»⁶.

И.М. Тойбин особо выделяет в повести тему сироты-невесты, связывая с ней заглавие. «Тема эта, разветвляясь и обрастая ассоциациями <...> проходит через всю повесть, ее фабулу, неразрывно сплетается с темой Пугачева, мужицкого царя, выступающего защитником и покровителем сироты-невесты» (сноска: «С этим, думается, в первую очередь связано и само заглавие произведения — “Капитанская дочка”»)⁷.

⁴ Македонов А. Гуманизм Пушкина // Лит. критик. 1937. № 1. С. 92.

⁵ Степанов Н.Л. Проза Пушкина. М., 1962. С. 221.

⁶ Сидяков Л.С. Художественная проза Пушкина. Рига, 1973. С. 203.

⁷ Тойбин И.М. Пушкин. Творчество 1830-х гг. и вопросы историзма. Воронеж, 1976. С. 255.

Н.Н. Петрунина, размышляя над смыслом образа Маши, пишет: «Дочь капитана Миронова стала у Пушкина носительницей тех форм героизма, которые органичны для коренной русской натуры»⁸. А в статье О.Я. Поволоцкой «О смысле названия “Капитанская дочка”» существующее среди некоторых читателей «недоумение» по поводу названия романа разрешается утверждением центральной роли Маши: «Все остальные герои романа совершают свой нравственный выбор, действуют, — и от их выбора зависит судьба и жизнь капитанской дочки». Смысл заглавия пушкинского шедевра, заглавия, подразумевающего и «сиротство Маши Мироновой», — в том, по мнению Поволоцкой, что сиротство Маши «вдруг в романе Пушкина оборачивается каким-то особым качеством ее бытия внутри русской действительности», — все, кроме Швабрина, Машу спасают: сироту обижать нельзя. Мало того — она дочь героически погибшего офицера, сохранившего свою честь, и «бедная беззащитная сирота-бесприданница обретает поразительную силу» — спасает жениха⁹. Н.К. Гей тоже считает, что «Маша Миронова находится в центре сюжетных и смысло-концептуальных линий: Гринев — Пугачев, Гринев — Швабрин. Она альфа и омега конфликта и композиции “Капитанской дочки”. Об этом свидетельствует и заглавие “Капитанская дочка”»¹⁰.

Н.Н. Скатов осмысляет тот факт, что заглавие «Капитанской дочки» — «обозначение частного человека»: «Повесть о грандиознейшем событии русской жизни несет имя частного (исторический труд так и назван — “История Пугачева”)

⁸ Петрунина Н.Н. Проза Пушкина (Пути эволюции). Л., 1987. С. 277.

⁹ Поволоцкая О.Я. О смысле названия «Капитанская дочка» // Московский пушкинист. VI. Сост. и науч. ред. В.С. Непомнящий. М., 1999. С. 167, 168.

¹⁰ Гей Н.К. Пушкин-прозаик: Жизнь — Творчество — Произведение. М., 2008. С. 409.

человека; впрочем, тоже не совсем имя, это, скорее, обозначение частного человека, но все же в некоей жизненной иерархии: капитанская дочка»¹¹.

Итак, заглавие «Капитанская дочка» останавливало внимание исследователей своей неочевидностью, приводило их к мысли о главной в чем-то роли Маши Мироновой в повести. Это русский женский тип с крепкими нравственными устоями, и эта девушка, несмотря на свою скромность, героически побеждает обстоятельства, и чаще невольно, своим трагическим положением сироты, дочери погибшего героя. Ведь повесть не называется «Маша Миронова» (как, например, «Евгений Онегин»); значит, центральная роль Маши объясняется не столько тем, что эта героиня повести ценна сама по себе, что композиционно и идейно объединяет героев, сколько тем, что она дочь капитана Миронова.

И не строго-объективное «дочь» вынесено в заглавие, а ласково-семейное «дочка». Несогласованному определению «дочь капитана» (в тексте повести 6 раз употреблено это словосочетание) Пушкин предпочел в заглавии согласованное, и не «капитанская дочь» (2 раза употреблено в тексте), а — «капитанская дочка» (3 раза употреблено в тексте, кроме заглавия).

Выдвинутая вперед заглавием, Маша тем весомее (несмотря на свое неглавное в количественном отношении присутствие в тексте, как не любила она громко заявлять о себе в жизни) представляет подлинно ценные национальные основы жизни. Упование Маши на Бога — важнейшая составляющая ее души, руководящая ее поступками: и отказом от брака с любимым ради его счастья и спокойствия его семьи («Буди во всем воля господня! бог лучше нашего знает...»),

¹¹ *Скатов Н.Н.* А.С. Пушкин: лики «русского бунта»: От «Истории Пугачева» к «Капитанской дочке» // Литература в школе. 2013. № 4. С. 5.

и отправкой письма Гриневу с просьбой о помощи («Богу угодно было...», «Молю бога...»). Еще и поэтому образ Маши несет в себе спокойную веру в добро: хотя в повести немало ужасных происшествий, коим мы оказываемся свидетелями, на всем шедевре Пушкина Маша «отсвечивается<...> отрадным и светлым оттенком» (П.А. Вяземский)¹², в повести господствует «оптимистическая точка зрения» (Н.И. Черняев)¹³, в ней «образы самой отрадной и утешительной человечности, какие только знает мировая литература» (Ю.И. Айхенвальд)¹⁴, и в немалой степени это связывается и двумя последними исследователями с образом Маши.

Проявившееся в названии «Капитанская дочка» мощное «семейное» содержание произведения (его жанр самим «автором»-Гриневым назван «семейственные записки») акцентировали Ап. Григорьев, Н.Н. Страхов, Ю.Г. Оксман. Цель имитации семейной хроники Гриневых достигалась тем, что повесть издана, о чем настойчиво просил Пушкин, анонимно.

И на все события повести лег отрадный свет образа «дочки», носящей имя Маша (Мария), самое простое русское (особенно вместе с отчеством Ивановна) и самое высокое в святцах¹⁵. Это имя любимых героинь Пушкина («Метель», «Дубровский», др.), имя его первой дочери (а в 1833 году, когда в плане появилась Маша, это была единственная дочь Пушкина).

¹² *Вяземский П.А.* Взгляд на литературу нашу в десятилетие после смерти Пушкина. 1847 <отрывок> // Пушкин А.С. Капитанская дочка... С. 238. («Лит. памятники»).

¹³ *Черняев Н.И.* «Капитанская дочка» Пушкина. Историко-критический этюд. М., 1897. С. 182.

¹⁴ *Айхенвальд Ю.* Пушкин. 2-е изд., значит. доп. М., 1916 <отрывок> // Пушкин А.С. Капитанская дочка... С. 255. («Лит. памятники»).

¹⁵ См.: *Жилина Н.П.* Творчество А.С. Пушкина в контексте христианской аксиологии: Онтологический и антропологический аспекты. Калининград, 2009. С. 284, 286.

Заметим, что Маша, дочь капитана Миронова, входит в семью Гриневых вначале не как невеста сына, а именно как дочь, дочь погибшего капитана. Гринев, которому отцом вначале было отказано в родительском благословении его брака, посылая девушку в свою семью (сам он оставался в действующей армии), «знал, что отец почтет за счастье и вменит себе в обязанность принять дочь заслуженного воина, погибшего за отечество». Так и случилось: родители Гринева «видели благодать божию в том, что имели случай приютить и обласкать бедную сироту. Вскоре они к ней искренно привязались, потому что нельзя было ее узнать и не полюбить. Моя любовь уже не казалась бабюшке пустою блажью; а матушка только того и желала, чтоб ее Петруша женился на милой капитанской дочке».

В стихотворении 1834 г. «Он между нами жил...» Пушкин, выражая заветную мысль А. Мицкевича и, несомненно, свою собственную, мечтал «о временах грядущих, Когда народы, распри позабыв, В великую семью соединятся». Людское сообщество как семья — ответ этой заветной мысли Пушкина лежит на героях и событиях «Капитанской дочки» и тоже объясняет слово «дочка» в заглавии. В русском языке «дочка» — не только ласковая форма от «дочь», но и теплое обращение пожилого или взрослого человека к не родной ему молодой женщине, девушке, девочке, и именно «дочка», а не «дочь». Маша — дочь Мироновых, но после их героической гибели дочка для всех старших, в ком жива совесть. А юный Гринев был «принят как родной» у Мироновых (даже его любовь к Маше — кажется, результат того, что он «привязался к доброму семейству»), обращался «как к отцу родному» к оренбургскому генералу; на защиту сироты Маши от посягательств Швабрина встал Пугачев, ее приняли у Гриневых как дочь погибшего героя, так к ней отнеслась и Екатерина II, и эта семейная теплота отношений — идеал общества, раздираемого гражданской войной.

Заглавие указывает на особенную важность для смысла повести того факта, что Маша — дочь капитана, заплатившего жизнью за верность присяге. В ласковом «дочка» — семейная теплота отношений, в словосочетании «капитанская дочка» — единство семейных и государственных ценностей, проявившееся на трагическом изломе истории.

Обратимся же теперь к первому слову в заглавии — «капитанская». Интересно, что в «Капитанской дочке», собственно, два капитана — армейский капитан Миронов и гвардейский капитан, судивший Гринева (глава XIV). Его судят двое — кроме «пожилого генерала, виду строгого и холодного», судьей Гринева являлся и «молодой гвардейский капитан, лет двадцати осьми, очень приятной наружности, ловкий и свободный в обращении». Несмотря на свою молодость, он уполномочен допрашивать подозреваемого в измене. Столичная выучка молодого судьи Гринева, его светский лоск («ловкий и свободный в обращении»), сами по себе качества приятные, вместе с «очень приятной наружностью», здесь попадают в контекст тяжелого военного опыта Гринева, его непростой жизненной ситуации и, на наш взгляд, оттеняют естественную, если можно так выразиться, неловкость Гринева, его негибкость в вопросах чести (вреда себе, он не называет Машу, не желая впутывать ее в судебный процесс, храня ее безупречную репутацию, о чем по своему опыту вряд ли может догадаться молодой гвардейский капитан). Нигде не говорится о «ловкости и свободе в обращении» Гринева. Кажется, этого-то столичного лоска и боялся старик Гринева, посылая в армию единственного сына, записанного в гвардию: «Чему научится он, служа в Петербурге? Мотать да повесничать? Нет, пускай послужит он в армии, да потянет ляжку, да понюхает порошу, да будет солдат, а не шаматон». Вот этот-то, по-видимому, «шаматон» и судил сейчас Петра — армейского прапорщика, «понюхавшего

пороху» в настоящих боях, и приговорил, вместе с генералом, к смертной казни, замененной императрицей, из уважения к заслугам и преклонным годам отца, вечным поселением в Сибири.

Еще разительнее контраст этого «молодого гвардейского капитана» и армейского капитана Миронова. Отсутствие всякого лоска, «ловкости» в обращении (т.е. умения общаться согласно статусу собеседника), наоборот, иногда косоязычие, небравая внешность, и при этом простота, сердечность, как и естественность его героизма, — все это было открытием Пушкина в лице армейского капитана Миронова.

Через четыре года появится «Герой нашего времени», где образ штабс-капитана (младшая степень того же чина) Максима Максимыча (обратим внимание на учет Лермонтовым пушкинской традиции передавать отчество его разговорной формой: Андреич, Максимыч, Игнатьич в «Капитанской дочке» — и Максимыч в «Герое нашего времени») закрепит это открытие национального характера, сделанное Пушкиным. Ю. Айхенвальд указал на пушкинско-лермонтовско-толстовскую «капитанскую» линию в русской литературе: «Героизм вырастает здесь из будней, из того скромного и неэффективного материала, который Пушкин умел претворять в сокровища духовной красоты. Капитан Миронов, родственник не только чином, но и духом штабс-капитану Максиму Максимычу и капитану Тушину, в законченности и цельности своего мирозерцания лучше всех воплощает это скромное величие, этот высший героизм простоты»¹⁶. Добавим, что столь же прост и капитан Копейкин у Гоголя.

Если вспомнить расклад: 1) прапорщик Гринев — капитан Миронов и 2) прапорщик Печорин — штабс-капитан Максим Максимыч, то эти пары приобретают, на наш взгляд, вид

¹⁶ Айхенвальд Ю. Указ. соч. С. 255.

«неслиянности и нераздельности»¹⁷ неких составляющих национального характера.

Антитеза «армейский капитан — гвардейский капитан» поддерживается, на наш взгляд, и тем, что предатель Швабрин — в прошлом гвардеец, не по своей воле перешедший в армию. Может быть, отношение Пушкина к такому же «ловкому и свободному в обращении» печально-известному гвардейцу-французу в беспокойном для Пушкина 1836 году влияло на создание образа Швабрина — столичного гвардейского офицера (помещенного, кстати, во французский культурный контекст — вспомним его французский язык, французские книги, французскую арию)?

Предательство бывшего гвардейца Швабрина, чью нравственную несостоятельность почувствовала капитанская дочь Маша Миронова задолго до его измены, еще более оттеняет святую простоту героизма русских воинов-армейцев Ивана Кузьмича Миронова и Ивана Игнатьича (обратим внимание на их «коренное» русское имя).

Значение в повести капитана Миронова усиливается от того, что его жена Василиса Егоровна не раз названа «капитанша». Она не пожелала спастись, покинуть поле боя одна, без мужа, разделила с ним просто и естественно («вместе жить, вместе и умирать») его трагическую участь, заклеила убийцу мужа смертельно-опасным для себя наименованием «беглый каторжник» — вот что такое «капитанша» в «Капитанской дочке».

И, наконец, дочь капитана Миронова неоднократно именуется «дочь капитана», «капитанская дочь», «капитанская дочка». Пользуясь той же речевой конструкцией, что и у некоторых исследователей повести, можно сказать, что заглавие

¹⁷ Эта фраза, употребленная по другому поводу А. Блоком в предисловии к поэме «Возмездие», восходит, видимо, к догмату о двух естествах (божественном и человеческом) во Христе.

«Капитанская дочка» *повышает роль* — не Маши Мироновой только, но и ее отца-капитана, — ведь, повторим, не «Маша», не «Маша Миронова» заглавие повести Пушкина, а «Капитанская дочка». Размышляем дальше: шедевр назван не «Дочь капитана», а «Капитанская дочка». Этим заглавием, замечает О.Н. Игнатенко, «Пушкину нужно было подчеркнуть не только “принадлежность” Маши своему отцу, но и унаследованные от него качества характера. <...> Эта “многослойность” содержания проявляется только в атрибутивном сочетании “Капитанская дочка”; она утратилась бы в названии “Дочь капитана” или “Дочка капитана”»¹⁸. Кстати, в переводах эта тонкость различения практически всегда теряется.

Зададимся теперь вопросом — почему именно капитаном сделал Миронова Пушкин? Этому могут быть исторические причины — в «Истории Пугачева» упоминаются капитан Камешков (в крепости Ильинской он и прапорщик Воронов ответили Пугачеву под виселицей так, как в повести ответит Миронов, и были повешены — IX, 35–36), капитан Крылов (отец баснописца, отличившийся при осаде Яицкого городка, — IX, 37), капитан Сурин (повешен — IX, 18; его дочь, как сироту, пугачевцы обеспечивали продовольствием)¹⁹. Учеными обнаружены и литературные источники: прототипом капитана Миронова называют капитана Шпагина из «Рассказа моей бабушки» оренбургского краеведа А.П. Крюкова — произведения, напечатанного в одном из петербургских альманахов²⁰; в аспекте творческой истории упоминается также «дочь одного капитана, который убит на войне», девушке ин-

¹⁸ Игнатенко О.Н. Дочь капитана — «Капитанская дочка» // Русская речь. 2003. № 1. С. 6.

¹⁹ См.: Овчинников Р.В. Над «пугачевскими» страницами Пушкина. М., 1981. С. 90, 148.

²⁰ См.: Оксман Ю.Г. Указ. соч. С. 169–170.

когнито помог император, о чем сообщается в некоем «Анекдоте», опубликованном в одном московском журнале²¹.

Размышляя о причинах того, почему именно капитанский чин имеет Миронов, обратимся также к пушкинскому окружению. Брат Пушкина Лев Сергеевич в 1832 году вышел в отставку в чине капитана, В.А. Жуковский после участия в московском ополчении 1812 г. был штабс-капитаном. Знаменитый поэт-партизан Денис Давыдов на Западе был известен под необычным названием «Черный капитан»²². Отметим, что четвертый том «Современника» за 1836 год, где была опубликована «Капитанская дочка», открывался мемуарным очерком Д. Давыдова «Занятие Дрездена 1813 г. 10 марта»; такой вот «капитанский» контекст.

И, наконец, еще одно соображение о мотивах выбора для Миронова капитанского чина. Дело в том, что чин самого автора «Капитанской дочки» соответствовал званию капитана в пехоте: 6 декабря 1831 г. Пушкин стал титулярным советником и по Табели о рангах был приравнен к воинскому званию капитана. «Как известно, — пишет Г.М. Седова, — Лицей поэт окончил с чином коллежского секретаря (чиновника 10 класса) и, согласно существующему порядку, примерно через 3–5 лет исправной гражданской службы мог рассчитывать на следующий чин. Но в 1824 году, после конфликта с графом Воронцовым, он получил отставку, то есть был не просто освобожден от службы, о чем давно мечтал, а именно совершенно отставлен — сослан в имение матери под надзор местного начальства. Только через 7 лет, в 1831 году, по милости нового царя поэт был произведен в следующий чин —

²¹ Яковлев Н.В. К литературной истории «Капитанской дочки» // Пушкин. Временник Пушкинской комиссии. 4–5. М.-Л., 1939. С. 487–488. См. также: Гиллельсон М.И., Мушина И.Б. Повесть А.С. Пушкина «Капитанская дочка». Комментарий. Л., 1977. С. 164.

²² Алексеев М.П. <В. Скотт и Д. Давыдов> // Литературное наследство. Т. 91. М., 1982. С. 268, 273.

в титулярные советники (9 класс), что по гражданской Табеле о рангах соответствовало военным чином капитана в пехоте, поручика в гвардии, ротмистра в кавалерии»²³.

Итак, титулярный советник на гражданской службе соответствовал капитану в пехоте, например это капитан Мионов; поручику в гвардии, например это противник Швабрина на дуэли и старший Дубровский; ротмистру в кавалерии, например это Зурин в «Капитанской дочке», Минский в «Станционном смотрителе», Томский в «Пиковой даме».

В Толковом словаре Даля титулярный советник определяется как «гражданский чин 9-го класса, капитан, есаул»²⁴, а капитан, соответственно, — «старший обер-офицер, военный чин 9 класса, сравненный с титулярн.<ым> советником»²⁵.

Соответствие гражданского чина военному не только вполне осознавалось, но для чиновников военный чин был предпочтительнее гражданского. Об этом ярко говорит повесть Гоголя «Нос», напечатанная, кстати, в третьем томе пушкинского «Современника» (напомним, это тот же 1836 год): Ковалев, будучи коллежским асессором, называл себя майором, а надворного советника, желая ему польстить, — подполковником. В «Записках сумасшедшего» титулярный советник Поприщин мечтает о чине полковника или генерала, причем речь идет о месте на гражданской службе; в «Шинели» генерал — это начальник в департаменте.

Пушкин не мог не знать о соответствии своего чина титулярного советника чину армейского капитана, и этот чин мог приобрести в его глазах «личную», «лирическую» окраску. Военная служба, война всегда привлекали Пушкина: офицеры

²³ Седова Галина. Ему было за что умирать у Черной речки. СПб., 2012. С. 47.

²⁴ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 4. М., 1995. С. 407.

²⁵ Там же. Т. 2. С. 87.

стоявшего в Царском Селе и его окрестностях лейб-гвардии гусарского полка, возвратившиеся в октябре 1814 г. из победоносных заграничных походов, производили на лицеистов сильнейшее впечатление, и Пушкин собирался поступить в гусары (а пока писал «гусарские» стихи); в 1821 г. хотел воевать, как Байрон, за свободу греков, в 1828 г. — участвовать в войне с Турцией; в 1829 г. мечта осуществилась — он был в действующей армии под командованием генерала Паскевича. «Пушкин принадлежит к поколению, которое жаждет подвигов и боится не смерти, а безвестности», — писал Ю.М. Лотман²⁶. Отец и дядя Пушкина были отставными офицерами, среди друзей Пушкина было немало офицеров — участников наполеоновских войн, воевали, кроме уже упомянутых Д. Давыдова, Жуковского, также Батюшков, Вяземский. «Настойчивое стремление на театр военных действий, — пишут И. Сурат и С. Бочаров, — имело у Пушкина глубокую мотивацию: он с юности чувствовал себя участником большой истории и хотел зафиксировать это в собственной биографии; в период романтического энтузиазма это была потребность, по примеру Байрона, жизнью оплатить право на поэтическое слово, теперь же, в зрелые годы, Пушкин осознаёт себя ответственным летописцем современной истории»²⁷. Он знал «упоение в бою», он и погиб, можно сказать, на поле боя, с оружием в руках защищая свою честь, так стойко перенося предсмертные страдания, что изумил врача, бывшего в сражениях, но мало видевшего подобного.

Почему бы не предположить, что на выборе чина для И.К. Миронова сказался и чин самого автора (представившегося как Издатель) «Капитанской дочки»? И дочь Пушкина тоже

²⁶ Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII — начало XIX века). СПб., 2014. С. 84.

²⁷ Сурат И., Бочаров С. Пушкин: Краткий очерк жизни и творчества. М., 2002. С. 92.

может быть названа «капитанской дочкой», и последний шедевр Пушкина приобретает вид завещания детям; а в связи с упоминанием «внука», от кого была доставлена Издателю рукопись «деда», в последних строках повести — и внукам (след этого — неосуществленное «Введение» к повести, раз-вернутое обращение к внуку Петруше — VIII, 927²⁸). Авторство Пушкина, хоть и не обозначенное при публикации, не было тайной для его ближнего круга (1 ноября 1836 г. Пушкин читал «Капитанскую дочку» у Вяземского), а заветная для Пушкина дата под повестью — 19 октября 1836 г. — не могла не придать повести смысла высказывания и о своей жизни²⁹.

Дочь капитана Миронова не только наследует великие нравственные качества своего отца, она (тем, что она дочь героически погибшего воина) пробуждает в окружающих родственные чувства, и люди осознают себя семьей. Так в заглавии повести соединяются высокие гражданские и семейные ценности русского мира. В «Капитанской дочке» — завещании Пушкина — выбор для Миронова чина капитана может быть объяснен не только историческими, литературными, но биографическими и даже личными причинами.

²⁸ *Пушкин А.С.* Собрание сочинений в 10 т. Т. 5. М., 1975. С. 480. В ПСС в 17 т. (VIII, 927) вместо «Любезный внук мой Петруша!» ошибочно напечатано «Любезный друг мой Петруша!»

²⁹ Об автобиографизме последних произведений Пушкина писал П.В. Анненков («А.С. Пушкин в Александровскую эпоху», 1874 г.); В.С. Листов указал: «Между жизнью Пушкина и его романом возникает любопытная симметрия положений» — в Царскосельском парке происходят встречи Николая I с Пушкиным и Екатерины II с Машей, в результате чего подданные были благодетельствованы монархами (*Листов В.С.* Две встречи в Царскосельском парке: К истолкованию финала романа А.С. Пушкина «Капитанская дочка» // *Временник Пушкинской комиссии.* Вып.28. СПб., 2002.С. 203); Н.К. Гей указал на особый смысл даты под текстом: «И уж совсем сторонняя “прятому” повествованию деталь, тем не менее придающая свой оттенок заключающим его фразам издателя, — дата под этими строками: “19 октября 1836”» (*Гей Н.К.* Проза Пушкина: Поэтика повествования. М., 1989. С. 249).

Семейные ценности в повести

Тема может показаться частной, если смотреть на «Капитанскую дочку» как на историческую повесть о временах пугачевщины. Но название повести с главным словом «дочка», эпиграф к повести, представляющий собой суть пословично выраженного поучения отца сыну («Береги честь смолоду»), далее, само именованье «своего» труда П.А. Гриневым как «семейственные записки» (такова мотивация отказа от описания осады Оренбурга: она «принадлежит истории, а не семейственным запискам»), а того источника, из коего Издатель узнал о последней встрече Гринева и Пугачева (перед казнью «вожатого»), как «семейственные предания», указывают на мощное «семейное» содержание повести Пушкина. Далее, сюжет этих «семейственных записок» проясняет угол зрения и смысл всего рассказанного: «семейственные записки» (после экспозиционно необходимого описания детства и мотивов отправки Петруши в Оренбург) начинаются с путешествия Гринева в Белогорскую крепость (где живет будущая невеста) и кончаются спасением невестой своего жениха. В эпилоге уже Издатель сообщает о последней встрече Гринева с Пугачевым перед его казнью, о женитьбе Гринева на Маше, об их потомстве. Н.Н. Страхов писал: «"Капитанская дочка" есть рассказ о том, как Петр Гринев женился на дочери капитана Миронова»³⁰. Критик также замечал, что «Капитанская дочка» «есть *хроника семейства Гриневых*; это — тот рассказ, о котором Пушкин мечтал еще в третьей главе Онегина, — рассказ, изображающий *Преданья русского*

³⁰ *Страхов Н.Н.* Война и мир. Сочинение графа Л.Н. Толстого <...> Статья вторая и последняя // *Страхов Н.Н.* Литературная критика. М., 1984. С. 292.

семейства»³¹ (вспомним повесть: «из семейственных преданий известно...»). Этот, семейный, акцент в трактовке «Капитанской дочки» впервые поставил Ап. Григорьев, назвавший повесть «семейной хроникой Гриневых»³². И этому жанровому тяготению есть в повести немало и других доказательств.

В «Башаринском (1833 г.) плане «Капитанской дочки» было предисловие (позднее снятое) — обращение «автора» к своему внуку: «Любезный внук мой Петруша!<...> Начинаю для тебя свои записки, или лучше искреннюю исповедь, с полным уверением, что признания мои послужат к пользе твоей»³³. Отметим в связи с этим несостоявшимся предисловием добропорядочную семейную традицию чередования имен Петр-Андрей: отца П. Гринева зовут Андрей Петрович, т.е. главный герой и «автор» «Капитанской дочки» назван в честь деда, а планировавшийся адресат предисловия носил имя Петр — тоже в честь деда (можно предполагать, что если у П. Гринева был сын, имя его было Андрей). Память рода цементирует семью, поддерживает семейную честь — недаром А.П. Гринев, скорбя по поводу мнимого предательства сына, апеллирует к чести рода: «...пращур мой умер на лобном месте, отстаивая то, что почитал святынею своей совести; отец мой пострадал вместе с Волынским и Хрущевым<...> Стыд и срам нашему роду!...» А сама повесть, озаглавленная «Капитанская дочка», начинается словами «Отец мой...». Н.К. Гей в связи с несостоявшимся предисловием пишет: «Мемуар приближается к жанру то ли повести, то ли романа, причем не к историческому, об отвлеченном

³¹ *Страхов Н.Н.* Указ. соч. С. 291.

³² *Григорьев Ап.* Взгляд на русскую литературу со смерти Пушкина. Статья первая // Григорьев Ап. Сочинения в двух томах. Т. 2. М., 1990. С. 67.

³³ *Пушкин А.С.* Собр. соч. в 10 т. Т. 5. М., 1975. С. 480.

и достаточно далеко в прошлом, но “семейственному” изложению фактов и событий, сохраняющих самую живую актуальность. “Семейственный”, — оговаривается ученый, — здесь обозначает не тематические особенности произведения или круг событий, приуроченных к определенному его участнику, а прежде всего *способ* изображения истории “домашним образом”, т.е. как непосредственное, естественное течение происходящего без отчуждения от реальности живой жизни живых людей»³⁴. Намереваясь показать, однако, что «семейственное» в «Капитанской дочке» — это не только способ, а тема и, если угодно, идея повести.

Вспомним, что и в окончательном варианте «Капитанская дочка» — это рукопись, не предназначавшаяся для печати, а только для, так сказать, семейного прочтения и доставленная Издателю от внука П.А. Гринева: «рукопись Петра Андреевича Гринева доставлена была нам от одного из его внуков, который узнал, что мы заняты были трудом, относящимся ко временам, описанным его дедом». Видимо, Пушкин дорожил этой линией «дед-внук» и, хотя изъял предисловие, сохранил ее в эпилоге.

Известно, что заглавие для своей повести Пушкин выбрал, вероятно, лишь осенью 1836 г. «Остановившись на названии “Капитанская дочка”, — писал Ю.Г. Оксман, скрупулезно исследовавший творческую историю произведения, — Пушкин тем самым поднимал в общей концепции романа роль Марьи Ивановны Мироновой как положительной его героини. Этим названием подчеркивался в “Капитанской дочке” и жанр семейной хроники как сюжетной основы утверждаемого им исторического повествования нового типа»³⁵.

³⁴ Гей Н.К. Проза Пушкина. Поэтика повествования. М., 1989. С. 201.

³⁵ Оксман Ю.Г. Пушкин в работе над романом «Капитанская дочка» // Пушкин А.С. Капитанская дочка. Изд. 2-е, доп. Изд. 1-е подг. Ю.Г. Оксман. Л., 1984. С. 166. («Лит. памятники»)

И на все события повести лег свет образа «дочки», носящей, к тому же, имя первой дочери Пушкина. Кстати, реальная фамилия подпоручика Гринева, замешанного в пугачевские события, перекликается с уменьшительным именем сына Пушкина Григория.

Еще одно соображение о «семейных» ценностях как основных в «Капитанской дочке». Композиция повести уравнивается двумя эпизодами, внешне схожими (если не сказать идентичными), но внутренне противопоставленными, — чтение «Придворного календаря» А.П. Гриневым. В начале повести это привело к отсылке Петра в Оренбург (отец преисполнился честолюбивых, в его высоком понимании, намерений); в конце повести — опять чтение отцом «Придворного календаря», но в совершенно других условиях: сын под арестом по обвинению в измене, жена убита горем, а сам А.П. Гринев скорбит душой. И теперь чтение «Придворного календаря», пишет Пушкин, «не производило над ним обыкновенного своего действия». Вот так государственные ценности начала повествования прошли испытания семейными к концу пушкинского шедевра.

И еще одна «опоясывающая», повторяющаяся деталь — дрожащая рука и слезы капитанской дочки. Маша возвращает Гриневу письмо его отца с отказом в родительском благословении (гл. V) «дрожащею рукою» (рука дрожит от горя, рухнувших надежд) и плачет. А в конце повести (гл. XIV) Маша принимает от Екатерины II «дрожащею рукою» письмо «к будущему свекру» с полным оправданием ее жениха, письмо, открывающее, наконец, путь к соединению любящих (теперь рука дрожит от волнения, горячей благодарности, растроганности), и плачет. Парадокс: контрастные человеческие состояния физиологически проявились одинаково; между ними — бездна человеческого содержания, созревания души капитанской дочки. Это произошло и от тяжких

испытаний в Белогорской *крепости*, проверивших *крепость* любви, и от рыцарского поведения Гринева, не назвавшего имени Маши на суде. Так укрепилась вера в человека — и Маша обращается к Екатерине как человек к человеку, как невеста к женщине, как дочь (а теперь — сирота) к матери.

Отметим еще одну деталь в пользу «семейного» содержания повести. Имя и отчество главного героя Петр Андреевич совпадают с именем и отчеством П.А. Вяземского — человека из ближайшего окружения Пушкина в 1830-е годы; поддерживаются эти ассоциации следующим: в «Валуевской» (1835-й — 1 пол. 1836 г.) редакции «Капитанской дочки» главный герой носил фамилию будущего зятя Вяземского (Валуев). Вяземский тоже, как Гринев, из «хорошего» рода; тоже рано, в 19 лет, женился, в 20 участвовал в Бородинской битве, у него была дочь Маша... В 1830-е годы Вяземский тесно общался с Пушкиным, опубликовал в его «Современнике» три статьи. Наконец, 1 ноября 1836 г. именно в доме Вяземского Пушкин впервые прочитал публично в рукописи «Капитанскую дочку», после чего, 5 ноября, Вяземский пишет ему письмо по следам первых впечатлений (а в обзоре русской литературы за десятилетие после смерти Пушкина особенным образом отзывается о Маше: «А что за прелесть Мария! Как бы ни было, она принадлежит русской бытине о Пугачеве. Она воплотилась с нею и отсвечивается на ней отрадным и светлым оттенком. Она другая Татьяна того же поэта»³⁶). Кстати, между этими двумя датами в жизни Пушкина произошло событие, потрясшее его семейную жизнь и приведшее затем к гибели, — получение анонимного письма. Светлая история о капитанской дочке, о крепости семейных уз попала в контекст страшного испытания, могла быть

³⁶ Вяземский П.А. Взгляд на литературу нашу в десятилетие после смерти Пушкина. 1847 // Пушкин А.С. Капитанская дочка... С. 238. («Лит. памятники»)

ориентиром в запутанной ситуации последних трех месяцев жизни поэта.

Сюжет «семейственных записок» постепенно испытал на себе влияние могучего образа Пугачева: в повествование о встречах и чувствах влюбленных, отношения которых из-за отказа отца Гринева благословить сына на брак с Машей зашли в тупик, ворвалась стихия народного бунта с «вожатым» Гринева и вожаком восстания Пугачевым, псевдо-Петром III как спасителем духа Петра Гринева и подлинно «посаженым отцом» по роли своей в его судьбе. Фигура Пугачева во всем обаянии дикости и воли не увела, однако, сюжет от борьбы Гринева за свою любовь в сторону: наоборот, Пугачев стал орудием спасения невесты от домогательств соперника, «помощным разбойником» (В. Шкловский) народных сказок. Цепная реакция благодарности, отцовское ласковое отношение к Гриневу «мужика с топором» из его сна сделали свое дело — «пугачевщина» соединила влюбленных. История грубо и мощно ворвалась в семейную, частную жизнь людей, она не могла не проверить крепость семейных уз и семейных ценностей; наоборот, она подтвердила их исключительный вес в человеческом существовании.

Как известно, рядом с «Историей Пугачева» Пушкину потребовалась «Капитанская дочка». В.О. Ключевский заметил, что в «Капитанской дочке» «больше истории, чем в “Истории Пугачевского бунта”, которая кажется длинным объяснительным примечанием к роману»³⁷. Спор Пушкина с историками начался еще в «Истории села Горюхина»: история страны — это не величественная, так сказать, история царей, а история «отчины»; в этой «Истории...» повествователь — Белкин, и ответ этого «смирного» (Ап. Григорьев)³⁸

³⁷ Ключевский В.О. Сочинения. Т. 7. М., 1959. С. 147.

³⁸ Григорьев Ап. Указ. соч. С. 71.

типа падает, несомненно, на П. Гринева. История в белкинском и гриневском изложении становится, по словам В.Н. Катасонова, «человечески отзывчивой»³⁹. На историческую концепцию Пушкина в «Капитанской дочке», несомненно, повлиял способ изображения истории В. Скоттом «домашним образом», по словам Пушкина (XII, 195).

Дом, семья для Пушкина в 1830-е годы стали ценностями, кажется, ни с чем не соизмеримыми. Лишенный в детстве, в сущности, дома как такового, обретший семью в Лицее, Пушкин стремился построить свой дом. После женитьбы и краткого пребывания в Москве он повез жену в Царское Село — именно там он хотел начать свою семейную жизнь, где обрел замену семьи в кругу товарищей. Строя свой дом, он обнаруживает тяготение к патриархальности: письма к жене Пушкин пишет исключительно по-русски, с простонародной грубоватостью, детям в конце писем неизменно посылает благословение⁴⁰. Петербург мало подходил для семейной жизни; с 1834 г. Пушкин рвался из столицы: «Юность не имеет нужды в at home, зрелый возраст ужасается *своего* уединения... Блажен кто находит подругу — тогда удались он *домой*. О скоро ли перенесу я мои пенаты в деревню — поля, сад, крестьяне, книги; труды поэтические — семья, любовь, etc. — религия, смерть» (III, 941; выделено Пушкиным).

В 1835 г. написано стихотворение «...Вновь я посетил...» — о жизни трех сосен по прошествии десяти лет отсутствия поэта в Михайловском. Те сосны, которые стояли «друг к дружке близко», дали потомство, возле них «зеленая семья; [кусты] теснятся [Под сенью их как дети.] А вдали Стоит

³⁹ Катасонов В.Н. Хождение по водам (религиозно-нравственный смысл «Капитанской дочки» Пушкина). Пермь, 1998. С. 19.

⁴⁰ См.: Лотман Юрий. Александр Сергеевич Пушкин: Биография писателя. СПб., 2015. С. 222, 232–233.

угрюмый их товарищ Как старый холостяк, и вокруг него По-прежнему всё пусто» (III, 400). Мудрость семейного устройства жизни — в преодолении трагедии краткости человеческого существования. Сосны эти находятся «на границе Владений дедовских», вспомним также, что стихотворение завершается волнующей картиной проходящего мимо сосен «внука» (хотя в то время и дети Пушкина еще малы), вспоминающего «обо мне». Вот так, между дедом и внуком, и надо жить; поэт, «покорный общему закону», находит в семейной жизни высокий смысл, залог бессмертия (скоро Пушкин найдет его и в своей поэзии — «Я памятник себе воздвиг...» 1836 г.).

В этом смысле остается добавить, что публикует Пушкин «Капитанскую дочку» в смутные дни своей семейной жизни — в ноябре — декабре 1836 г., и хотя в это время он вносит в текст поправки, но все равно оставляет под повестью светлую дагу 25-летия открытия Лицея, обретения своего круга — «19 окт. 1836».

Два семейных гнезда изображены в «Капитанской дочке» (Н.Н. Страхов увидел в этом сходство с «Войной и миром» Л. Толстого)⁴¹; контрастом этим семейным гнездам, как и в стихотворении «...Вновь я посетил...», является холостяк (Андрей Карлович в Оренбурге).

Гриневы — это семья, где берегут честь рода, где решения прямого и горячего отца патриархально не обсуждаются. После очередного чтения «Придворного календаря» логичнее было бы честолюбивому (в обычном понимании этого слова) отцу отправить сына в Петербург (Петруша и приписан в гвардейский Семеновский полк), если бы он хотел обычной карьеры для сына и попадания их фамилии в этот самый «Придворный календарь», — он же, в противовес ходу мысли своих прежних быстро продвинувшихся в карьере

⁴¹ *Страхов Н.Н.* Указ. соч. С. 291.

сослуживцев, делает по-своему: «солдат, а не шаматон» — вот его представление о чести. Удивительно, но народные представления о чести, службе (не случайно они выражены пословицами) в наставлении мудрого и любящего отца соединяются с дворянскими — в национальные устои России. Его терпеливая и мудрая жена не перечит ему — «дрожащею рукою» подает она паспорт сына.

Мирановы (фамилия ассоциируется со словом «мир» — лад) — «един дух и едина плоть», жизни супругов закончатся почти одновременно. Белогорская крепость — это дом Василисы Егоровны, и домашний суд ее над дуэлянтами Гриневым и Швабриным, вызывавший скептические улыбки многих читателей (кроме, между прочим, Гоголя), мудр и гуманен. От комизма соседства службы капитана и шей капитанши до трагизма их гибели — в этом гениальный стиль описания их жизни.

Семейно-родственные именованья в «Капитанской дочке» чрезвычайно многочисленны: *семья, семейство, отец, папенька, батюшка, батька, мать, матушка, родители, муж, супруг, жена, супруга, сожительница* (в значении жены), *вдовушка, дети, детушки, детинушка, дитя, род, родня, родственники, сын, дочь, дочка, сирота, брат, братец, сёстры, пращур, дед, дедушка, внук, свекор, тетушка, дядюшка, племянница, потомство*, а также *жених и невеста*, всего нами насчитано 362 упоминания (вместе с повторами), в «Пропущенной главе»⁴² — 51 единица, всего 413; это много на стостраничную повесть. Эти именованья в первую очередь,

⁴² Особое положение «Пропущенной главы» известно. «Переписав роман набело, Пушкин уничтожил черновую его редакцию, за исключением одной главы, которую сам он назвал “Пропущенной главой”, зачеркнув прежний заголовок: “Глава XII”. Причины, в силу которых эта глава изъята была из романа, точно не установлены» (Макогоненко Г.П. «Пропущенная глава» // Пушкин А.С. Капитанская дочка... С. 293. «Лит.памятники»). Следовательно, есть смысл учитывать эту главу.

конечно, называют героев, связанных семейно-родственными отношениями; интересно, однако, что не всегда этими отношениями.

«Отцом» назван А.П. Гринев (П. Гриневым и А.В. Гриневой), И.К. Миронов (Машей и В.Е. Мироновой), здесь фигурируют отец А.П. Гринева, отец из комедии Княжнина, из народной и свадебной песен (эпиграфы к главам I, V, XII), имеется сравнительный оборот «как к отцу родному» (так обращается П. Гринев к оренбургскому генералу).

Но «отцом» назвали А.П. Гринева Савельич в письме к нему («отец наш милостивый»), П. Гринева — попадья («мой отец»); Пугачев льстиво именуется «отец родной» в речи Савельича, «отец наш» в речи урядника. «Отец» в «Капитанской дочке» — это именование не только родителя, но и уважаемого, любимого человека мужского пола (иногда это сделано неискренно, из желания сохранить себе жизнь). Схваченная пугачевцами Василиса Егоровна причитает: «Отцы родные, отведите меня к Ивану Кузьмичу» — она взывает к человеческому в окружающих.

Как известно, особенно важен оттенок отцовского и сыновнего в отношениях Пугачева и П. Гринева: «посаженный отец» из пророческого сна Гринева, Пугачев затем наяву предлагает быть им для Петра. Не родство по крови, а теплота благодарности формирует эту еще одну отцовски-сыновнюю линию «Капитанской дочки»⁴³.

«Батюшкой» названы в повести не только А.П. Гринев П. Гриневым, И.К. Миронов Машей и В.Е. Мироновой, но и неженатый и не имеющий пока детей П. Гринев в обращениях

⁴³ О семейной терминологии в обращении к «своим» и «чужим» пишет О.Б. Заславский на примере слов «отец родной» и «барское дитя»; что касается слов «дядька» (в отношении Савельича) и «дядюшка» (Иван Игнатьич перед казнью в обращении к Пугачеву), то эти слова, на наш взгляд, вряд ли могут быть отнесены к «семейным» (См.: *Заславский О.Б. Поэтика Пушкина: Опыт структурного анализа*. М.: Флинта, 2022. С. 545–546).

к нему восьми персонажей «Капитанской дочки». «Батюшка Петр Андреич!» — пишет к нему Маша в своем отчаянном письме с просьбой о защите. «Батюшкой» назван неоднократно и Пугачев бунтовщиками («батюшка наш», «наш батюшка», «батюшка-государь»), Савельичем («Это, батюшка, изволишь видеть, реестр барскому добру...»). «Батюшки» — частое слово в речи Василисы Егоровны («ах, мои батюшки», «батюшки», «батюшки мои»), знак тревоги, просьбы, упования на Бога. Отметим, что в «калмыцкой сказке» в пересказе Пугачева ворон обращается к орлу «батюшка».

«Мать» — так называет А.В. Гриневу ее сын П. Гринев, В.Е. Миронову — ее дочь Маша, упоминается «мать» в народной и свадебной песнях (эпиграфы к гл. V, XII), звательный падеж от «мать» употреблен в песне «Не шуми, мати зеленая дубравушка...».

«Матушкой» названа не только А.В. Гринева (сыном П. Гриневым), В.Е. Миронова (мужем И.К. Мироновым); но и Екатерина II (И.К. Мироновым), незамужняя Маша (так к ней обратились А.П. Гринев, Анна Власьева, Савельич). Это обращение, как и «батюшка» к П. Гриневу, не имеет в виду наличия детей, это обращение — знак уважения и любви.

«Дитя» — это П. Гринев для своей матери и Савельича. Идея «детского» уровня отношений между людьми, явленная в дружбе Гринева и Пугачева, — главнейшая в повести. Веселье как черта детства — важнейшая составляющая отношений Гринева и Пугачева; веселье — симптом преодоления социального и иного разделения людей.

Интересно, что солдаты для И.К. Миронова, как бунтовщики и народ для Пугачева, — «детушки», разбойник для царя в песне «Не шуми, мати зеленая дубравушка...» — «детинушка».

«Дочь» — это Маша для В.Е. Мироновой, «дочь капитана Миронова» — так аттестует ее П. Гринев Зурину, «капитанской

дочкой» называют ее оренбургский генерал и Зурин. Заглавие указывает на особенную ценность этого сочетания в рамках повести. В ласковом «дочка» — семейная теплота отношений, в словосочетании «капитанская дочка» — единство семейных, личных и государственных ценностей, проявившееся на трагическом изломе истории. Маша входит в жизнь семьи Гриневых еще до своего замужества. «...Отец почтет за счастье и вменит себе в обязанность принять дочь заслуженного воина, погибшего за отечество» — в этой фразе П. Гринева семейные и государственные ценности оказались взаимно обусловлены. В семье Гриневых Маша сначала дочь, а уж потом невестка.

«Сирота» — это название Маши (оно принадлежит П. Гринеvu, Пугачеву, самой Маше, Екатерине II) своим трагизмом взывает к защите. Отношение к сироте — народный критерий оценки человека. Гриневы «видели благодать божию в том, что имели случай приютить и обласкать бедную сироту».

«Брат» — это слово в «Капитанской дочке» только один раз, в самом начале, обозначает родственников по крови («Все мои братья и сестры умерли во младенчестве»), а восемь раз употреблено в ситуации отсутствия родства. Часто слово «брат» в речи Зурина: вначале, когда он учил Гринева игре на бильярде и уверял, что «это необходимо для нашего брата служивого»; во время второй встречи, в условиях войны, он три раза назвал Гринева «брат»: «Здорово, брат <...> с дамою! Где же ты ее подцепил? Эге, брат! <...> Всё это, брат, хорошо...». В этих обращениях — вряд ли выражение армейского братства, скорее, заглаживание Зуриным вины (он когда-то обыграл неопытного мальчишку).

Иначе выглядит центральное, на наш взгляд, употребление этого слова. «Что, брат, прозяб?» — так обращается на постоялом дворе к Пугачеву-«вожатому» спасенный им Гринеv. Это слово, теплое, уравнивающее, произнесенное с участием,

с желанием отблагодарить, отвечает мечтой о братстве всех людей, добрых друг к другу и благодарных друг другу. Это слово «брат», эти почти семейно-родственные отношения выводят людей на какой-то другой уровень связи, который В.Н. Катасонов назвал по-библейски «хождение по водам». По-видимому, для того чтобы придать этому обращению больший вес, Пушкин убрал слово «брат» из более раннего обращения Гринева к Пугачеву «Послушай, мужичок» (было: «Послушай, брат мужичок» — VIII, 862). Видимо, с этой же целью заменено обращение оренбургского генерала к П. Гриневу «Ну, брат» на «Ну, батюшка» (VIII, 866). Обратим внимание, что в пушкинском переложении великопостной молитвы «Отцы пустынники и жены непорочны...» (1836) «братом» в соответствии с христианской традицией назван другой человек, чаще не родня по крови: «...Да брат мой от меня не примет осужденья...».

Прямым контрастом этим употреблениям являются в повести три случая. Обращение орла к ворону из «калмыцкой сказки» является холодно-отчужденным: «Орел клюнул раз, клюнул другой, махнул крылом и сказал ворону: нет, брат ворон; чем триста лет питаться падалью, лучше раз напиток живой кровью...». Слово «брат», обращенное генералом к П. Гриневу на суде («Ты, брат, востер...»), своей иронией выражает настороженность, снисходительность, недоверие. И, наконец, прямую враждебность может выразить это слово в своей особой форме — Пугачев, почти оправдываясь перед Гриневым, говорит: «Ты видишь, что я не такой еще кровопийца, как говорит обо мне ваша братья». (Своих сподвижников Пугачев часто называет «братцами».)

Неоднократно упоминаются в отношении Гриневых, Мироновых слова «семья», «семейство», говорится о «Капитанской дочке» как «семейственных записках». «Простые, теплые, “домашние” отношения, связывающие всех жителей

Белогорской крепости, кроме Швабрина, служат в "Капитанской дочке" своего рода моделью того патриархального семейственного общежития, основанного на христианской этике милосердия, которое, по Пушкину, отличало Россию XVIII века от России современной», — пишет А. Долинин⁴⁴. В стихотворении 1834 г. об А. Мицкевиче «Он между нами жил...» Пушкин, выражая заветную мысль не только Мицкевича, но, несомненно, и свою собственную, мечтал «о временах грядущих, Когда народы, распри позабыв, В великую семью соединятся». Людское сообщество как семья — ответ этой заветной мысли Пушкина лежит на всех событиях и героях «Капитанской дочки».

Любовь Гринева к Маше начинается, видимо, как милосердие: «Мне стало жаль ее» — вот реакция молодого человека на слова Василисы Егоровны о дочери-бесприданнице и на Машины слезы. Описывая зарождение любви Гринева, Пушкин отказывается от первоначального варианта «Я к ней привязался» (VIII, 870) в пользу другой фразы, имеющей в виду не только «тихое и мирное» (в черновиках: «Он влюбляется тихо и мирно» — VIII, 930), но и «семейное» происхождение чувства: «...я привязался к доброму семейству...». Вот так, семейным, так сказать, образом возникла любовь — ведь сначала Гринева «в доме коменданта был <...> принят как родной». Отношения влюбленных Пушкин почему-то «очищает» от патетических проявлений: так, в конце главы VI в сцене прощания вместо «Я обнял ее и с жаром поцаловал» (VIII, 879) осталось «Я обнял ее». Прощание Маши с Гриневым в главе XIII сначала выглядело так: «Прощайте, Петр Андреевич! — сказала она, сжав мне руку» (VIII, 900). В окончательном варианте читаем: «Прощайте, Петр Андреевич! — сказала она тихим голосом». Любовь Петра и Марии

⁴⁴ Долинин А. Пушкин и Англия: цикл статей. М.: НЛО, 2007. С. 252.

изображена в красках иконописи, над этими отношениями — Бог. Может, поэтому так возникшая любовь не знает охлаждения, ревности (Пушкин исключает сцену ревности Маши — VIII, 878); сюжет движется, что давно замечено, не перипетиями любви, а борьбой влюбленных за свое счастье.

В этой борьбе Гринев готов послушаться отца (это «возможный сюжет», по выражению С.Г. Бочарова), Машей же отвергается венчание без родительского благословения. Для нее главное в решении родителей Гринева — «родные ваши не хотят меня в свою семью». Маша видит в отказе родителей Гринева благословить их «волю божию». В том же 1836 году Пушкин в знаменитом, при жизни не напечатанном <<Памятнике>> призывает свою музу смириться перед волей Бога: «Веленью божию, о муза, будь послушна...», ибо, как говорит Маша, «бог лучше нашего знает, что нам надобно». И Он распорядился так, что любовь старших Гриневых к Маше возникла через сострадание к ней как к дочери героев, погибших за отечество, сохранивших свою честь (главная «родовая» ценность Гриневых). Семейные ценности, таким образом, формируют и определяют любовные отношения главных героев «Капитанской дочки».

Можно сказать, что «Капитанская дочка» — повесть о том, почему вначале Гриневу было отказано в родительском благословении на брак с Машей, а затем это родительское благословение было горячо и искренне дано.

Родительское благословение изображается в основном тексте повести три раза и означает следующее.

– Поучение на будущую жизнь. Его дают родители перед отправкой Гринева в Оренбург, т.е. в торжественной ситуации начала новой жизни, поэтому оно запоминается и имеет влияние на дальнейшую жизнь сына. Благословение отца сводится к пословично выраженному поучению «Береги платье снову, а честь смолоду» (это перекликается с похожим

временным ограничением в послании Пушкина «К Чаадаеву» 1818 г.: «Пока сердца для чести живы...») как вывод из простых народных, солдатских правил поведения и сопровождается коленопреклонением сына, крестным знамением и осенением иконой родителями.

– Завещание перед возможной смертью, данное И.К. Мионовым своей дочери Маше перед решающим сражением («приступом»). Маша «стала на колени и поклонилась ему в землю. Старый комендант перекрестил ее трижды; потом поднял и, поцеловав, сказал ей изменившимся голосом: “Ну, Маша, будь счастлива. Молись богу: он тебя не оставит. Коли найдется добрый человек, дай бог вам любовь да совет...”». В этих словах не только пожелание, поучение, но и родительское благословение на брак. Благословение, данное в таких обстоятельствах, не может не иметь влияния на судьбу оставляемой отцом дочери — «добрый человек» уже стоит рядом, на том же валу...

– Разрешение, согласие на брак; кстати, в большинстве случаев родительское благословение и означает именно одобрение предстоящего бракосочетания. Но благословение — это нечто большее, чем просто согласие: не случайно в начале повести в письме А.П. Гринева сыну эти понятия разделены («просишь ты нас о родительском нашем благословении и согласии на брак <...> не только ни моего благословения, ни моего согласия дать я тебе не намерен...»). В благословении присутствует высокое духовное начало, глубокий религиозный смысл.

«По существовавшему тогда обычаю для вступления в брак требовалось до венчания в церкви получить согласие родителей невесты и жениха, — читаем в комментариях к «Капитанской дочке». — Молодые становились на колени перед родителями, которые благословляли их крестным знамением и давали приложиться к иконе»⁴⁵.

⁴⁵ Гиллельсон М.И., Мушина И.Б. Повесть А.С. Пушкина «Капитанская дочка». Комментарий. Л., 1977. С. 113.

Родительское благословение было впоследствии получено Гриневым и Машей от родителей Гринева («Пропущенная глава»). «Накануне похода я пришел к моим родителям и по тогдашнему обыкновению поклонился им в ноги, прося их благословения на брак с Марьей Ивановной. Старики меня подняли и в радостных слезах изъявили свое согласие. Я привел к ним Марью Ивановну бледную и трепещущую. — Нас благословили... Что чувствовал я, того не стану описывать. Кто бывал в моем положении, тот и без того меня поймет, — кто не бывал, о том только могу пожалеть и советовать, пока еще время не ушло, влюбиться и получить от родителей благословение». Отказ Гринева от описания процедуры благословения и вызванных ею чувств выдает чрезвычайное душевное волнение и высоту переживаний: крестное знамение, икона, любовь родителей поднимают отношения любящих на новую, возможно неожиданную для них высоту, защищают от грядущих испытаний. Не противопоставляется ли ослушавшаяся родителей Марья Гавриловна из «Метели» «капитанской дочке» (именно и прежде всего дочке) Марье Ивановне? По Машиным представлениям, через родительское благословение (или отказ в нем) совершается воля Бога — Небесного Отца.

В «Капитанской дочке» идеалом человеческих отношений является семья, во главе которой — отец (Отец), а все — дети и братья.

Внук Гринева: к истории образа

Финал «Капитанской дочки» не только говорит о дальнейшей судьбе героев, но и объясняет происхождение текста повести. Только теперь мы понимаем, что читали «записки» Гринева, опубликованные анонимным Издателем. После черты, обозначающей конец «записок» Гринева, следует небольшой текст, о котором, собственно, и речь, — только там и находится объект нашего исследования. Приведем эти строки — ведь к тому же их примечательная творческая история показывает смысл присутствия «внука» в повести.

«Здесь прекращаются записки Петра Андреевича Гринева. Из семейственных преданий известно, что он был освобожден от заключения в конце 1774 года, по именному повелению; что он присутствовал при казни Пугачева, который узнал его в толпе и кивнул ему головою, которая через минуту, мертвая и окровавленная, показана была народу. Вскоре потом Петр Андреевич женился на Марье Ивановне. Потомство их благоденствует в Симбирской губернии. В тридцати верстах от *** находится село, принадлежащее десятерым помещикам. В одном из барских флигелей показывают собственноручное письмо Екатерины II за стеклом и в рамке. Оно писано к отцу Петра Андреевича и содержит оправдание его сына и похвалы уму и сердцу дочери капитана Миронова. Рукопись Петра Андреевича Гринева доставлена была нам от одного из его внуков, который узнал, что мы заняты были трудом, относящимся ко временам, описанным его дедом. Мы решились, с разрешения родственников, издать

ее особо, приискав к каждой главе приличный эпиграф и дозволив себе переменить некоторые собственные имена.

19 окт. 1836.

Издатель».

Таким образом, оказывается, рукопись Гринева, сбереженная в его семье, доставлена была Издателю от одного из внуков Петра Андреевича. (Сравним с этим судьбу части архива бездетного Белкина — эти листы были пущены его ключницей на хозяйственные нужды.) Уже в этом внимании внука Гринева к рукописи деда залог внимания и к его нравственным ориентирам: не должны пропасть сбереженная Петром Гриневым родовая честь и добытое его тяжким и вдохновенным опытом понимание жизни. Внук, кроме того, понимает: история семьи формирует историю страны — он посылает рукопись деда историку Пугачевщины. Этим прорывом через внука в будущее «Капитанская дочка», пишет Н.Н. Петрунина, «обращена ко многим, к современникам и потомкам, ко всем нам»⁴⁶.

Обратим внимание: Петр Гринев назван в честь деда (так как отец его — Андрей Петрович). В неосуществленном «Введении» (5 августа 1833 г.) к «Капитанской дочке» и внук Гринева назывался также Петр («Любезный внук мой Петруша!»). Это говорит об уважении к памяти предков, о желании сохранить в роду имя деда. (В семье Пушкиных тоже существовала традиция называния внука именем деда: сам Пушкин назван в честь прадеда Александра Петровича Пушкина, утверждает Ю.Н. Тынянов⁴⁷, брат Пушкина Лев Сергеевич назван в честь деда Льва Александровича, отца Сергея Львовича. И в своей семье Пушкин придерживался

⁴⁶ *Петрунина Н.Н.* Проза Пушкина (Пути эволюции). Л., 1987. С. 286.

⁴⁷ *Тынянов Ю.Н.* Пушкин. М., 1984. С. 17, 29.

этой традиции. «Имя дочери Пушкины дали в честь покойной бабки поэта — Марии Алексеевны Ганнибал <...> Имя сыну поэт дал неслучайно — в память о своем непокорном предке Григории Пушкине»⁴⁸; сын, внук Пушкина и многие его потомки носили и носят имя Александр — в честь своего прославленного отца, деда, прадеда.)

Собственно текст «Капитанской дочки» начинается словосочетанием «Отец мой...», а заканчивается упоминанием внука (точнее, внуков) Гринева. Упоминаются также «пращур» и дед Петра Гринева и его внуки. Если учесть в этом контексте и название «Капитанская дочка», то получается, что «мысль семейная», по-толстовски (генетическая связь между «Капитанской дочкой» и «Войной и миром» несомненна) выражаясь, является главнейшей в повести.

Итак, внук — это персонаж, от кого доставлена рукопись Гринева. Но не только в этом его роль. Заметим — рукопись Гринева заканчивается отъездом Маши из Царского Села в деревню. Но сведения об освобождении Гринева, о его присутствии на казни Пугачева, о женитьбе Гринева на Маше и об их потомстве почерпнуты, как сообщает Издатель, из «семейственных преданий». Значит, эти сведения каким-то образом Издатель узнал от родственников Гринева, они хранители этих «семейственных преданий»; от потомков Гринева узнал об их семейной реликвии — «собственно-ручном письме Екатерины II» о Гринева и Маше; сказано, что у «родственников» он брал и разрешение напечатать рукопись.

Отметим, однако, что сначала внуку отводилась несколько иная роль. 5-м августа 1833 г. помечено отклоненное позже «Введение» — обращение П.А. Гринева к внуку. Приведем его полностью в современной орфографии.

⁴⁸ Русаков В.М. Рассказы о потомках Пушкина. Л., 1982. С. 18, 77.

«Любезный внук мой Петруша!

Часто рассказывал я тебе некоторые происшествия моей жизни и замечал, что ты всегда слушал меня со вниманием, несмотря на то, что случилось мне, может быть, в сотый раз пересказывать одно. На некоторые вопросы я никогда тебе не отвечал, обещая со временем удовлетворить твоему любопытству. Ныне решился я исполнить мое обещание. Начинаю для тебя свои записки, или лучше искреннюю исповедь, с полным уверением, что признания мои послужат к пользе твоей. Ты знаешь, что, несмотря на твои проказы, я всё полагаю, что в тебе прок будет, и главным тому доказательством почитаю сходство твоей молодости с моею. Конечно, твой батюшка никогда не причинял мне таких огорчений, какие терпели от тебя твои родители. Он всегда вел себя порядочно и добронравно, и всего бы лучше было, если б ты на него походил. Но ты уродился не в него, а в дедушку, и по-моему это еще не беда. Ты увидишь, что, завлеченный пылкостью моих страстей во многие заблуждения, находясь несколько раз в самых затруднительных обстоятельствах, я выплыл наконец и, слава богу, дожил до старости, заслужив и почтение моих ближних и добрых знакомых. То же пророчу и тебе, любезный Петруша, еслиохранишь в сердце твоём два прекрасные качества, мною в тебе замеченные: доброту и благородство»⁴⁹.

Определим роль внука в этом, повторим, отвергнутом тексте. Важно, что между Гриневым и его внуком теплые, доверительные отношения. Дед часто рассказывал внуку о своей жизни, и Петруша внимательно его слушал, задавая вопросы. Сами «записки» начаты для внука, для его «пользы». Внук уродился не в своего отца, который вел себя «порядочно

⁴⁹ Пушкин А.С. Собр. соч. в 10 т. Т. 5. М., 1975. С. 480.

и благонаравно», а в деда (П.А. Гринева) с его «пылкостью <...> страстей». Доброта и благородство — с удовольствием и надеждой отмечаемые Гриневым качества его внука. Но, как сказано, это «Введение» было снято и на его месте появился эпитаф «Береги честь смолоду. *Пословица*».

Л.П. Квашина считает, что переработка «Введения» в эпитаф (а в дальнейшем и в послесловие) имела цель снятия конкретизации: «Вместо предисловия появляется общий эпитаф “Береги честь смолоду”, вместо обращения к адресату — отточенная нравственная заповедь»⁵⁰. Но внук, однако, не исчез из повести.

В предпоследней редакции повести от 23 июля 1836 г. это «Введение» переработано в «Заключение». Приведем существенные разночтения этой редакции с окончательным текстом финала повести, который был процитирован в самом начале нашей работы. «Потомство их существует донныне. В 30 верстах от Симбирска находится село, принадлежащее десятерым помещикам. В одном из барских домов показывают собственноручное письмо Екатерины за стеклом и в рамке. Оно писано к отцу Петра Андреевича и содержит оправдание сына его: Петр Андреевич умер в конце 1817-го года. Рукопись его досталась старшему внуку его, который и доставил нам оную, узнав, что мы были заняты историческим трудом, относящимся ко временам, описанным его дедом» (VIII, 906).

Таким образом, в редакции от 23 июля 1836 г. (следующей, последней, уже будет беловая редакция от 19 октября 1836 г.) рукопись главного героя «досталась» старшему внуку по наследству, а в тексте повести эта рукопись никому не завещана. Если в рукописи от 23 июля внук сам доставлял рукопись

⁵⁰ Квашина Л.П. Мир и слово «Капитанской дочки» // Московский пушкинист. III. Сост. и науч. ред. В.С. Непомнящий. М., 1996. С. 204.

Пушкину, то в окончательном тексте кто-то неназванный по просьбе внука доставил ее Издателю; теперь нет личного контакта Издателя с внуком Гринева. В окончательном тексте Пушкин уменьшил богатство потомков Гринева: вместо «в одном из барских домов» стало «в одном из барских флигелей». Потомки Гринева теперь живут не вблизи Симбирска, как было в рукописи от 23 июля, а около неназванного населенного пункта Симбирской губернии, обозначенного звездочками, т.е. в сугубой провинциальной глуши. В окончательном тексте исчезло упоминание о смерти Гринева, хотя в 1836 г. он вряд ли жив (ему должен быть 81 год, согласно подсчетам его года рождения Пушкиным как 1755-го — VIII, 928). Оптимизма также добавляет, по сравнению с предыдущей редакцией, и фраза окончательного текста «Потомство их благоденствует...» вместо «Потомство их существует ныне». И нет основания, на наш взгляд, видеть в этом «благоденствует» иронию (как это трактуют некоторые исследователи) — это продолжение рода, действительное семейное счастье, несмотря на небогатую жизнь Гриневых.

На возможные источники темы внука в «Капитанской дочке» указала Н.Н. Петрунина. «“5 августа 1833” помечено введение, — напоминает она вначале, — хотя и не вошедшее в “Капитанскую дочку”, но очень близкое к ней по своей тональности (VIII, 927). Написанное в форме записок деда, обращенных к внуку, оно подготовило тип повествования будущего романа. Примечательно в нем указание на “сходство <...> молодости” деда и внука»⁵¹. И далее Н.Н. Петрунина указывает, что «мысль этого введения и его характер в какой-то мере могли быть подсказаны “Посвящением сочинителя”, предположенным “Запискам о жизни и службе Александра Ильича Бибикова” (автор книги — сын А.И. Бибикова Александр

⁵¹ Петрунина Н.Н. Указ. соч. С. 258.

Александрович Бибиков. — *В.Ш.*) — одной из настольных книг Пушкина во время работы над “Историей Пугачева”. Посвящение обращено к сыну автора (внуку А.И. Бибикова). Вот текст его: “Сыну моему Василию.

Ты увидишь здесь, кому подражать, по чьим стопам следовать.

Какое щастие находить в том, кого должно любить, образец совершенства и подражать тому, с кем сама природа иметь сходство повелела.

Молодой Плиний к Гениалису в письме XII, том II”.

Посвящение это отсылает нас не только к “Письмам” Плиния Младшего, но и указывает на целую литературную традицию, к которой они принадлежат», — пишет Н.Н. Петрунина⁵². Ученый подводит итог: «Характер раннего введения к повести о пугачевце — свидетельство тому, что к августу 1833 г. замысел Пушкина приобрел черты, сближающие его с традицией литературного поучения, и что Пушкин вполне это сознавал»⁵³. Из книги Н.Н. Петруниной узнаём далее, что «у А.А. Бибикова посвящение связывает три поколения: деда — А.И. Бибикова, одного из “замечательнейших лиц Екатерининских времен, столь богатых людьми знаменитыми” (IX, 32) (который смолоду “огорчал”-таки родню своими петербургскими “шалостями”), его сына — сенатора, участника войны 1812 г., и внука — современника Пушкина и декабристов. В пушкинском введении — те же три поколения русских людей, но облик их приобретает историческую многозначность, насыщаясь любимыми идеями поэта. <...> Хранение родовой чести не в слепом следовании нормам дворянского общежития, не в “порядочности и добронравии”, исключаяющих личную активность, а в верности

⁵² Петрунина Н.Н. Указ. соч. С. 258.

⁵³ Там же. С. 258–259.

идеалам “доброты и благородства” “в самых затруднительных обстоятельствах”⁵⁴. Исследователь добавляет, что в другом источнике «Капитанской дочки» (на него глухо указал сам Пушкин — VIII, 928), в «Рассказе моей бабушки» оренбургского краеведа А.П. Крюкова, «героиня сама через много лет рассказывает внуку о событиях своей юности»⁵⁵. Так что тема внука, возможно, подсказана Пушкину этими двумя литературными источниками «Капитанской дочки».

Пушкин, однако, исключает «Введение» 1833 года, отказывается от прямого следования учительной традиции как таковой. Может быть, потому, что, сам не во всем послушный сын, не очень верит в то, что дети и внуки следуют отцовским и дедовским заветам... И в 1836 году получается, что рукопись «Капитанской дочки» появилась, в общем, не из целей назидания, «пользы» внуку (как было во «Введении» от 5 августа 1833 г.), а «просто» писалась, когда, может быть, и внуков еще не было, — для себя, для людей, от полноты чувств, от стремления осмыслить пережитое, а эпиграф-назидание «Береги честь смолоду» относится не к внуку только, а к любому юному читателю «записок». Мотив завещания рукописи старшему внуку (июль 1836 г.) исключен Пушкиным в октябре 1836 года. Дело теперь не в старшинстве внука, которому рукопись досталась по наследству, а в живом интересе одного из внуков (необязательно старшего) к рукописи деда и в желании встроить этот документ в родную историю. «Назидательный момент» теперь «спрятан» в поговорку-эпиграф к повести и в отступление — обращение к «молодому человеку» в главе VI.

Почему же теперь, в окончательной редакции, внук не сам «доставил» рукопись деда Издателю, как было в июльской

⁵⁴ Петрунина Н.Н. Указ. соч. С. 259.

⁵⁵ Там же. С. 277.

редакции, а рукопись Гринева «доставлена была» Издателю «от одного из его внуков»? Почему теперь Пушкин исключил личный контакт Издателя и внука Гринева? Не поехал внук из симбирской глуши в Петербург, а переслал с кем-то (или по почте) рукопись деда. То ли это провинциальная стеснительность человека, не имевшего никогда дела с издательствами? То ли бедность? То ли молодая неопытность? Как бы то ни было, теперь заинтересованность внука меньше, хотя она, несомненно, есть.

Теперь уже само по себе наличие внуков у Гринева, их благополучие, их внимание к истории семьи, а одного и к рукописи деда — оптимистичный факт для Издателя. В то время как у Гринева его восемь братьев и сестер умерли во младенчестве и Маша Миронова тоже была единственным ребенком в семье, — у Маши и Гринева большое «потомство» (видимо, десять детей и внуки — ведь село принадлежит десятерым помещикам), из подлинного богатства которого честное имя и семейная реликвия — «собственноручное письмо Екатерины II за стеклом и в рамке». «Оно писано к *отцу* Петра Андреевича и содержит оправдание его *сына* и похвалы уму и сердцу *дочери* капитана Миронова». Далее говорится о *внуке* Гринева, от которого доставили рукопись его *деда*. Семья — поистине основа мира «Капитанской *дочки*».

Интересно, что письмо Екатерины II упоминал в качестве своей семейной реликвии и Пушкин. В «Опровержении на критики» (1830) было сказано: «<...>прадед мой Абр.<ам> Петрович Ганнибал, крестник и воспитанник Петра Великого, наперсник его (как видно из собственноручного письма Екатерины II) ...» (XI, 153). И дата под повестью «Капитанская дочка» — «19 окт. 1836» — придает тексту особый, личный смысл. Петр Гринев по возрасту ровесник Пушкину-лицейсту. 19-м октября 1836 г. помечено и стихотворение на 25-летнюю лицейскую годовщину «Была пора: наш праздник

молодой...», где Пушкин вспоминает «наш праздник молодой», свою лицейскую семью, свою милую юность, такую же открытую, пылкую и доверчивую, как у Петруши Гринева.

Пушкин, как внук, правнук, знал историю своего рода и гордился им. В «Моей родословной» (1830) он рисует старинный обветшалый род, славный только честным именем. «Бояр старинных я потомок», «не торговал мой дед блинами», «Мой предок Рача мышцей бранной Святому Невскому служил», «с Петром мой пращур не поладил», «Мой дед, когда мятеж поднялся Среди петергофского двора, Как Миних, верен оставался Паденью третьего Петра», «Решил Фиглярин, сидя дома, Что черный дед мой Ганнибал Был куплен за бутылку рома И в руки шкиперу (т.е. Петру Первому. — *В.Ш.*) попал». В «Опровержении на критики» сказано: «Род мой один из самых старинных дворянских. <...> При избрании Ром.<ановых> на <царство> 4 Пушкиных подписались под избирательною грамотою». Отвечая на упрек критики, увидевшей в пушкинской гордости своим родом подражание Байрону, Пушкин пишет: «... Что есть общего между привязанностию лорда к своим феодальным преимуществам и бескорыстным уважением к мертвым прадедам, коих минувшая знаменитость не может доставить нам ни чинов, ни покровительства?» И далее знаменитое: «Дикость, подлость и невежество не уважает прошедшего, пресмыкаясь пред одним настоящим. И у нас иной потомок Рюрика более дорожит звездою двоюродного дядюшки, чем историей своего дома, т.е. историей отечества» (XI, 160–162). Эта последняя фраза про то, что история дворянских родов, семей («домов») составляет историю отечества, легла в основание исторической концепции «Капитанской дочки». Записки Гринева о своей жизни, «семейственные предания» Гриневых-Мироновых, пишет Л.П. Квашина, — «это скрепы,

соединяющие пращуров и внуков, оставленное завещание и гарантия грядущего поступка»⁵⁶.

В лицейском саду Пушкин видел имя своего двоюродного деда Ганнибала, победителя Наварина, на бронзовой доске Морейской колонны. Интересно, что тема внука (вернее, вначале правнука) возникла в его поэзии очень рано. В стихотворении «Городок» (1815), одном из центральных произведений лицейской лирики Пушкина, «поэт, добровольно оставивший шумные развлечения столицы в поисках уединения, поэтической праздности и духовной свободы в общении с книгами и “естественными людьми”»⁵⁷, следуя Горацию и Державину, не исключает для себя славы в далеком будущем. Но эта слава отнюдь не прельщает поэта, что особенно показательно в сравнении с решением аналогичной ситуации Державиным, который на славе основывал свое бессмертие.

В стихотворении Державина «Памятник» (1796) читаем:

Так! — весь я не умру; но часть меня большая,
От тлена убежав, по смерти станет жить,
И слава возрастет моя, не увядая,
Доколь славянов род вселенна будет чтить.

Юный Пушкин, тоже мечтая о бессмертии, а «в “Городке” впервые Пушкин прямо говорит о бессмертии своей поэзии»⁵⁸, называет в этом стихотворении иной путь его обретения:

Не весь я предан тленью;
С моей, быть может, тенью

⁵⁶ *Квашина Л.П.* Указ. соч. С. 233.

⁵⁷ *Вацуро В.Э.* «Городок» // Пушкинская энциклопедия. Вып. 1. СПб., 2009. С. 376.

⁵⁸ *Цявловская Т.* Примечания // Пушкин А.С. Собр. соч. в 10 т. Т. 1. М., 1974. С. 691.

Полунощной порой
Сын Феба молодой,
Мой правнук просвещенный,
Беседовать придет
И мною вдохновенный
На лире вздохнет.

В отличие от Державина (полемичность более очевидна при общей опоре на державинскую традицию), основывавшего свое бессмертие на высоте тем (и при этом простой, сердечной форме своей поэзии) и своей славе, обусловленной почтением к «славянам», юный Пушкин, используя державинское слово «тлен» (в форме «тлень»), надеется на свое бессмертие по гораздо более личным причинам — его просвещенный правнук-поэт будет читать его стихи и творить, вдохновленный его наследием. Никакого «внука» или «правнука» ни у Горация, ни у Ломоносова, ни у Державина в стихотворениях на тему памятника нет; эта личная лирическая нота принадлежит Пушкину и проявляет его сильнейшее «чувство рода».

Интересно, что в «Городке» есть и «внук», но это не потомок поэта, ничей кровный потомок, а «преемник» Вольтера (так слово «внук» в этом стихотворении трактуется «Словарем языка Пушкина»)⁵⁹. Кстати, в современном русском языке последователи, преемники тоже могут быть названы «внуками», но только во множественном числе («внуки Суворова»). В сравнении с этим «внуком», «мой правнук» «Городка» — лицо, кровно связанное с поэтом, этот его «правнук» — единственный, считает юный автор, кто будет помнить поэта, причем это случится очень не скоро (ведь не «внук», а «правнук»).

⁵⁹ Словарь языка Пушкина. В 4 т. 2-е изд., доп. М.: Азбуковник, 2000. Т. 1. С. 305.

В стихотворении Пушкина «К Овидию» (1821) эта же мысль. Лирический герой, теперь не надеясь на славу в будущем («среди толпы затерянный певец, Безвестен буду я для новых поколений»), мечтает о том, что его будет помнить лишь собственный потомок:

Но если, обо мне потомок поздний мой
Узнав, придет искать в стране сей отдаленной
Близ праха славного (Овидия. — *В.Ш.*) мой след уединенный —
Брегов забвения оставя хладну сень,
К нему слетит моя признательная тень,
И будет мило мне его воспоминанье.

(Теперь нужно перенестись из 1821-го в 1877 год. «Могли тогда поэт думать, что “поздним потомком” будет именно его старший сын, отправляющийся освобождать братский болгарский народ», — пишет А.В. Манько⁶⁰. Старший сын поэта полковник А.А. Пушкин в мае 1877 г. проезжал с войсками по Молдавии на войну с Турцией.

Кроме родственно-теплого значения слов «правнук», «внук», есть у Пушкина и почти противоположное значение слова «внуки». Во 2-й главе (1823 г.) «Евгения Онегина» «внуки» фигурируют в охлажденно-отчужденном контексте неизбежной смены поколений. На могиле Дмитрия Ларина Ленский пишет ему и своим родителям мадригал. И следует авторское размышление:

Так наше ветреное племя
Растет, волнуется, кипит
И к гробу прадедов теснит.
Придет, придет и наше время,
И наши внуки в добрый час
Из мира вытеснят и нас!

⁶⁰ Манько А.В. Пушкинский род в истории России. М., 2014. С. 188.

Несколько саркастическое размышление это продолжено вполне серьезным, искренним желанием «печальный жребий свой прославить» в стихах. Как видим, здесь истинным продолжением жизни поэта объявляется лишь его поэзия, внуки же теперь — нечто чуть ли не враждебное, «вытесняющее» нас из мира, как, впрочем, раньше «наше ветреное племя» «к гробу прадедов» так же «теснило». Автор тешит себя «лестной надеждой» на то, что «будущий невежда» вспомнит его, и посылает ему свои «благодаренья». И этот человек — не внук.

В «Отрывках из писем, мыслях и замечаниях» (1827) Пушкин пишет: «Гордиться славою своих предков не только можно, но и должно; не уважать оной есть постыдное малодушие. “Государственное правило, — говорил Карамзин, — ставит уважение к предкам в достоинство гражданину образованному”. <...> Бескорыстная мысль, что внуки будут уважены за имя, нами им переданное, не есть ли благороднейшая надежда человеческого сердца?» (XI, 55) Уважение к памяти предков, с одной стороны, и стремление передать честное имя внукам, с другой, — вот достойная жизнь гражданина и те «скрепы», которыми держится государство.

В «Истории села Горюхина» (1830) появляется «внук» как хранитель записок деда и бабки. Здесь фигурирует список источников, которыми пользовался составитель «Истории». В собрание старинных календарей вплетены синие листы бумаги, исписанные старинным почерком. «Летопись сия, — написано в «Истории», — сочинена прадедом моим Андреем Степановичем Белкиным. <...> В сие отделение входят записки деда моего Ивана Андреевича Белкина и бабки моей, и его супруги, Евпраксии Алексеевны ...» — пишет их внук Белкин, от лица которого излагается «История».

В стихотворении 1831 г. «Бородинская годовщина» Пушкин, рисуя, как предместье Варшавы пало в «день Бородина», вдохновенно отмечает такой факт — в русском войске

воевал внук Суворова. Произошло повторение истории: в 1794 г. войска А.В. Суворова взяли Варшаву и подавили Польское восстание. Обращаясь к И.Ф. Паскевичу, руководившему подавлением Польского восстания 1830–1831 гг., Пушкин пишет о том, что тень Суворова как бы благословляет и Паскевича, и своего внука князя Александра Аркадьевича Суворова, участвовавшего в штурме Варшавы. Этот героизм внука Суворова замечательно наследует боевые традиции русского войска, означает преемственность русской славы.

После величественного «Вступления» «Медного всадника» (1833) о Петре и Петербурге Пушкин повествует в начале первой главы — по контрасту — о своем «бедном», незначимом герое. Называя его лишь Евгением, без фамилии («прозвань»), автор объясняет это тем, что, несмотря на то что это «прозвань» раньше было на слуху, «блистало», даже Карамзин в «Истории» его упоминал (т.е. Евгений «хорошего» рода), теперь «оно забыто» (любимая и тревожащая Пушкина мысль об унижении в новое время древних родов). Мечты этого «маленького человека» — о создании своей семьи, и в этом контексте в его мечтах даже смерть не выглядит чем-то ужасным, потому что похоронят их с женой — «внуки»:

«...И станем жить, и так до гроба
Рука с рукой дойдем мы оба,
И внуки нас похоронят...»

Вот так, между предками и «внуками», и должна проходить жизнь. Заметим, не ритмически возможное «дети нас похоронят», а «внуки» — они нужны для душевного покоя, для ощущения полноты и «правильности» жизни, это означает также, что эта жизнь — не короткая.

В «Пиковой даме» (1833) Германн просит старую графиню открыть ему тайну трех карт, умоляя ее «чувствами супруги, любовницы, матери», и в его страстных мечтах возникают его потомки, которые, обещал он, будут чтить ее память: «Подумайте, что счастье человека находится в ваших руках; что не только я, но дети мои, внуки и правнуки благословят вашу память и будут ее чтить, как святыню...» Германн тогда надеялся, что у него будет семья, дети, внуки и правнуки, но этому не суждено было сбыться. Вскоре, сойдя с ума, он будет отвержен от людей, а пока, из чувства суеверия боясь не попросить прощения у графини, причиной смерти которой все-таки был он, Германн явился на отпевание. И вот тут эта же фраза — «дети, внуки и правнуки» — употреблена снова, но это родственники графини. Не насмешка ли это над мечтами Германна, над его надеждами? В сущности ради будущей семьи и хотел Германн обогатиться, — но семьи у него, не разбиравшего средств к обогащению и шедшего с ума, не будет.

В стихотворении «...Вновь я посетил...» (1835) слово «вновь» вводит в атмосферу воспоминаний, хода времени, его цикличности, а картиной воспоминаний о себе внука в далеком будущем стихотворение и закончится: «и обо мне вспомянет».

Картина сосен, одна из которых осталась одинокой («как старый холостяк»), а две образовали семью («зеленая семья», «кусты <...> как дети»), — две формулы жизни. И автор, выбравший путь семьи, уверен: семья — непреложный закон человеческой жизни. Мудрость семейного устройства жизни — в преодолении трагедии краткости человеческого существования. Поэт, «покорный общему закону», находит в семейной жизни высокий смысл, залог бессмертия.

Через сосны как бы осуществляется связь и людских поколений. В стихотворении упоминается граница «владений

дедовских», обозначенная соснами; герой стихотворения и его будущий внук вспоминают дедов, глядя на деревья.

Внук почему-то не просто смотрит на сосны, а «с приятельской беседы возвращаясь» (как будто из Тригорского, где часто засиживался и Пушкин), «веселых и приятных мыслей полон», проходит мимо них «во мраке ночи»; ночью шум сосен еще значимее — ты уже дома.

Человеческая приязнь, дружба для самого Пушкина были бесценными дарами жизни; этого же он желает для своего не узнанного им внука (в 1835 году даже дети его еще маленькие). И вот, согретый дружеской душевной открытостью, внук с радостью смотрит на сосны с «приветным шумом» их вершин и вспоминает о деде, когда-то глядевшем на эти же, еще молодые, сосны...

Здравствуй, племя младое, незнакомое! не я
Увижу твой могучий поздний возраст,
Когда перерастешь моих знакомцев
И старую главу их заслонишь
От глаз прохожего. Но пусть мой внук
Услышит ваш приветный шум, когда,
С приятельской беседы возвращаясь,
Веселых и приятных мыслей полон,
Пройдет он мимо вас во мраке ночи
И обо мне вспомнит.

Фраза построена и смиренно, и оптимистически, и неэгоистически. Ведь не так: «Я не увижу твой могучий поздний возраст», а «не я Увижу...», акцент не на «мне», а на «племени младом». Интересна в этом смысле жизненная основа стихотворения. В письме к жене от 25 сентября 1835 г. отражены первые, еще необработанные так сказать, впечатления от Михайловского, и разница со стихотворением весьма симптоматична: «В Михайловском нашел я все по-старому,

кроме того, что нет уж няни моей и что около знакомых старых сосен поднялась, во время моего отсутствия, молодая сосновая семья, на которую досадно мне смотреть, как иногда досадно мне видеть молодых кавалергардов на балах, на которых уже не пляшу» (XVI, 50). Как важно, что «досада» сменилась в стихотворении приятием непреложного закона жизни, и это приятие вызвано надеждой на «внука».

Это заклинание «Но пусть мой внук ...» в стихотворении — желание своего посмертного (во внуке) существования; и очень важно, что «мой внук» выделено графически, ударным местом конца строки, так же, как и «не я». (В связи с этим стихотворением приведем воспоминания сына Пушкина Александра Александровича о пребывании в Болдино, о дороге из Болдино в соседнее село. «Иду <...> и думаю, что по этой дороге проезжал отец. Около листовенницы постою, и кажется мне, будто я с отцом наговорился»)⁶¹.

В стихотворении «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...» (1836) уверенность Пушкина в своем посмертном существовании и славе основана на «заветной лире» его поэзии и надежде на долгую необходимость для людей поэтического слова («доколь в подлунном мире Жив будет хоть один пиит»). И тогда

Слух обо мне пройдет по всей Руси великой,
И назовет меня всяк сущий в ней язык,
И гордый внук славян, и финн, и ныне дикой
Тунгус, и друг степей калмык.

Вот вновь соединились «заветная лира» — и «внук» (как было с «лирой» и «правнуком» в «Городке» 1815 г.). Но теперь это не только его собственный внук, а — обобщенно —

⁶¹ Цит. по: Манько А.В. «Бояр старинных я потомок...» Исторические сюжеты об А.С. Пушкине, его предках и потомках. М., 2009. С. 136.

«гордый» потомок славян, «гордый» славой поэта, тоже славянина. И слово выбрано «внук» — со значением родственности, юности, теплоты. Интересно, что «внук славян» в стихотворении появился сразу, менялись лишь эпитеты: внук славян; гордый внук славян; могущий внук славян; и гордый внук славян (см. III, 1034). То есть «внук» был для Пушкина основным и дорогим словом, настолько дорогим, что он даже пожертвовал выражением в следующей строке «и сын степей калмык» в пользу «и друг степей калмык», видимо для того, чтобы рядом не стояли «внук славян» и «сын степей калмык». В. Ледницкий считал «гордым внуком славян» поляков, мотивируя это «географически»: перечисление народов у Пушкина идет якобы с запада на север, восток, юг⁶². Но эта точка зрения не нашла поддержки: не мог Пушкин не назвать русских в перечислении народов, в памяти которых он будет жить. Г.М. Седова обратила внимание на то, что в стихотворении не «славянин», а «славяне» («внук славян»), и склонна под «славянами» понимать их западные ветви — сербов, болгар, черногорцев, угнетенных во времена Пушкина и вставших на путь борьбы за свое освобождение (поэтому «гордый внук славян»). Идея славянского единства (под эгидой России) была весьма популярна в 1820–1830-е гг., в стихотворении Пушкина «Клеветникам России» (1831) есть образ «славянских ручьев», которые могут «слиться в русском море»⁶³. Может быть, «внук славян» — это надежда на грядущее объединение славян?

(Интересно, что эпитет «гордый» в отношении «славянина» уже был употреблен в «Отрывках из путешествия Онегина»: «Я жил тогда в Одессе пыльной <...> Где ходит гордый

⁶² См. об этом: *Алексеев М.П.* Пушкин и мировая литература. Л., 1987. С. 79.

⁶³ *Седова Галина.* Ему было за что умирать у Черной речки. СПб., 2012. С. 440–442.

славянин, Француз, испанец, армянин<...>» (VI, 201). Кстати, в <«Памятнике»> ритмически возможен «гордый славянин», но Пушкин выбирает «гордый внук славян».) Заметим, что славянин, русский возник в стихотворении сразу как «внук славян», ни про один народ здесь так «семейно» не сказано. Это внук его народа.

Почему понадобилось Пушкину в августе 1836 г. семейное, трогательное, родное слово «внук»? Не потому ли, что «внук» уже был «освоен» как продолжатель жизни и идеалов деда месяц назад, в финале июльской, предпоследней, редакции «Капитанской дочки»? Словом «внук» обозначает Пушкин в <«Памятнике»> и отдаленность во времени своей подлинной славы — дети до этого вряд ли доживут...

Шестого июня 1880 года, когда на народные деньги был воздвигнут в Москве первый памятник первому поэту России, все дети Пушкина были живы и, окруженные почетом, были приглашены на открытие памятника. Из-за границы приехала Н.А. Меренберг. Именно она, самая младшая, подарила первую внучку — Наталью Михайловну Дубельт (родилась 23 августа 1854 г., умерла 6 октября 1926 г.) и первого внука — Леонтия Михайловича Дубельта (родился 5 октября 1855 г., умер 24 сентября 1894 г.). А всего у Пушкина было 19 внуков: у старшего сына, А.А. Пушкина, 13 детей, и у младшей дочери, Н.А. Пушкиной, — 6 детей). Когда состоялось открытие первого памятника Пушкину, первыми венки к подножию поднесли дети поэта Мария Александровна Гартунг, Александр Александрович и Григорий Александрович Пушкины, Наталья Александровна Меренберг. Здесь же находился мичман Л. Дубельт — сын Натальи Александровны от первого брака, внук А.С. Пушкина⁶⁴.

⁶⁴ Манько А.В. Пушкинский род в истории России. М., 2014. С. 276.

А.В. Манько, сообщая, что «родословная Пушкиных насчитывает более 750 лет и в ней свыше 400 мужских имен»⁶⁵, рассказывает о двух ветвях этого родословного дерева — российской (основанной А.А. Пушкиным) и зарубежной (основанной Н.А. Пушкиной). Старший сын поэта Александр Александрович стал военным; «военные способности старшего сына Александра Сергеевича Пушкина особенно раскрылись во время боевых действий русской армии в Балканской кампании 1877–1878 годов, когда он принимал самое непосредственное участие в освободительной миссии России»⁶⁶. Как уже говорилось, во время этой кампании полковник Пушкин проезжал через Молдавию, через те места, где три года жил в ссылке его отец и в стихотворении «К Овидию» думал о своем «потомке». Генерал-лейтенант А.А. Пушкин за 35 лет службы в армии стал кавалером почти всех русских орденов, награжден иностранными орденами (австрийским, черногорским, итальянским). Он подарил много пушкинских реликвий нашим музеям и библиотекам.

А вот что пишет исследователь о внуке Пушкина Г.А. Пушкине. «...Военная традиция рода Пушкиных была продолжена сыновьями Александра Александровича, его внуками — потомками великого поэта. Один из сыновей А.А. Пушкина Григорий (1868–1940. — *В.Ш.*), пойдя по стопам отца, дослужился до звания полковника царской армии, был участником Первой мировой войны. Он перешел на сторону большевиков и в годы Гражданской войны на разных фронтах защищал молодую республику рабочих и крестьян. Сын Григория Александровича (Григорий Григорьевич (1913–1997). — *В.Ш.*), правнук поэта, был участником Финской кампании. В годы Великой Отечественной

⁶⁵ Манько А.В. Пушкинский род... С. 234.

⁶⁶ Там же. С. 184.

войны он громил фашистских захватчиков под Москвой, участвовал в партизанских рейдах по тылам врага, получил правительственные награды»⁶⁷. Его сын Александр Григорьевич Пушкин (1951–1992) был последним, вместе с отцом, прямым потомком Пушкина в России. В нашей стране с их смертью не осталось прямых потомков Пушкина по мужской линии.

Заграничная ветвь Пушкиных, как сказано, основана дочерью Пушкина Натальей Александровной. Потомки Пушкина по этой линии «войдут не только в замкнутый круг европейской аристократии, установив с представителями правящих династий Европы семейные узы, но станут родственниками российского императорского Дома Романовых»⁶⁸. Внучка Пушкина София Николаевна Меренберг в 1891 г. вышла замуж за внука российского императора Николая I, Великого князя Михаила Михайловича Романова. (Александр III не признал этого морганатического брака; с восшествием на престол Николая II супруги получили возможность вернуться в Россию, но сами этого не захотели; это, кстати, спасло им жизнь: все члены императорской семьи погибли в 1918–1919 гг.) Их дочь Анастасия вышла замуж за алмазного магната Уэрнера; дочь Уэрнеров Наталья — мать Хью Гросвенора, прапрапраправнука Пушкина. Он 1991 года рождения; кровными узами он тесно связан с королевской семьей, он крестный отец принца Джорджа, сына принца Уильяма и Кейт Миддлтон⁶⁹.

На сей день остался один прямой потомок Пушкина по мужской линии, это Александр Александрович Пушкин, живущий в Брюсселе (Бельгия), 1942 г.р., праправнук поэта. В 2005 году он и его жена (урожденная Дурново) получили российское гражданство;

⁶⁷ Манько А.В. Пушкинский род... С. 234.

⁶⁸ Манько А.В. «Бояр старинных я потомок...». М., 2009. С. 139.

⁶⁹ Аргументы и факты. 2016. № 33.

детей у них нет. Супруги часто бывают в России, занимаются благотворительностью, пропагандируют в Бельгии творчество Пушкина.

Подведем итоги. Итак, в 1815 г. в «Городке» юный поэт не дерзал мечтать о славе, а хотел остаться в памяти лишь своего просвещенного поэта-правнука, этим обеспечив свое бессмертие. И вот через двадцать лет в <<Памятнике>>, тоже программном, в слове «внук» также — надежда на бессмертие, обеспеченное славой поэта и качеством его поэтического творчества, и название этой надежды, нет, уверенности родным, «теплым» словом, уже к этому времени «обжившимся» в его поэзии, хотя в <<Памятнике>> речь идет не только лишь о кровном родстве.

<<Памятник>> (август 1836 г.) хронологически «окружен» редакциями «Капитанской дочки» — черновой от 23 июля и белой от 19 октября, и тема внука, посмертного в нем существования, объединяет стихотворение и повесть. Посмертная жизнь автора стихотворения будет обеспечена его творчеством и «внуком» — «внуком славян», который (в числе других народов России) «назовет» имя Пушкина, тем самым утвердив его в родной культуре; посмертная жизнь «автора» повести (Гринева) будет обеспечена его внуком, не только своим существованием продолжающим жизнь деда, но и сделавшим «записки» деда фактом родной истории. А пословица-эпиграф «Береги честь смолоду» и призыв к «молодому человеку» со страниц «Капитанской дочки» делают повесть завещанием Пушкина.

Почему крепость — Белогорская?

Главное место действия в итоговом произведении Пушкина «Капитанская дочка» — Белогорская крепость; это название поэтому важно, тем более что неочевидно. Название крепости, в которую прибыл служить Петр Гринев, — Белогорская — появилось лишь в печатном тексте «Капитанской дочки» (четвертый том «Современника» за 1836 год); в беловом автографе повести название отсутствует, вместо него — две звездочки: «** крепость» (VIII, 866–903), из этого понятно, что название долго обдумывалось⁷⁰.

В отличие от «Истории Пугачева», где все названия крепостей реальные, в «Капитанской дочке», наряду с реальными названиями: Нижне-Озерная, Татищева, — Пушкин вводит вымышленное название одной из крепостей «в сорока верстах от Оренбурга» — Белогорской крепости. Примечательно, что среди крепостей, упомянутых в «Истории Пугачева», есть в 75 верстах от Оренбурга Красногорская крепость (IX, 866), а также Горская (IX, 835). Эти имена могли послужить Пушкину образцом для Белогорской. Откуда же такое название?

Н.В. Измайлов считает, что в имени Белогорской крепости отразились личные впечатления Пушкина во время его Оренбургского путешествия 1833 года (они, уверен ученый, вообще играли важную роль при написании «Капитанской дочки»): «Вид меловых гор на берегу Урала, который Пушкин

⁷⁰ Интересно, что в беловом автографе, наоборот, назван полк, куда оренбургский губернатор Андрей Карлович отправил Гринева, — Шемшинский драгунский (VIII, 866); в печатном тексте название полка заменено тремя звездочками: «в *** полк» (VIII, 292), возможно для того, чтобы стоящее в том же предложении впервые упомянутое сочетание «Белогорская крепость» не «затемнялось» другим названием.

наблюдал по дороге из Оренбурга в Уральск, дал название Белогорской крепости в "Капитанской дочке", исторически не известной, но соответствующей по положению Татищевой»⁷¹. Но о меловых горах не говорится в «Капитанской дочке», значит, не хотел Пушкин такой связи в сознании читателя⁷². Кроме того, непонятно, почему именно эта деталь уральского пейзажа — меловые горы — так привлекла внимание Пушкина. Скорее всего, впечатление от меловых гор на Урале если и привело к названию «Белогорская», то потому, что «легло» на какую-то более раннюю и важную картину белых гор, раз дало название главному, по существу, месту действия в повести. А это сильное впечатление, надо полагать, возникло у Пушкина на Кавказе.

В письме к Л.С. Пушкину от 24 сентября 1820 г. Пушкин писал о своем восхождении на горы Кавказа: «Жалею, мой друг, что ты со мною вместе не видал великолепную цепь этих гор; ледяные их вершины, которые издали, на ясной заре, кажутся странными облаками, разноцветными и недвижимыми; жалею, что не всходил со мною на острый верх пятихолмного Бешту, Машука, Железной горы, Каменной и Змеиной» (XIII, 17–18). Во время путешествия по югу с семьей

⁷¹ *Измайлов Н.В.* Оренбургские материалы Пушкина для «Истории Пугачева» и «Капитанской дочки» // *Измайлов Н.В.* Очерки творчества Пушкина. Л., 1975. С. 299.

⁷² Например, в «Путешествии в Арзрум» 1835 г. белые горы упоминаются: «Горы эти называются Ак-Даг (белые горы); они меловые. Белая, язвительная пыль ела нам глаза; грустный вид их наводил тоску» (VIII, 474). Отсюда может следовать, что вряд ли вид меловых гор и на Урале пробудил у Пушкина положительные чувства. Сейчас на карте России существует несколько названий «Белогорск», «Белогорский». Белогорск — это города в Крыму и в Амурской области, поселок в Кемеровской области; есть Белогорские монастыри в Воронежской области и в Пермском крае. Кажется, во всех случаях их географическая особенность — белая (меловая) гора рядом. Эти названия были неизвестны Пушкину — они второй половины XIX века и советского времени.

Раевских Пушкин испытывал счастье не только от пребывания «в кругу милого семейства», но и от созерцания великолепной природы — «счастливое, полуденное небо; прелестный край; природа, удовлетворяющая воображение, — горы, сады, море» (XIII, 19). Небо и горы, заметим, поставлены на первое место; вообще во мнении читателей Пушкин был тогда «певцом Кавказа», а следовательно, гор. Это свое счастливое состояние в виду кавказских гор он запомнил навсегда (в 1836 году он напишет историку и этнографу В.Д. Сухорукову в Пятигорск: «В соседстве Бештау и Эльбруса живут и досуг и вдохновение» — XVI, 90). А с образом гор-облаков (из письма к брату) и белеющего Эльбруса встречаемся уже в «Кавказском пленнике» (1821):

Великолепные картины!
Престолы вечные снегов,
Очам казались их вершины
Недвижной цепью *облаков*,
И в их кругу колосс двуглавый,
В венце блистая ледяном,
Эльбрус, огромный, величавый,
Белел на небе голубом.

Волнующий образ белеющей горы встречаем и в «Узнике» (1822). Орел-невольник под окном темницы узника как будто

...вымолвить хочет: «Давай улетим!
Мы вольные птицы; пора, брат, пора!
Туда, где за тучей *белеет гора*,
Туда, где синеют морские края,
Туда, где гуляем лишь ветер... да я!...»

Образ далекой и высокой манящей свободы, отрешенность от земной неволи — вот что такое здесь белеющая гора, тем более по контрасту с тучей, видимо темной.

В 1829 году Пушкиным написано стихотворение «Монастырь на Казбеке» об увиденном во время Арзрумского путешествия «монастыре за облаками», парящем «над горами», монастыре, к которому рвется дух человека, потому что там «вольная вышина», «соседство бога»:

Высоко над семьею гор,
Казбек, твой царственный шатер
Сияет вечными лучами.
Твой монастырь *за облаками*,
Как в небе реющий ковчег,
Парит, чуть видный, *над горами*.

Далекий, вожденный брег!
Туда б, сказав прости ущелью,
Подняться к вольной вышине!
Туда б, в заоблачную келью,
В соседство бога скрыться мне!..

Этот же поразивший Пушкина монастырь описан им в «Путешествии в Арзрум» 1835 г.: «Утром, проезжая мимо Казбека, увидел я чудное зрелище. *Белые*, оборванные тучи перетягивались через *вершину горы*, и уединенный монастырь, озаренный лучами солнца, казалось, плавал в воздухе, несомый *облаками*» (VIII, 482). Так же, как и в стихотворении, «чудное зрелище» завораживает, увлекает душу ввысь. В «Путешествии в Арзрум» описание горы Алагез (принятой спутниками Пушкина за Арарат) тоже обращает на себя внимание: после фразы «На ясном небе *белела* снеговая, двуглавая *гора*» (VIII, 463) следующие за ней библейские ассоциации наполняют образ белой горы общечеловеческим смыслом. Есть в «Путешествии в Арзрум» и описание неприступной крепости Карс, отвоеванной русскими войсками у турок, крепости, «белеющейся» на горе: «Я поехал

по широкой долине, окруженной *горами*. Вскоре увидел я Карс, *белеющийся* на одной из них <...> Осматривая укрепления и цитадель, выстроенный на неприступной скале, я не понимал, каким образом мы могли овладеть Карсом» (VIII, 464, 465).

И.З. Сурат обратила внимание на то, что «в произведениях Пушкина разных лет несколько раз варьируется один зрительный образ — белое на горе»; она называет «Бурю» (1825), «Монастырь на Казбеке» (1829), неоконченный перевод сербской народной песни «Что белеется на горе зеленой...» (1834) и сосредоточивается на анализе отрывка не оконченного Пушкиным перевода «Когда владыка ассирийский...» (1835) из неканонической ветхозаветной Книги Юдифь⁷³. Больше всего привлекло исследователя описание города, который намеревались покорить враги, — Ветилуи:

И над тесниной торжествуя,
Как муж на страже, в тишине,
Стоит, *белеясь*, Ветилуя
В недостижимой вышине.

И.З. Сурат считает, что в основе образа Ветилуи — впечатление от монастыря на Казбеке⁷⁴; И.С. Сидоров, уточняя, называет источником также и «белеющийся» Карс из «Путешествия в Арзрум»⁷⁵. «... Личная нота слышится в словах о белой Ветилуе <...> Белое в вышине, — пишет И.З. Сурат, — образ пронзительного лирического звучания, смутно зовущий, иномирный. И пожалуй, именно в стихах о Ветилуе

⁷³ Сурат И.З. «Стоит, белеясь, Ветилуя...» // Сурат Ирина. Вчерашнее солнце. О Пушкине и пушкинистах. М., 2009. С. 327–342.

⁷⁴ Там же. С. 336.

⁷⁵ Сидоров И.С. «Здесь увидел я нашего В. ...» (Из наблюдений над текстом «Путешествия в Арзрум») // Московский пушкинист. Сост. и науч. ред. В.С. Непомнящий. VIII. М., 2000. С. 179.

этот образ кристаллизуется: индивидуально-поэтическое начало соединяется в нем с осознанной религиозной символикой»⁷⁶. Имеется в виду трудное духовное противостояние Пушкина в это время окружающему его часто враждебному Петербургу и своим личным душевным неустройствам; в этом причина его обращения к древнему сюжету. Стоять перед врагом «в тишине», «в вышине», как Ветилуя, — вот плод личного духовного опыта. Еще одна причина несокрушимости народа Ветилуи: «Высок смиреньем терпеливым...» — и это, по Сурат, «формула идеального нравственного поведения»⁷⁷. Лирический герой Пушкина в 1835 году мечтает о побеге к тесным воротам спасения («Странник»), но сокрушенно констатирует в 1836-м: «Напрасно я бегу к сионским высотам...» Хотя силы «греха алчного», по библейской традиции, уподобляются им в этом стихотворении льву, а собственные силы — оленю, но он «бежит», и именно к «высотам» — этим последним словом названа жизнь, посвященная идеалу, свободная от греха.

«Высота» подспудно присутствует и в названии «Белогорская» в «Капитанской дочке». Именованье крепости как Белогорской — это «бегство» из Петербурга на некую высоту («белую гору»), где простые люди, крепкая семья, тихая и верная любовь, настоящий героизм. Белогорская крепость противопоставлена в повести Петербургу (представитель его — Швабрин, сосланный из столицы в Белогорскую крепость за дуэль, единственный полностью отрицательный персонаж повести). Гринев-старший знал, что делал, посылая сына не в Петербург, а в Оренбург: он понимал, чем угрожает столица духовно не окрепшему сыну.

Петр Гринев, оказавшись в глухом гарнизоне в Белогорской крепости, видит там подлинные ценности — офицерскую

⁷⁶ Сурат И.З. «Стоит, белясь, Ветилуя...». С. 337.

⁷⁷ Там же. С. 329.

верность присяге, теплые семейные отношения людей, верную любовь. Белогорская крепость означает и самую заветную ценность для Пушкина в 30-е годы — дом. Не случайно в повести сказано, что «Василиса Егоровна и на дела службы смотрела, как на свои хозяйские, и управляла крепостию так точно, как и своим домком». Ю.М. Лотман писал, что Дом (именно с заглавной буквы) стал для Пушкина в 30-е годы «крепость и опора»⁷⁸. И эта ценность «размывалась» в Петербурге, где свет покушался на эту его святыню. И.А. Есаулов отмечает, выделяя главное слово: «Конечно, Белогорская крепость является, по сути дела, *домом* — со всеми свойственными этому идиллическому топосу атрибутами»⁷⁹.

Белогорская крепость, далее, — это крепость духа ее многочисленных защитников, крепость веры в Бога, крепость человеческих связей, крепость любви и верности (глава III так и называется — «Крепость»).

Принципиальный момент при обрисовке Белогорской крепости — она внешне неказистая; Гринев и не понял, увидев ее, что это крепость. «Грозные бастионы, башни и вал», как представлял крепость Гринев, разительно отличались от реальности — «деревушки, окруженной бревенчатым забором». И далее: «У ворот увидел я старую чугунную пушку; улицы были тесны и кривы; избы низки и большею частию покрыты соломою». Семья коменданта жила даже не в доме, а в «деревянном домике». За обыденностью облика и даже комичностью персонажей («старик <...> в колпаке и в китайчатом халате», «кривой старичок в офицерском мундире», «старушка в телогрейке и с платком на голове») лишь потом разглядит Гринев (вместе с читателем) подлинную

⁷⁸ Лотман Юрий. Александр Сергеевич Пушкин. Биография писателя. СПб., 2015. С. 206.

⁷⁹ Есаулов И.А. Русская классика: Новое понимание. Изд. 3-е, испр. и доп. СПб., 2017. С. 110.

человеческую простоту и высокое нравственное достоинство капитана Миронова, Ивана Игнатьича, Василисы Егоровны. И Маша «с первого взгляда <...> не очень<...> понравилась» Петру Гриневу, смотревшему на нее с предубеждением из-за характеристики, данной ей Швабриным. Так и Белогорской крепости предстоит на наших глазах превратиться из убогой «деревушки» в место подвига ее немногочисленных защитников.

Гринев пришелся ко двору в Белогорской крепости. Радости Мироновых, в противоположность «строгой немецкой экономии» генерала Андрея Карловича в Оренбурге, успокаивает и согревает юношу, впервые покинувшего дом. Скоро Петр, с унынием воспринимавший место своей службы, не только смирится со своим, казалось бы, незавидным положением, но и обретет тут, можно сказать, семью (таковы прямо-таки родственные отношения в крепости), а потом и любовь.

Первое же упоминание генерала о Белогорской крепости высоко характеризует порядки в ней: «...где ты будешь в команде капитана Миронова, доброго и честного человека. Там ты будешь на службе настоящей, научишься дисциплине». Позднее Белогорская крепость названа «богоспасаемой».

Простота, искренность, верность присяге, подлинный героизм и подлинная любовь — все это узнает (и проявит) Петр Гринева в Белогорской крепости. Не может быть, чтобы имя этой крепости — Белогорская — было случайным. Впечатление от увиденной в Оренбургском путешествии белой (меловой) горы, возможно, подтолкнуло мысль Пушкина, давно шедшую в этом направлении, и сформировалось сочетание «Белогорская крепость» с высоким (!) положительным значением. Таким образом, «белая гора» в творчестве Пушкина имеет глубоко положительное, иногда сакральное значение, отразившееся и в имени Белогорской крепости.

Удивительно, но в «Капитанской дочке» есть своеобразная белая гора — мы говорим о белом облачке — предвестнике бурана. Это его принял сначала за «отдаленный холмик», т.е. за небольшую гору, юный Гринев: «Я увидел в самом деле на краю неба белое облачко, которое принял было сперва за отдаленный холмик». Вспомним, что в «Монастыре на Казбеке», наоборот, «вершины» гор казались лирическому герою облаками; то же в «Путешествии в Арзрум»: «В Ставрополе увидел я на краю неба облака, поразившие мне взоры, ровно за девять лет. Они были всё те же, всё на том же месте. Это — снежные вершины Кавказской цепи» (VIII, 447). Обратим внимание, что «горы» и «облака», подобные друг другу, находятся на одном и том же месте — «на краю неба» (между прочим, ряд небольших гор и вереница облаков могут быть названы одинаково — грядой)⁸⁰. Образ облачка в «Капитанской дочке» — предвестие бурана, из которого выйдет мужик с черной бородой — спаситель и губитель, благодетель и разбойник, свободный и жестокий Пугачев с его судьбоносным значением в жизни Гринева (об облаке в «Капитанской дочке» как знаке Провидения писал В.С. Листов)⁸¹.

Обратимся теперь к значению первой части слова «Белогорская» — белому цвету. «Пушкин знал сакральную семантику белого: в его ”Родрике”, написанном весной 1835 года, герою является угодник, через которого говорит Господь, — является “Белой ризою одеян / И сияньем окружен”», — пишет И.З. Сурат⁸².

А в «Капитанской дочке» белый цвет — в аспекте названия «Белогорская» он важен — чаще всего связан с Пугачевым.

⁸⁰ Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1993. С. 149.

⁸¹ Листов В.С. «Голос музы темной...». М., 2005. С. 287.

⁸² Сурат И.З. «Стоит, белеясь, Ветилуя...». С. 336–337.

Пугачев во время сражения — «на белом коне»; в другом эпизоде ему подводят «белого коня»; казак для него держит под уздцы «прекрасную белую лошадь киргизской породы»; подавая знак казнить коменданта, Пугачев «махнул белым платком»; он пирует за столом, покрытым «белой скатертью»; тройка с Пугачевым несется по «белой степи». При этом белый цвет задействован и в описаниях Екатерины II: она в «белом утреннем платье», у нее «белая собачка». В XIX веке существовало устойчивое выражение «белый царь» (русский царь)⁸³, у Пушкина оно есть в «Полтаве» (V, 31) и «Истории Пугачева» (IX, 10). Семантика белого цвета, таким образом, связана и с русской царской властью: с его помощью описаны разгулявшийся на воле крестьянский «царь»⁸⁴ и дворянская царица. Таким образом, в белом цвете в повести присутствуют и глубоко положительная (до сакральности) символика (в слове «Белогорская»), и символика русской царской власти (в отношении Пугачева и Екатерины).

В слове «Белогорская», кроме корня «бел(ая)», есть и корень «гор(а)». Пушкин подчеркивает, что место, где стоит Белогорская крепость, довольно высокое (крепости вообще строились на высоком месте): дорога к Белогорской крепости «шла по крутому берегу Яика», «Вдруг увидел я деревушку на крутом берегу Яика ...». Отметим, что эпитет «крутой» появился не сразу: Пушкин, работая над повестью, постепенно «возвышал» (VIII, 867) место, где находилась Белогорская крепость. Заметим также, что Гриневу отвели квартиру в избе «на высоком берегу реки» и отсюда «по крутой тропинке» спустились к реке дуэлянты Гринев и Швабрин,

⁸³ *Даль Владимир*. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1. М., 1995. С. 153.

⁸⁴ А о кровавой цене его страсти к воле опасно сигнализирует контрастный белому черный цвет в портрете бунтовщика (несколько раз упомянута «черная борода» Пугачева).

что семья коменданта жила в «деревянном домике, выстроенном на высоком месте ...». Высота места указана как примета Белогорской крепости, и это важно. М.С. Гладиллин даже назвал свою книгу о Пушкине «Нагорные тропинки», имея в виду то место из «Капитанской дочки», где говорится, что Савельич сбежал к дуэлянтам Гриневу и Швабрину «по нагорной тропинке». Так что «гора» в названии крепости «откликнулась» в содержании повести⁸⁵. Эту высоту требуется объяснить.

«Высокими» мы называем мысли, дела, свершения во имя идеала (и, наоборот, «низкими» — те, что идут вразрез с идеалом). И не случайно в высоком стиле нашего языка для обозначения высоты задействован образ горы: «горный» мир идеала, взгляд «горе». Н. Жилина пишет, выделяя антонимы: «Художественный мир “Капитанской дочки” предстает перед читателем как основанный на началах добра, любви и милосердия, проявление которых в повседневном *дольнем* пространстве становится напоминанием об ином — *горнем* — мире»⁸⁶.

В христианстве гора — место Нагорной проповеди, искушения, пророчеств, Преображения, распятия, Вознесения. Вот как говорится о Преображении: «Иисус взял Петра, Иакова, Иоанна <...> и возвел их на гору высокую одних, И преобразился пред ними: и просияло лице Его как солнце, одежды Его сделались белы как свет <...> Облако светлое осенило их» (Мф.17:1–5). В «Акафисте» Сергию Радонежскому добродетель, взлет духа уподобляются горе: «гора превысока добродетелей Божественных»; «возшел еси на гору Небесную».

На момент написания «Капитанской дочки» лежащее в столе у Пушкина стихотворение <<Памятник>> (лето 1836 г.) —

⁸⁵ Гладиллин М.С. Нагорные тропинки. М., 2017. С. 6.

⁸⁶ Жилина Наталья. Творчество Пушкина в контексте христианской аксиологии. М., 2017. С. 287.

в том числе и о вознесении в высоту. Думается, «памятник» не случайно «вознесся» — родившийся в праздник Вознесения, Пушкин помнил и осмысливал этот факт. «Чем “Памятник”, — писал Андрей Битов, — не Вознесение над нашей, земной плоскостью?»⁸⁷. Особенно в сравнении с «падшими» (к которым он «милость <...> призывал»). Эта вертикаль от «падших» к вознесенному очень важна в духовном мире Пушкина. «Восставленная к Небу вертикаль <...> организует собою весь внутренний поэтический космос каменноостровского цикла», — отмечали И. Сурат и С. Бочаров⁸⁸.

Назовем также в связи с размышлениями об образе высоты в названии «Белогорская» одно глубоко личное для Пушкина обстоятельство, относящееся к 1836 году. В апреле этого года, похоронив мать в ограде Святогорского монастыря рядом с могилами деда и бабки, Пушкин «внес вклад в монастырскую кассу на собственную могилу»⁸⁹. Святогорский Успенский монастырь Псковской губернии восходит к XVI веку; основан на Синичьих горах, переименованных в Святые горы (напомним, Святые горы — официальное название Афона.)

В 1829 году монастырь на горе для Пушкина — «далекий, вожделенный брег»: «Туда б, в заоблачную келью, В соседство бога скрыться мне!» Монастырь на горах — вот какое место определил себе для могилы Пушкин (в письме к жене он еще в 1834 г. высказывал желание быть похороненным не «на тесном петербургском кладбище, а <...> в церкви на просторе, как прилично порядочному человеку» — XV, 167). Петербург по разным причинам не отпускал Пушкина, но поэт

⁸⁷ Битов Андрей. Арион. От Михайловского до Болдинской осени. М., 2017. С. 165.

⁸⁸ Сурат И., Бочаров С. Пушкин. Краткий очерк жизни и творчества. М., 2002. С. 210.

⁸⁹ Сурат И.З. О гибели Пушкина // Сурат Ирина. Вчерашнее солнце... С. 51.

проявил волевое усилие — и вырвался таким образом в милый край (хотя бы и после земной жизни). Подумаем и вот о чем. Вряд ли человек будет покупать себе место для могилы задолго, лет за 25, скажем, до предполагаемой кончины (об этом сроке как оставшемся ему он однажды написал жене — около 14 июля 1834 г. — XV, 180). Значит, какие-то мысли о скором возможном «побеге» сюда, видимо, появились у Пушкина в 1836 году.

Не было ли в его сознании этого исходного названия «Святогорский», когда он обдумывал имя для крепости, в которой происходит основное действие повести? Было, между прочим, у Пушкина еще одно любимое место на земле, получившее название от гористого берега реки Сороти, на которой оно раскинулось, — село Тригорское⁹⁰. Как уже указывалось, почему-то в беловом автографе название «Белогорская» обозначалось двумя звездочками (не одной или тремя): «** крепость», и так все упоминания названия этой крепости на страницах повести (VIII, 866–903). Может быть, Пушкин для себя зашифровал здесь два слова — «Святая» и «гора», а потом «Белая» и «гора»? Есть для этой версии некоторые основания.

В повести в соседство с Белогорской крепостью Пушкин поставил с одной стороны «три или четыре скирда сена», а с другой — «скривившуюся мельницу, с лубочными крыльями, лениво опущенными». Это последнее не только добавляет уныния общей картине; это деталь окрестностей его родного Михайловского, Тригорского недалеко от Святогорского монастыря. За год до этого он написал стихотворение «...Вновь я посетил ...» (1835; про жизни Пушкина не опубликовано), где неспешные и высокие размышления о смысле

⁹⁰ См. об этом: *Сергеева-Клятис Анна*. Повседневная жизнь Пушкиногорья. М., 2018. С. 89. Удивительно, но знакомая Пушкину слобода Таболенец у подножия Святогорского монастыря теперь называется поселком Пушкинские Горы, а все место — Пушкиногорьем.

течения жизни вызваны в том числе и пейзажем: по «брегам отлогим» озера «рассеяны деревни — там за ними Скривилась мельница, насилиу крылья Ворочая при ветре...». Эта скривившаяся мельница, «перенесенная» в «Капитанскую дочку» из родных мест, в которые так тянуло Пушкина, не только участвует в формировании печального пейзажа, но и делает картину окрестностей Белогорской крепости близкой, родной Пушкину.

На стене кабинета Пушкина в его последней квартире прямо перед его рабочим столом (за которым он заканчивал «Капитанскую дочку») висела картина Н.Г. Чернецова «Дарьяльское ущелье» (1832), под ней сабля — подарок генерала Паскевича в 1829 году; вряд ли это лишь напоминание о путешествии в Арзрум — скорее всего, вид гор нужен был Пушкину постоянно.

Появление названия «Белогорская крепость» в «Капитанской дочке» подготовлено образом белой горы в творчестве Пушкина; это название означает святые, высокие и крепкие устои русской жизни, открытые Пушкиным в его последнем большом произведении.

Гости в крепости

В «Капитанской дочке» явно противопоставлены два отношения к гостю — Петру Гриневу — генерала Андрея Карловича в Оренбурге и семейства Мироновых в Белогорской крепости, два обеда, на которые приглашен Гринев.

«Строгая немецкая экономия царствовала» за столом генерала; генерал и отправил-то Гринева из Оренбурга в Белогорскую крепость, понимает молодой человек, из-за «страха видеть иногда лишнего *гостя* за своею холостою трапезою» (хотя Гринев — сын его «старого товарища и друга», как сам генерал называет А.П. Гринева).

Негостеприимство оказалось проявлением душевной сухости генерала, что сказывается и в других его поступках. Гринев еще раз встретится с генералом в обстоятельствах полыхавшей гражданской войны. Прибыв в Оренбург из захваченной Пугачевым Белогорской крепости, Гринев отправляется к генералу и застаёт его в саду обрезающим ветки яблонь. Пока Гринев рассказывал ему об «ужасных происшествиях» в крепости, генерал слушал его «со вниманием и между тем обрезавал сухие ветви». Это слишком спокойное отношение Андрея Карловича к русским военным делам будет проявляться и дальше. Получив письмо Маши из Белогорской крепости о домогательствах Швабрина, Гринев «опрометью» бросился к генералу. «Ваше превосходительство, прибегаю к вам, как к отцу родному», — так обратился он к Андрею Карловичу, предваряя этими горячими словами просьбу дать ему людей для спасения Маши. Но к таким семейно-родственным отношениям (к чему уже привык в Белогорской крепости Гринев) генерал не был готов и отказал ему, прибавив ужасающее для Гринева, что Маше лучше быть «покаместь женою Швабрина».

Освободит Машу от домогательств Швабрина Пугачев; давно замечены отцовско-сыновние отношения Пугачева и Гринева (в знаменитом сне Гринева Пугачев замещает отца; в реальности предлагает Гриневу быть «посаженым отцом» на его свадьбе с Машей).

Холостяцкое положение оренбургского генерала, его скупость, боязнь гостей, как уже говорилось, противопоставлены в повести устоям семьи Мироновых с их простотой и радушием, что проявилось в желании душевно обогреть не знакомого им молодого человека, впервые покинувшего дом.

Радушие Мироновых, желание и умение расположить к себе незнакомого человека, пришедшего в дом, ощущение человеческой близости не родных по крови, прежде не знакомых людей («Василиса Егоровна обошлась со мной как бы век была знакома») и называется, собственно, гостеприимством, что еще и невозможно без создания уюта для гостя, без теплой расположенности, если можно так выразиться, самого Дома к гостю. Пожалуй, самое важное выражение этого — угощение; еда, предложенная гостю, и названа от этого слова.

И Гринева откликнулся на это гостеприимство Мироновых — он «незаметным образом <...> привязался к доброму семейству», и его любовь к Маше возникла таким «семейным» образом.

«Гости» — важное понятие для Василисы Егоровны. С первых же слов при встрече она сообщает Гринева, что коменданта дома нет — «он пошел в гости к отцу Герасиму». То есть Иван Кузьмич не просто зашел к священнику по делам, а именно приглашен побыть там некоторое время, таков наш обычай, вот почему Василиса Егоровна предлагает Гринева не ждать коменданта, а идти пока устраиваться. И сама она, говорится в повести, тоже ходила «в гости к попадье», мы понимаем, что семьи Мироновых и отца Герасима связаны дружескими отношениями.

Интересно, что еще раньше, в главе «Вожатый», в словах хозяина умета в его иносказательном разговоре с Пугачевым фигурирует выражение «в гостях» как обозначение тоже довольно долгого отсутствия главы дома: «Стали было к вечеру звонить, да попадья не велит: поп *в гостях*, черти на погосте» (само выражение, очевидно, означает, что «намеченное дело не состоялось, потому что не было кого-то главного»⁹¹).

«Гость» — святое слово не только для Василисы Егоровны. Так повелось в России с ее неизмеримыми и иногда опасными для жизни просторами, гостеприимство вошло в национальный обиход, стало составляющей русского характера. Приветить гостя, даже иногда в ущерб себе, — черта национального характера русского и других народов, особенно на Востоке и на Кавказе.

На следующий по приезде день Гринева пригласили к Мироновым на обед от имени Василисы Егоровны; Швабрин вызвался идти к коменданту вместе с Гриневым. При подходе к комендантскому дому Гринев увидел обучавшего солдат Миронова, который сказал ему «несколько ласковых слов» (так встречает гостя и Иван Кузьмич) и продолжил обучение.

Василиса Егоровна, встретив гостей, посылает девку Палашку за Иваном Кузьмичом и наставляет ее: «Скажи барину, *гости-де* ждут, щи простынут...» Заставлять ждать гостей считается неприличным, так же как и усаживать их за стол лишь с одной хозяйкой, без хозяина. И Иван Кузьмич, несмотря на его служебное рвение, без дальнейших уговоров идет домой, потому что его ждут гости, тем более только что прибывший на службу Гринев.

«Дорогие *гости*, милости просим за стол», — радушно приглашает Василиса Егоровна. И поведение Василисы Егоровны

⁹¹ Рожников Л.В. Подробный иллюстрированный комментарий к роману А.С. Пушкина «Капитанская дочка». М.: Проспект, 2022. С. 34.

ровны за столом, ее приветливость и хлебосољство, ее разговорчивость и похвалы гостю и его семье — все это из кодекса русского гостеприимства.

Таким образом, радушно-почтительное отношение к гостю в семействе Мироновых является одной из характеристик русского мира, символ чего в «Капитанской дочке» — Белогорская крепость. Крепкая не «грозными бастионами, башнями, валом», что ожидал увидеть Гринева, а устоями семьи Мироновых, духом своих защитников, «богоспасаемая крепость» эта полюбилась Гринева, потому что он «был принят как родной» в доме коменданта, — гостеприимство, таким образом, является продолжением семейно-родственных отношений, распространением их на пришедшего в дом, как бы включением гостя на время в семью хозяина.

Интересно, что особые отношения Пугачева и Гринева уже после всех происшествий Савельич описывает родителям Гринева в том числе и словом «в гостях»: «Дядька не утаил, что барин бывал *в гостях* у Емельки Пугачева, и что-де злодей его таки жаловал; но клялся, что ни о какой измене он и не слыхивал». Слово «в гостях» характеризует эти отношения как теплые, вместе со словом «жаловал» («жаловать» в Словаре языка Пушкина — «любить, оказывать благорасположение, благосклонность»)⁹².

В Белогорской крепости люди как семья, здесь гость радушно принят, и образ идеала — Белая гора — виднеется сквозь простые и чуть ли не комичные ситуации жителей Белогорской крепости, чтобы скоро стать символом высоты трагического подвига ее защитников.

Значение «гостя» в русском мире в другой социальной среде Пушкин планировал показать в еще одной сцене «Капитанской дочки». Как известно, первоначальная мотивировка

⁹² Словарь языка Пушкина. Т. 1. С. 790.

появления Гринева в Берде в лагере Пугачева — просьба о помощи в освобождении Маши после отказа оренбургского генерала помочь выволочь ее из Белогорской крепости (VIII, 889–891). От этого замысла (он не мог осуществиться, т.к. обращение Гринева за помощью к Пугачеву было бы предательством со стороны Гринева) остались эпитафия к XI главе (в басне якобы Сумарокова, видимо сочиненной Пушкиным, лев обращается в гостю «ласково») и именование Гринева со стороны Хлопуши «гостем» в его споре с Белобородовым. Белобородов настаивал на том, чтобы пытать Гринева, и упрекнул Хлопушу в его жертвах. Хлопуша горячо возражает Белобородову: «Но я губил супротивника, а не *гостя*; на вольном переputыи да в темном лесу, не дома, сидя за печью; кистенем да обухом, а не бабьим наговором». Гость (имеется в виду Гринева), переступив порог дома, берется под защиту его хозяином — таково народное убеждение, озвученное здесь Хлопушей.

Хотя Гринева в окончательной редакции не гость, а пленник, Пушкин не стал устранять это противоречие в словах Хлопуши: Гринева опять гость, в третий раз на страницах повести, — сначала у генерала Андрея Карловича в Оренбурге, потом у Мироновых в Белогорской крепости, теперь у Пугачева в Берде. И это именование «гость», видимо, спасло ему жизнь: Белобородов не стал настаивать на пытке попавшего к ним, в сущности, пленника. Эта черта — «гость» как охраняемый статус — ярко характеризует русскую жизнь.

Но незванный гость вызывает совсем другие чувства, он в нашей известной пословице, помещенной в качестве эпитафии к главе VIII «Незванный гость», «хуже» врага. Глава повествует о захвате пугачевцами Белогорской крепости, и, видимо, главный незванный гость — вожак восставших Пугачев, расположившийся в комендантском доме. Мятежники захватили дом коменданта, пируют в нем, и повествователь

называет их «гости»: *«Гости* выпили еще по стакану, встали из-за стола и простились с Пугачевым». И расположившиеся в доме священника пугачевцы названы «гости»: «В эту минуту раздались пьяные крики *гостей* и голос отца Герасима. *Гости* требовали вина, хозяин кликал сожительницу». Видимо, незванные гости в крепости — и «гости», пришедшие на пир к Пугачеву, и сам Пугачев.

В эпитафии к главе III «Крепость» — солдатской песне — слово «гости» употребляется в значении «враги», «агрессоры» и с соответствующей враждебной интонацией:

Мы в фортеции живем,
Хлеб едим и воду пьем;
А как лютые враги
Придут к нам на пироги,
Зададим *гостям* пирушку:
Зарядим картечью пушку.

«Лютые враги», незванные «гости» хотят явиться «к нам на пироги», и «пирушка» будет, и «гостей» надо, как положено, угостить, но «угостить» по-своему, ударив по ним картечью из пушки.

Особая солдатская речь с ироничным переосмыслением святых слов «друг», «брат», слова «угощу» — в знаменитом лермонтовском «Бородино», появившемся в 1837 году, на следующий год после «Капитанской дочки»:

Забил заряд я в пушку туго
И думал: *угощу* я друга,
Постой-ка, брат мусью... (выд. нами. — *В. III.*)

Здесь отчужденно-иронически названо не только намерение «угостить» врага, но и сам враг назван святыми словами, употребленными в издевательском, прямо противоположном смысле: «друг», «брат» (сравним: «отец солдатам»).

Бесценные наблюдения над особенностями солдатской речи (уже совсем в другие времена!) принадлежат А.Т. Твардовскому. В очерке «Как был написан “Василий Теркин” (Ответ читателям)» автор гениальной «Книги про бойца» разъясняет читателям услышанное им на войне и использованное в главе «На привале» слово «сабантуй», привлекая для объяснения его значения «Капитанскую дочку».

«Откуда это слово в “Теркине” и что оно в точности означает? — такой вопрос, — пишет Твардовский, — очень часто ставится мне и в письмах, и в записках на литературных вечерах, и просто изустно при встречах с различными людьми.

Слово “сабантуй” существует во многих языках и, например, в тюркских языках означает праздник окончания полевых работ: сабан — плуг, туй — праздник.

Я слово “сабантуй” впервые услышал на фронте ранней осенью 1941 года где-то в районе Полтавы, в одной части, державшей там оборону. Слово это, как часто бывает с привязчивыми словечками и выражениями, употреблялось и штабными командирами, и артиллеристами на батарее переднего края, и жителями деревушки, где располагалась часть. Означало оно и ложное намерение противника на каком-нибудь участке, демонстрацию прорыва, и действительную угрозу с его стороны, и нашу готовность устроить ему “угощение”. Последнее ближе всего к первоначальному смыслу, а солдатскому языку вообще свойственно ироническое употребление слов “угощение”, “закуска” и т.п. В эпиграфе к одной из глав “Капитанской дочки” А.С. Пушкин приводит строки старинной солдатской песни...»⁹³ — и Твардовский цитирует «Мы в фортеции живем...», т.е. апеллирует к «Ка-

⁹³ Твардовский А.Т. Как был написан «Василий Теркин» (Ответ читателям) // Твардовский А.Т. Василий Теркин. Книга про бойца. М.: Наука, 1978. («Лит. памятники»). С. 253–254.

питанской дочке» для уяснения исторического прецедента употребления солдатского словечка в значении «угощения».

Причина такого ироничного солдатского словоупотребления и в XIX веке, и в XX-м, видимо, в том, чтобы не опуститься до безоглядной, ослабляющей дух злобы по отношению к врагу, не тратить свой гнев на злые слова, а держать достоинство, пользоваться словами с положительным, так сказать, значением.

Кроме того, слово «угощение» напоминает о прямом значении слова «гости», и от этого ироническое употребление становится едко-болезненным, обидным, издевательским.

«Толковый словарь русского языка» Ожегова и Шведовой описывает три значения слова «гость» в современном русском языке. 1. Тот, кто посещает, навещает кого-н. с целью повидаться, побеседовать, вместе провести время. *Идти в гости. Быть в гостях.* 2. перен. О неожиданном пришельце, о том, кто (что) появился (появилось) неожиданно. *В поселок забрел таежный гость (зверь).* 3. Постороннее лицо, приглашенное присутствовать на собрании, заседании, празднестве. *Места для гостей*⁹⁴.

Но в XIX веке у слова «гость» были и другие значения.

Как известно, одним из литературных источников «Капитанской дочки» явился «Рассказ моей бабушки» оренбургского краеведа А.П. Крюкова. Героиня рассказа Настя Шпагина, от лица которой ведется повествование, живущая в Нижне-Озерной крепости с отцом-капитаном, рассказывает о своей жизни до пугачевщины, в частности о гостеприимстве отца, что очень напоминает Мироновых: «Правда, нам (отцу и дочери. — В.Ш.) редко удавалось хаживать в *гости*; зато батюшка был большой хлебосол, а у хлебосола бывает ли без *гостей*?»⁹⁵

⁹⁴ Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: АЗЪ, 1993. С. 143.

⁹⁵ Крюков А.П. Рассказ моей бабушки // Пушкин А.С. Капитанская дочка. Изд.2-е, доп. Изд. 1-е подг. Ю.Г. Оксман. Л., 1984 («Лит. памятники»). С. 122.

И совсем в другом значении употреблено слово «гости» в этом рассказе в отношении пугачевцев: «Мы, а более всех я, бедная, не знали покоя ни днем ни ночью, беспрестанно ожидая прибытия *гостей ужасных*»⁹⁶. Несколько раз пугачевцы названы также «гости», «наши гости», «мрачный гость» в отношении Хлопуши — и «незванные гости». «К счастью нашей маленькой крепости <...> после начала бунта, — говорится в «Рассказе...», — она долго еще оставалась спокойною и не видела в деревянной ограде своей *гостей незванных*». И еще: «Едва только успела я исполнить это приказание (спрятаться. — *В.Ш.*), как дверь избы с шумом растворилась и в нее вступила целая толпа незванных *гостей*»⁹⁷ (везде выд. нами. — *В.Ш.*). Название в «Рассказе...» восставших пугачевцев, захвативших Нижне-Озерную крепость, как «незванных гостей» могло быть использовано Пушкиным в «Капитанской дочке».

В «Словаре языка Пушкина» у слова «гость» два значения: 1) тот, кто пришел в гости; 2) богатый купец, торговец в древней Руси («Чем вы, гости, торг ведете И куда теперь плывете?»- «Сказка о царе Салтане»). Первое употребление имеет и переносное значение, вплоть до противоположного по смыслу: б) о ком-нибудь, пришедшем к кому-нибудь, появившемся где-нибудь, вторгшемся в чьи-нибудь пределы («Мы засели в наши норы И гостей незванных ждем» — «Песни западных славян»)⁹⁸.

В Словаре Даля «гость» — «посетитель, человек пришедший по зову или незванный, навестить другого, ради пира, досуга, беседы и пр. // Иноземный или иногородный купец, живущий и торгующий не там, где приписан. // *Гостями* зовут, ради шутки или вежливости, *недобрых людей*, незванных

⁹⁶ *Крюков А.П.* Рассказ моей бабушки... С. 127.

⁹⁷ Там же. С. 127, 130.

⁹⁸ Словарь языка Пушкина. Т. 1. С. 534.

посетителей, воров, особенно грабителей на Волге. // Всякий посетитель гостиницы или подобн.<ого> заведения»⁹⁹.

Так что «гости» в Белогорской крепости — это и Гринев, радушно принятый, и пугачевцы, с которыми храбро сражаются немногочисленные защитники крепости.

Слово «гость» («гости») в «Капитанской дочке» играет своими значениями, и эта игра образует художественное напряжение между полюсами человеческой приязни и враждебности, что вовсе не всегда связано с принадлежностью к одной из воюющих сторон.

На наш взгляд, и слово «крепость» в повести требует к себе пристального внимания с точки зрения его значений.

Обращает на себя внимание в «Капитанской дочке» название главы III «Крепость». Поскольку крепостей, говорится в повести, в том краю было выстроено немало (в повести упоминаются, кроме Белогорской, Нижне-Озерная и Татищева)¹⁰⁰, то ожидаемое название главы — «Белогорская крепость». Обобщенное же название главы «Крепость» направляет мысль читателя к поиску других значений слова. Ю.М. Лотман писал, что Дом (именно с заглавной буквы) стал для Пушкина в 1830-е годы «крепость и опора»¹⁰¹. И, с другой стороны, крепость является домом, домом Василисы Егоровны: «Василиса Егоровна и на дела службы смотрела, как на свои хозяйские, и управляла крепостию так точно, как и своим домком».

И, наверное, главное обобщенное значение слова «крепость» — крепость семейных уз Мироновых, их веры в Бога, их духа, проверенная трагическими событиями пугачевщины. Убеждение в единой с мужем судьбе в словах Василисы

⁹⁹ *Даль Владимир*. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. Т. 1. М., 1995. С. 386.

¹⁰⁰ В «Указателе» Пушкина к «Истории Пугачева» их более 20-ти.

¹⁰¹ *Лотман Ю.М.* А.С. Пушкин: Биография писателя. СПб.: Азбука, 2015. С. 206.

Егоровны, являющихся цитатой из Евангелия от Марка (Мк.10:8) и Евангелия от Матфея (Мф.19:5), «Да разве муж и жена не один дух и единая плоть?» подтвердилось, когда она после казни мужа бесстрашно назвала его убийцу «беглым каторжником» и погибла вслед за мужем.

Самые важные жизненные события Мироновы объясняют волей Бога, призывают молиться Ему. Маша, узнав об отказе отца Гринева благословить их брак, произносит: «Буди во всем воля господня! Бог лучше нашего знает, что нам надобно». Василиса Егоровна перед атакой пугачевцев обращается к мужу: «Иван Кузьмич, в животе и смерти бог волен: благослови Машу». Капитан Миронов, благословляя дочь, говорит ей: «Ну, Маша, будь счастлива. Молись богу: он тебя не оставит». Василиса Егоровна объясняет неприемлемость поведения Швабрина так: «... он и в господя бога не верует...». Гринева молится перед ожидавшейся казнью, перед началом суда над ним, молится Савельич при избавлении от опасности. Гринева и Мироновы благословляют своих детей. Дом Мироновых находится рядом с церковью — вряд ли случайное обстоятельство. Крепость веры в Бога — важное качество жизни Мироновых и Гринева.

Обратим внимание, что слова «крепкий», «крепость» часты в православных молитвах. «Святой Боже, Святой Крепкий, Святой Безсмертный, помилуй нас» — одна из самых популярных молитв, называемая «Трисвятое». Иисус назван «крепостию высочайшей» в «Акафисте сладчайшему Господу нашему Иисусу Христу»: «Иисусе, крепосте высочайшая»; а также «прекрепким», «укреплением»: «Иисусе, Царю мой прекрепкий...», «Иисусе преславный, верных укрепление».

И.С. Шмелев в «Речи на торжественном собрании в день 100-й годовщины смерти Пушкина» произнес: «И не случайна ныне встреча с ним (Пушкиным. — *В.Ш.*): да укреп-

пимся»¹⁰². (Последние слова — например, из молитвы «Да укрепимся Святым Духом с Верою, Надеждою, Любовью и Премудростию Божией».) В.С. Непомнящий так и озаглавил свое послесловие к этой книге «Речи о Пушкине», где помещена и речь Шмелева: «Да укрепимся: По прочтении книги»¹⁰³.

То есть у слов «крепкий», «крепость» в православных молитвах имеется и высокое сакральное значение, вплоть до именованя Христа этим словом.

По Пушкину, молитва призвана укреплять человеческое сердце: «Отцы пустынники и жены непорочны, Чтоб сердцем возлетать во области заочны, Чтоб *укреплять* его средь дольных бурь и битв, Сложили множество божественных молитв...» Молитва, согласно этому стихотворению, «падшего *крепит* неведомою силой».

Когда защитники Белогорской крепости собираются отражать нападение врага, капитан Миронов обращается к подчиненным, произнося слово, родственное слову «крепость». «Теперь стойте *крепко*, — сказал комендант, — будет приступ». Словарь языка Пушкина видит в слове «крепко» в этом предложении переносное значение «стойко, непоколебимо»¹⁰⁴. Крепость духа немногочисленных защитников Белогорской крепости проявилась в том, что комендант, Иван Игнатьич и Гринев отважно сражались, смело стояли под виселицей и предпочли смерть предательству.

«Словарь языка Пушкина» приводит три слова «крепость»: 1) отвлеченное существительное к «крепкий» («напрягши ум крепостию своею» — первые толкователи «Слова о полку Игореве», 1 случай), 2) укрепленный пункт

¹⁰² Шмелев И.С. Речь на торжественном собрании в день 100-й годовщины смерти Пушкина // Речи о Пушкине. 1880–1960-е годы. М., 1999. С. 230.

¹⁰³ Непомнящий В.С. Да укрепимся: По прочтении книги // Речи о Пушкине. 1880–1960-е годы. М., 1999. С. 357.

¹⁰⁴ Словарь языка Пушкина. Т. 2. С. 420.

с долговременными оборонительными сооружениями (278 случаев), 3) закрепошение («крепость приземельная», 1 случай)¹⁰⁵.

Конечно, «крепость» в «Капитанской дочке» — это «укрепленный пункт», но слово «крепость» в контексте этого пушкинского произведения приобретает и другое значение — прочности, незыблемости устоев семьи, веры в Бога, стойкости и верности. Имитация записок Гринева, хранившихся у его внуков (от одного из которых была доставлена рукопись деда историку пугачевщины и издателю), делает повесть как бы являющейся из самой толщи народной жизни и свободной от беллетристических изысков и честолюбивых намерений, несущей простые и крепкие истины.

Белогорская крепость в «Капитанской дочке» — образ русского мира. Это крепость человеческих связей с душевной открытостью и гостеприимством; крепость как дом, управляемый комендантшей; крепость семейных уз Мироновых; крепость их веры в Бога; крепость духа немногочисленных защитников Белогорской; крепость любви и верности Мироновых и Гриневых. Вместе со словом «Белогорская» слово «крепость» создает образ высоких крепких устоев русской жизни, открытых Пушкиным в его последнем шедевре.

¹⁰⁵ Словарь языка Пушкина. Т. 2. С. 421, 422.

«Не приведи бог видеть русский бунт...»: слово «бог» в повести

Начнем с того, что слово «бог», а также другие названия Бога («господь», «владыка» и др.), по нашим подсчетам, упоминаются в небольшой повести 136 раз. (Хотя во времена Пушкина слово «Бог» (а также «Божий», «Господь», др.) писалось с заглавной буквы, в Полном собрании сочинений Пушкина в 17 т. (т. 18, доп.) (1994–1997), как и в издании «Капитанской дочки» в серии «Литературные памятники» (1984), а также в «Словаре языка Пушкина» (М., 1956, 2000, т. 1) это слово, согласно нормам советского времени, пишется со строчной буквы; нам остается присоединиться к такому написанию при цитировании Пушкина.)

Всего же слово «бог» написано Пушкиным, согласно «Словарю языка Пушкина», огромное количество раз — 917. Для сравнения: «день» — 1167 раз, «видеть» — 922, «друг» — 788, «душа» — 774, «черт» — 91, «дьявол» — 15. Кроме этих 917 случаев, отметим «господь» — 105 раз, «Христос» — 75, «божий» — 64, «божественный» — 21, «божество» — 15, «провидение» — 12, «божеский» — 6.

Этот словарь фиксирует четыре значения употребленного Пушкиным слова «бог»: 1) по религиозным представлениям, высшее существо, являющееся творцом вселенной; 2) по религиозным представлениям древних народов, высшее существо, управляющее миром, природными явлениями, стихиями; 3) предмет поклонения, кумир; 4) старая звательная форма *боже* в значении восклицания, выражающего чувства удивления, неожиданности, досады...¹⁰⁶ Слова «бог» во втором и третьем значениях нет в «Капитанской дочке».

¹⁰⁶ Словарь языка Пушкина. Т. 1. С. 130–131.

Заметим, что 468 сочетаний со словом «бог» в «Словаре» выделены особо в пределах словарной статьи, посвященной слову «бог», и сопровождаются пометами «при пожелании благополучного осуществления чего-н.», «при выражении надежды на что-н., на благополучный исход чего-н.» и др.¹⁰⁷ Таким образом составители «Словаря» показали «несамостоятельность» слова «бог» в этих выражениях, «междометность» их.

Согласны с тем, что многие выражения со словом «бог» произносятся в «Капитанской дочке» автоматически, по традиции; так персонажи выражают душевное облегчение («слава богу»), подчеркивают независимость явления от человека («бог принес»), др. Но ведь выражаются эти состояния почему-то не фразами «вот и хорошо», «это от меня не зависит» и др., а сочетаниями со словом «бог», и создается дополнительный смысл, внесенный нашим языком, потребовавшим почему-то именно таких средств. Что-то еще, кроме душевного облегчения, хотел выразить человек, воскликнувший: «Слава богу!» А выразить он хотел — благодарность Богу. Может быть, этого, высокого, значения не было в виду у говорящего-пишущего по традиции «слава богу», но оно невольно проявилось и кое-что изменило. Так действует образ слова, который обладает в тексте огромным богатством возможностей, вызванных к жизни художественными потребностями и (адекватными им, кстати) языковыми ресурсами. По многочисленным отзывам творцов литературы, текст рождается как сочетание слов (напомним, что «текст» и переводится как «сплетение»), причем употребление именно этих слов, их порядок, отношения между ними, их переключки являются зачастую неожиданными для автора. Так сказало — и вывело на новый, неожиданный уровень

¹⁰⁷ Словарь языка Пушкина. Т. 1. С. 131–133.

осмысления. Язык со своими законами и возможностями активно формирует смысл высказывания.

Слово «бог» в повести Пушкина «Капитанская дочка» обладает своими особенностями, которые оно получило именно в тексте, «на выходе»; эти особенности, возможно, не предполагались на стадии обдумывания; может быть, они неожиданны для автора. От общего замысла — к неожиданному стечению слов и к неожиданному смыслу текста — такова, по-видимому, формула появления (или проявления) полного смысла текста.

Как сказано, слово «бог» (и другие названия Бога) употреблены в повести, по нашим подсчетам, 136 раз: *бог* (часто в звательной форме *боже*, а один раз, в речи немца Андрея Карловича, — *поже*), *божий*, *ей-богу*; есть и ситуация умолчания в речи Маши («Коли найдешь себе суженую, коли полюбишь другую — бог с тобою, Петр Андреич, а я за вас обоих...»), *Христос* (а также *христианская* кровь, *христианская* совесть), *господь* (часто *господи*), *владыка*, *господи владыко*, *батюшки* (видимо, это Он в кличе Василисы Егоровны перед казнью «батюшки мои»), *провидение*. С.Г. Бочаров назвал Провидение у Пушкина «христианским», противопоставляя судьбе (она близка античному року)¹⁰⁸.

Для наблюдения функций слова «бог» в тексте рассмотрим различные лингвистические ситуации, возникшие при употреблении этого слова. Этих функций две: «действия» Бога на людей; действия людей в отношении Бога.

1. «Действия» Бога на людей

Дать (11): дай бог (5), бог даст (4), бог дал (2).

Дай бог вам любовь да совет; Дай вам бог любовь и совет! —

И.К. Миронов дочери, Пугачев П. Гриневу

¹⁰⁸ Бочаров С.Г. Возможные сюжеты Пушкина // Пушкин через двести лет. М., 2002. С. 73. Ср.: Кибальник С.А. Художественная философия Пушкина. СПб., 1999. С. 131, 134.

Сильное праведное желание, для осуществления которого призывается Высшая воля (ср. в «Словаре языка Пушкина», том I (далее: Словарь), — другая тональность: «при пожелании благополучного осуществления чего-н.» — с. 131.)

Бог даст, и ты щипцов понюхаешь — Хлопуша Белобородову

Неполная уверенность в исполнении действия Богом, желательность этого исполнения; отметим, что имя Бога бунтовщик привлекает для пожелания зла (это единственный такой случай в повести)

Лучше раз напиться живой кровью, а там что бог даст — Пугачев

Пусть будет то, чего захочет Бог; приму все. Заметим, что соседство слов о кровопийстве и Боге делает риторическим вопрос о том, что даст Бог, — конечно, наказание

Опять бог дал свидеться — Пугачев

Независимость от человека благой встречи, ее обусловленность Высшими силами (ср. Словарь: «при появлении, наличии чего-н. приятного или неприятного» — с. 132)

Привести (7): бог привел (3), не приведи бог (2), может быть, господь приведет (1), провидение, вторично приведшее (1).

Привел бог опять увидеться — попадья П. Гриневу

Свидание совершилось по воле Бога, независимо от желания человека (ср.: Опять увиделись)

Не приведи бог видеть русский бунт, бессмысленный и беспощадный! (2; в «Пропущенной главе» другая пунктуация) — «автор»

Страстное нежелание видеть событие, от чего может отвести Высшая воля (ср. в Словаре: «при нежелании осуществления чего-н.» — с. 132).

Может быть, господь приведет нас друг с другом увидеться — Маша П. Гриневу

Страстное желание события, которое захочет (или не захочет) устроить Бог (ср.: Может быть, друг с другом увидимся)

Провидение, вторично приведшее меня к Пугачеву — «автор»

Устройство доброго дела свершилось Высшими силами (ср.: Второй раз я попал к Пугачеву)

Знать, ведать (9): бог знает (6), бог весть (2), бог ведает (1).

Бог лучше нашего знает, что нам надобно — Маша П. Гриневу.

Предпочтение Высшего знания о подлинных человеческих потребностях «нашему»

А бог знает, барин — ямщик П. Гриневу

Это мне неизвестно, но Бог знает (ср.: Не знаю, барин)

Бог знает, какой грех его попутал — В.Е. Миронова о Швабрине

Нежелание назвать причину проступка («греха») объясняется тем, что человеку, по христианским заповедям, судить другого нельзя (ср.: Не знаю, какой грех его попутал)

Бог тебя знает; но кто бы ты ни был, ты шутишь опасную шутку — П. Гринев Пугачеву. *Выяснение подлинного лица Пугачева (между прочим, опасное для Гринева) передоверяется Богу — один Он это знает (ср.: Не знаю, но кто бы ты ни был...)*

— А ты полагаешь идти на Москву? — П. Гринев

— Бог весть. Улица моя тесна; воли мне мало — Пугачев

Неизвестно, не знаю, но Бог знает (ср.: Не знаю. Улица моя тесна...)

Считал бог ведает как — «автор» о маркере, считавшем шары в бильярде

Маркер считал нечестно, но сказать так «автор» не хочет, ссылаясь на Божий суд

Изъявлять волю (5)

Иван Кузьмич, в животе и смерти бог волен: благослови Машу — В.Е. Миронова мужу

Богу угодно было лишить меня вдруг отца и матери — Маша в письме П. Гриневу

Признание Высшей силы, которая распоряжается жизнью и смертью человека

Быть милостивым (4)

Не тужи, Савельич: бог милостив; авось увидимся! —

П. Гринева

Все может быть хорошо — Бог милосерден

Принести (3).

Отколе бог принес? — хозяин умета «вожатому»

Невольность действий «вожатого», обусловленность их Высшими силами

Видеть (2)

Бог видит, что жизнь мою рад бы я заплатить тебе за то, что ты для меня сделал — П. Гринева Пугачеву

Клятва, доказательство перед Богом истинности сказанного

Помочь (2)

Господь помог, наткнулись прямо на забор — Савельич

П. Гриневу

Благое действие, исполнение которого выше человеческих сил

Послать (2)

Чем бог послал — автор, попадая

Не взыщите, какая уж есть еда; подчеркивается невольность добычи пропитания

Простить (2)

Частый гребень, да веник, да алтын денег (прости бог!), с чем в баню сходить — В.Е. Миронова о незавидном приданом Маше

Извинение перед Богом за неблагоприятность выражений

Указать путь (1)

Отпусти меня с бедной сиротою, куда нам бог путь укажет — П. Гринев Пугачеву

Гринев не знает направления дороги в случае освобождения, но этот путь благой, заранее принимаемый — он будет указан Богом (ср.: Отпусти меня с бедной сиротою куда-нибудь)

Вынести (1)

Бог вынес! — попадья о спасении Маши в крепости, захваченной пугачевцами

Попадья уверена в помощи Высших сил в спасении Маши

Не оставить (1)

Авось бог не оставит! — попадья

Надежда на Высшую помощь

Не выдать (1)

Господь не выдаст, свинья не съест! — Иван Игнатьич

Уверенность в помощи активной Высшей силы, подтверждаемая очевидным, «нестрашным» «свинья не съест»

Быть судьей кому-либо (1)

Казнишь — бог тебе судья — П. Гринев Пугачеву

Отказ от суда над человеком, могущим даже отнять жизнь; призывание Высшего судии

Промчать тучу мимо (1)

Промчи бог тучу мимо — попадья

Призывание Высшей силы, могущей спасти от беды

Наградить (1)

Награди вас господь за вашу добродетель — Пугачев

П. Гриневу

Обращение к Богу с пожеланием блага человеку за добро

Бог с тобой, с ним (3)

Коли полюбишь другую — бог с тобою, Петр Андреич; а я за вас обоих... — Маша П. Гриневу

Отказ от суда над человеком, передача этой функции Богу

Бог с тобою, старинушка! Это бренчит уздечка, а не пол-тина — урядник Савельичу

Усовещение; при этом урядник обманывает Савельича

Бог с ним — Иван Игнатъич о Швабрине

Иван Игнатъич не любит Швабрина, но сказать об этом не хочет (грех судить), пусть его судит Бог

С богом

Ступай себе с богом — В.Е. Миронова уряднику

Иди и будь благополучен, пусть с тобой будет Бог

Как у Христа за пазушкой

Да и почивай себе до утра, как у Христа за пазушкой — Савельич П. Гриневу

Имя Бога употреблено Савельичем для характеристики защищенного и уютного места

2. Действия людей в отношении Бога

Обращение (18). Господи (ахти господи, господи владыко, господи царю небесный) — 9;

боже (боже, боже мой, поже мой, боже праведный, боже ты милостивый) — 6;

батюшки, батюшки мои — 2;

отцы родные — 1.

Интересно, что из отмеченных в «Словаре языка Пушкина» (т. 1) пяти употреблений слова «батюшки» три — в «Капитанской дочке». Словарь фиксирует это слово как междометие¹⁰⁹. Вряд ли. К кому могла обратиться Василиса Егоровна в свой последний час, к каким «батюшкам», каким «отцам родным»? Видимо, она обращалась к Богу.

Чаще всех обращаются к Богу Савельич (6), Василиса Егоровна (5), затем Петр Гринева (2), по одному разу —

¹⁰⁹ Словарь языка Пушкина. Том 1. С. 51.

«автор», попадья, А.П. Гринев, Анна Власьева, Андрей Карлович.

Прославление (21). Слава богу (19), слава тебе, владыко (2).

Бога славят Савельич (6 раз), В.Е. Миронова (4), Пугачев (2), П. Гринев (2), Иван Игнатъич (2), «автор» (2), казак (1), попадья (1), А.П. Гринев (1).

Молить бога, молиться богу (15) — анализ этих выражений см. ниже.

Бога (не) бояться (2)

Бога ты не боишься, разбойник! — Савельич «вожатому»

Острастка Высшими силами

Приносить богу раскаяние (1)

Я стал читать про себя молитву, принося богу искреннее раскаяние во всех моих прегрешениях и моля его о спасении всех близких моему сердцу — «автор»

С накинутой на шею петлей, уверенный в том, что сейчас умрет, Гринев приносит Богу покаяние в грехах и молит Его о спасении близких

Не веровать в бога (1)

Он и в господа бога не верует — В.Е. Миронова о Швабрине

Атеизм — итоговый аргумент в отрицательной характеристике человека согласно нравственным ценностям Василисы Егоровны

Заметим, что так говорится только о Швабрине. Атеист Алексей Иваныч Швабрин — возможно, единственный отрицательный персонаж «Капитанской дочки», противопоставленный окружающему его русскому миру.

Ради бога (5)

Ради бога, успокойтесь — Маша П. Гриневу (во время его выздоровления после дуэли)

Просьба именем Бога, чтобы больной успокоился (ср. Словарь: «при просьбе» — С. 132)

Ей-богу (1)

— Неправда, ей-богу, неправда! — Маша не узнавшей ей
Екатерине II

Заклинание именем Бога как Высшей силой

Как бог свят (1)

— Как бог свят, я Ивану Кузьмичу того не говорил —
Иван Игнатъич

Клятва святым именем Бога (ср. Словарь: «при подтверждении правильности чего-н.» — с.132)

Божий, христианский

Света божия — караульный мужик в Берде

Ангела божия — Савельич о Маше

Благодать божия — автор об отношении старших Гриневых к сироте Маше

Христианская кровь — Хлопуша

Христианская совесть — П. Гринев

В интересующем нас контексте обращают на себя внимание упоминания «сорочки, в которой меня крестили», «крестной матери» Маши, «силы крестной» в молитве попадьи, «крещеного калмыка» Юлая (сохранившего верность присяге при нападении Пугачева).

В повести всех чаще упоминают Бога Савельич (20 раз), В.Е. Миронова (15), П. Гринев (12), «автор» (9), Маша (7), Пугачев (7), А.П. Гринев (7), Иван Игнатъич (5), реже — И.К. Миронов (2), по одному разу — А.В. Гринева, урядник, Андрей Карлович, Швабрин.

Скажем со всей определенностью: упоминание Бога кем-либо в повести не означает, что этот персонаж свободен от ошибок, преступлений, измен, но обозначает для говорящего (кроме, понятно, Швабрина) Высшего судию.

Обратим внимание на то, что в повести одна и та же фраза со словом «бог» может быть произнесена с разной интонацией и может иметь разный смысл. Приведем примеры.

Слава богу

1. «Скажи барину: гости-де ждут, щи простынут; слава богу, ученье не уйдет, успеет накричаться» — В.Е. Миронова Палашке, посылаемой за И.К. Мироновым, задерживающимся на службе (*смысл произнесения фразы — уговорить мужа, интонация — спокойно-ворчливая*)

2. На тревожный вопрос Маши Гриневу после четырех суток его забытья «Что? как вы себя чувствуете?»

— Слава богу, — отвечал я слабым голосом. — Это вы, Марья Ивановна? (*не только успокаивает возлюбленную, честь которой защищал на дуэли, но и воздает хвалу Богу*).

Бог знает

1. «Эй, ямщик, — закричал я, — смотри: что там такое чернеется?» Ямщик стал всматриваться. «А бог знает, барин,- сказал он, садясь на свое место: — воз не воз, дерево не дерево, а кажется, что шевелится» (*не знаю, это выше человеческих возможностей*).

2. — Бог лучше нашего знает, что нам надобно — Маша после отказа А.П. Гринева в благословении их с П. Гриневым брака (*торжественное оправдание отказа отца Высшей волей*).

Молиться богу (молить бога)

1. Сидел бы дома да богу молился — В.Е. Миронова мужу, слишком долго, по ее мнению, учившему солдат (*ворчливое наставление, имеется в виду бытовая сторона молитвы*).

2. Молись богу: он тебя не оставит — И.К. Миронов Маше на валу, в виду неприятеля (*взволнованное наставление перед возможной смертью, поручение оставляемую дочь Его защите*).

3. Каждый день будем бога молить о спасении грешной души твоей — П. Гринев Пугачеву (*страстное обещание просить Бога о заступничестве, желание добра благодетелю*).

Уже отмечалось: «Словарь языка Пушкина» считает, что слово «боже» часто употребляется в значении восклицания, выражающего чувство удивления, неожиданности, досады. «Сын мой участвовал в замыслах Пугачева! Боже праведный, до чего я дожил!» (А.П. Гринев). Или: «Сто рублей! Боже ты милостивый!» (Савельич).

Этот словарь трактует выражение «как бог милует?» как приветствие при встрече, «прости бог» как «стыдно сказать». Закономерно задать вопрос: а почему же Василиса Егоровна так и не сказала: «да алтын денег (стыдно сказать), с чем в баню сходить?»

«Проходным», «бытовым», «стертым», возможно, слово «бог» в указанных случаях является для говорящего, хотя и он почему-то выбрал этот вариант. Думается, что и это, бытовое слово имеет отношение к высокому смыслу фразы, не говоря уж о торжественной, сознательной апелляции к Богу. Через распространенную, традиционную речевую форму от поколения к поколению русских передается понимание Главной силы, управляющей миром и людьми, участвующей в делах; она признаётся, прославляется, ею клянутся, пугают, усовещают, к ней взывают.

Отметим неравномерность употребления слова «бог» (и других названий Бога) в разных эпизодах «Капитанской дочки». Самые насыщенные этим словом эпизоды — освобождение Пугачевым Маши в Белогорской крепости и последовавшее за этим прощание Пугачева с Гриневым (8 раз), сцена в Бердской слободе (7), бунт в усадьбе Гриневых («Пропущенная глава») (7), переживание в Белогорской крепости новости о приходе Пугачева и описание в связи с этим беспокойства Гринева о судьбе Маши (6), сцена бурана и беспокойство за дорогу (5), прощание Маши с П. Гриневым после отказа отца благословить их брак (5), просьба П. Гринева к Пугачеву отпустить его с бедной сиротой после ее освобож-

дения (5), эпизод выздоровления П. Гринева после ранения на дуэли (4), описание состояния людей после «приступа» Пугачева (4), эпизод, связанный с арестом П. Гринева (4), небольшой эпизод дарения П. Гриневым Пугачеву заячьего тулупа (3), сцена казни в Белогорской крепости (3), письмо Маши П. Гриневу с мольбой о защите (3).

Всего по одному разу присутствует слово «бог» в экспозиции повести, в сцене разговора Маши с Екатериной II, его нет в описании повода к дуэли, вызова, самой дуэли; вылазки за крепость; пира в комендантском доме после казни; военного совета в Оренбурге; допроса П. Гринева в Казани.

Слово «бог» (и другие названия Бога) употребляется наиболее часто не в самых трагических или драматических сценах (дуэль, вылазка за крепость, казнь, допрос Гринева в Казани), а в описаниях беспокойства (за дорогу в сцене бурана, за участь крепости, за судьбу Маши), просьб всякого рода (Маша в письме к П. Гриневу, П. Гринев в речи к Пугачеву), благословения дочери перед своей возможной смертью (И.К. Миронов и Маша), аргументации против неправедного дела (Маша в отказе венчаться тайно). Вообще слово «бог» — там, где речь, а не описание, как часто у Пушкина, короткое и «голое». (Очень показательны поэтому частое употребление выражений со словом «бог» в письмах Пушкина 1830-х гг. М.П. Погодину, П.А. Плетневу, П.В. Нащокину, но беспрецедентное количество раз — жене.)

Творческая история повести показывает направление авторских изменений, связанных со словом «бог». Отметим самые существенные.

1. Эпизод начала выздоровления Гринева после дуэли. На вопрос Маши:

— Как вы себя чувствуете?

в 1-й редакции Гринев отвечает вопросом: — Это вы, Марья Ивановна? (VIII, 873).

Окончательная редакция такова: Слава богу, — отвечал я слабым голосом. — Это вы, Марья Ивановна?

2. В захваченной Белогорской крепости Гринев в волнении спрашивает попадью:

1-я редакция: Что Марья Ивановна?

2-я редакция: Где Марья Ивановна? (VIII, 880).

Окончательная редакция: Ради бога! где Марья Ивановна?

3. В Берде Пугачев говорит Савельичу:

1-я редакция: Опять тебя вижу (VIII, 894).

Окончательная редакция: Опять бог дал свидеться.

4. П. Гринев обращается к Пугачеву в момент освобождения им Маши в Белогорской крепости:

1-я редакция: Но ты... (VIII, 896)

Окончательная редакция: Но бог видит, что жизнь мою рад бы я заплатить тебе за то, что ты для меня сделал. Только не требуй того, что противно чести моей и христианской совести.

5. Савельич обещает П. Гриневу проводить Машу:

1-я редакция: Провожу ее (VIII, 900).

Окончательная редакция: Провожу ее, ангела божия.

6. Урядник оправдывается перед Савельичем, который подозревает его в присвоении денег:

1-я редакция: Это, старинушка, бренчит (VIII, 885).

Окончательная редакция: Бог с тобою, старинушка. Это бренчит уздечка.

Укажем также четыре вставки («бог весть», «боже мой», «прости господи», «слава богу») в окончательную редакцию «Пропущенной главы».

Из измененного Пушкиным в исследуемом аспекте отметим «провидение», появившееся вместо «случая»: «Провидение, вторично приведшее меня (было: «случай, приведший меня...» — VIII, 892) к Пугачеву, подавало мне случай привести в действие мое намерение» (в плену в Берде Гринев

решается сказать Пугачеву о том, что он ехал в Белогорскую крепость спасти сироту, которую там обижают).

Из исключенного Пушкиным в интересующем нас аспекте отметим:

1. Савельич П. Гриневу после прихода того от Пугачева:

1-я редакция: «Слава богу!» — вскричал он, увидя меня и *трижды перекрестившись* (VIII, 881).

Окончательная редакция: «Слава богу!» — вскричал он, увидя меня.

2. Савельич П. Гриневу:

1-я редакция: Почивай себе *с богом* до утра у Христа за пазушкой (VIII, 883).

Окончательная редакция: Почивай себе до утра, как у Христа за пазушкой.

Считаем, что в обоих случаях выделенные нами выражения убраны Пушкиным как избыточные.

Отметим также один случай «выпячивания» интересующей нас лексики. Письмо Маши П. Гриневу с мольбой о защите сначала начиналось: «Батюшка Петр Андреич! Богу угодно...» (VIII, 887), а в окончательной редакции начинается не жалобно, а горестно-торжественно: «Богу угодно...».

Из анализа творческой истории повести в интересующем нас аспекте можно сделать вывод о том, что изменения текста имели смысл увеличить количество выражений со словом «бог».

Остановимся специально на эпизодах молитвы в «Капитанской дочке».

Выражений «молить бога» («молиться богу», «моля его») в повести 15 (в том числе одно умолчание).

Буду бога молить (5)

Вечно за вас буду бога молить — урядник Гриневу

Молю бога (2)

Молю бога, чтоб ты исправился — А.П. Гринев в письме сыну

Моля его (1)

Моля его о спасении всех близких моему сердцу — «автор»

Молила бога (1), молилась богу (1)

Молила бога о благополучном конце замышленного дела — мать П. Гринева о Машинной поездке в Петербург

Бога молят (1)

За вас со слезами бога молят — Маша в письме П. Гриневу

Молись богу (1)

Молись богу: он тебя не оставит — И.К. Миронов дочери перед «приступом»

Молился бы богу (1)

Сидел бы дома да богу молился — В.Е. Миронова мужу

Чтоб молили у бога прощения (1)

Чтоб молили у бога прощения, да калялись перед людьми — В.Е. Миронова о дуэлянтах П. Гринева и Швабрине

Должен бога молить (1)

Да ты должен, старый хрыч, вечно бога молить за меня да за моих ребят — Пугачев Савельичу

<Буду бога молить>

Коли найдешь себе суженую, коли полюбишь другую — бог с тобою, Петр Андреич, а я за вас обоих... — Маша П. Гриневу.

Заметим, что во всех 15 случаях (включая одно умолчание) употреблено выражение «молиться богу» (1 раз — «моля его»), а не просто «молиться».

Выражения «молилась богу», «молю бога», «моля его», «буду бога молить», «должен бога молить», «богу молился бы» означают и происходящую в тот момент молитву, и обещания, упреки, наставления, показывают то, что молитва была, есть, будет или должна быть, причем в одном случае (обещание Савельича Пугачеву) это явное лукавство. В подавляющем большинстве случаев присутствует формула-обещание «буду бога молить», это высшая благодарность в мире «Капитанской дочки». Самое значительное обещание — Гринева Пугачеву от

своего и Машиного имени: «А мы, где бы ты ни был и что бы с тобою ни случилось, каждый день будем бога молить о спасении грешной твоей души». Обещание молиться Богу за кого-то — выражение любви, благодарности, заботы.

Обратим внимание, далее, что славословие Богу «слава богу» (с разным, так сказать, накалом — от «проходного» до патетического) произнесено 21 раз восемью персонажами и «автором», это тоже своего рода молитва.

В тексте повести изображен и процесс молитвы как таковой.

1) Молитва П. Гринева во время приготовления казни в Белогорской крепости (гл. VII). «Мне накинули на шею петлю. Я стал читать про себя молитву, принося богу искреннее раскаяние во всех моих прегрешениях и моля его о спасении всех близких моему сердцу».

2) В этой же самой ситуации казни Пушкин рисует священника, тоже, надо понимать, молящегося: «Отец Герасим, бледный и дрожащий, стоял у крыльца, с крестом в руках, и, казалось, молча умолял его (Пугачева. — *В. III.*) за предстоящие жертвы».

3) Молитва П. Гринева под арестом (гл. XIV). «Однако ж я не терял ни бодрости, ни надежды. Я прибегнул к утешению всех скорбящих и, впервые вкусив сладость молитвы, излиянной из чистого, но растерзанного сердца, спокойно заснул, не заботясь о том, что со мною будет». Э.М. Афанасьева пишет: «Рисуя П.А. Гринева, два раза на протяжении повести прибегающего к молитве (не считая упоминаний и благодарений Бога), Пушкин, возможно, продолжает давний спор с П.А. Вяземским, видевшим проблему в способе молитвы своих современников («кое-как»), а не в силе воздействия ее»¹¹⁰. Имя и отчество Вяземского (Петр Андреевич), переданное Пуш-

¹¹⁰ Афанасьева Э.М. «Отцы пустынноики и жены непорочны...» К проблеме религиозного диалога А.С. Пушкина и П.А. Вяземского // Временник Пушкинской комиссии. Вып. 28. СПб., 2002. С. 140.

киным Гриневу, использование некоторых черт биографии Вяземского при описании жизни Гринева, учет Пушкиным в сцене бурана своей повести изображения метели в поэзии Вяземского, первое публичное чтение «Капитанской дочки» в доме Вяземского — все это говорит о диалоге друзей. Молитва спасает и направляет, какой бы по форме она ни была, — вот реплика Пушкина. В стихотворении «Отцы пустынноики и жены непорочны...» (1836) великопостная молитва Ефрема Сирина — образ действующий: не человек ее произносит, а она «приходит на уста», «падшего крепит неведомою силой».

4) Савельич в Берде, плененный, молился молча: «старик крестился, читая про себя молитву» (гл. XI).

5) Когда Гринев вернулся от Пугачева в захваченной уже Белогорской крепости, Савельич «несказанно» обрадовался: «Слава тебе, владыко! — сказал он перекрестившись» (гл. VIII).

6) В захваченной Белогорской крепости, когда Гринев рассказал попадье свою историю, «поп и попадья крестились, услыша, что Пугачеву известен их обман. «С нами сила крестная! — говорила Акулина Памфиловна. — Промчи бог тучу мимо» (гл. XII).

Отметим также бытовое и юмористически сниженное изображение молитвы в повести. «Вожатый», который вывел П. Гринева и Савельича к умету, принимая в благодарность вино, сказал: «Ваше благородие! За ваше здоровье!» При сих словах он взял стакан, перекрестился и выпил одним духом». Описывая учения солдат в Белогорской крепости, «автор» с юмором сообщает: не зная, какая сторона правая, какая левая, «многие из них, дабы в том не ошибиться, перед каждым оборотом клали на себя знамение креста».

Предполагает молитву и обряд благословения родителями детей. В повести три эпизода благословения: Петра Гринева родителями перед отправкой его на службу; Маши ее отцом на валу Белогорской крепости в виду неприятеля; перед

вступлением в брак Маши и Петра Гринева его родителями. Благословение П. Гринева в начале повести — это сцена, когда Петр стоит на коленях и крестится, а отец держит над ним икону (именно так изобразил это Александр Бенуа на своей иллюстрации 1919 г. к «Капитанской дочке»). Благословляя на валу дочь, опустившуюся на колени, Иван Кузьмич «перекрестил ее трижды», потом поднял с колен и, поцеловав, сказал ей изменившимся голосом: «Ну, Маша, будь счастлива. Молись богу: он тебя не оставит. Коли найдется добрый человек, дай вам бог любовь да совет». В «Пропущенной главе» есть обряд благословения Гриневыми брака их сына с Машей: «Я пришел к моим родителям и по тогдашнему обыкновению поклонился им в ноги, прося их благословения на брак с Марьей Ив.<ановной>. Старики меня подняли и в радостных слезах изъявили свое согласие. Я привел к ним Марью Ив.<ановну>, бледную и трепещущую. Нас благословили...» Акт родительского благословения вносит в отношения влюбленных высокий религиозный смысл, над этими отношениями отныне — Бог.

Как известно, поэтический контекст «Капитанской дочки» — каменноостровский цикл, где в каждом из пяти стихотворений как высшая ценность присутствует Бог. В программном стихотворении «Я памятник себе воздвиг...» Пушкин призывает (античную) музу впервые в этой поэтической традиции быть послушной «веленью божию», ибо это выправит путь поэта: «Веленью божию, о муза, будь послушна...».

Зафиксируем еще один, кроме поэтического, контекст «Капитанской дочки» — эпистолярный. В письмах Пушкина 1830-х гг. множество выражений со словом «бог», огромное большинство их — в письмах жене, которые он писал исключительно по-русски. Создается впечатление, что эти выражения — примета «семейного» стиля Пушкина в письмах.

Кроме употребления этих выражений самих по себе, глава семейства спрашивает жену: «Всякой ли ты день молишься, стоя в углу?» (14 июля 1834 г.). А в письме от 3 августа того же года хвалит жену за это: «беру нежно тебя за уши и цалую — благодаря тебя за то, что ты богу молишься на коленях посреди комнаты». На то, что письма к жене были своеобразной лабораторией «Капитанской дочки», указывает тот факт, что в них находятся выражения, в повести использованные. В письме к жене от 17 апреля 1834 г., описывая свои чувства по поводу досаждавших ему дворцовых обязанностей, Пушкин изъясняется будущей фразой Маши Мироновой, отказавшейся от руки Швабрина, — «ни за какие благополучия!». Около 28 июня 1834 г. Пушкин словами из будущей «Пропущенной главы» говорит в письме к жене про своего дворника: «дал я ему отеческое наказание» (XV, 181, 184, 128, 168). С 1832 по 1836 г. в письмах к жене он более 90 раз употребил слово «бог», несколько раз — в письмах к Нащокину, Погодину, И.В. Киреевскому и В.Ф. Одоевскому: *ради бога, дай бог многие лета, господь бог вас не оставит, слава богу, дай бог здоровья, Христос с вами, бог с тобою и детьми* и мн. др.

В письмах к жене Пушкин посылает благословение детям. Он благословил их и перед смертью — клал руку на голову и крестил их. Умиравший отказался от предложения друзей отомстить врагу («Мир, мир...»), раскаялся в грехах.

«Традиционный образ Пушкина-«бунтаря» и новейший образ Пушкина-«схимника» равно неприемлемы, — считает П.Н. Грюнберг, — ибо являются натяжкой, востребованной определенными тенденциозными движениями. Пушкин был, безусловно, человеком исключительно светским, не буквально церковным. Но он был чутким к Церкви, к ее сокровенной жизни и к требованиям этой жизни <...> Пушкин, несмотря на свои сомнения, падения и пороки, сохранял с

детства в глубине сердца святыни своего народа, ставшие и его личными святынями»¹¹¹.

Пушкин и накануне дуэли думал о Боге, Его суде. 26 января 1837 г. он в письме к К.Ф. Толю, отдавая ему должное как историку, пишет, подчеркивая фразу из Священного Писания: «Гений с одного взгляда открывает истину, а *истина сильнее царя*, говорит священное писание» (XVI, 224. Выд. Пушкиным. — *В.Ш.*).

Герои «Капитанской дочки», произнося слово «бог» даже невольно, обнаруживают свою принадлежность к русскому миру. В работе «Русская картина мира» В.С. Непомнящий писал: «Вообще мир Пушкина, особенно зрелого, полон священных смыслов, это, вероятно, самый сакральный из всех созданных светской литературой художественных миров...»¹¹². Это мир, где Бога поминают и тем самым призывают. Хотя в повести немало кровавых сцен, жестоких поступков, но свет добра и гуманизма, идущий от этого пушкинского шедевра, не вызван ли тем обстоятельством, что русский мир — это мир с Богом? Для Пушкина это русский мир XVIII века, противопоставленный современной ему России. А. Долинин писал: «Простые, теплые, “домашние” отношения, связывающие всех жителей Белогорской крепости, кроме Швабрина, служат в “Капитанской дочке” своего рода моделью того патриархального семейственного общежития, основанного на христианской этике милосердия, которое, по Пушкину, отличало Россию XVIII века от России современной»¹¹³.

Упоминание Бога персонажами «Капитанской дочки» выводит к идее братства во Христе. Семья, освященная роди-

¹¹¹ Грюнберг П.Н. Пушкин и жития святых // Московский пушкинист. Сост. и науч. ред. В.С. Непомнящий. XII. М., 2009. С. 426.

¹¹² Непомнящий В.С. Русская картина мира // Непомнящий В.С. Пушкин. Избранные работы. Кн. II. М., 2001. С. 422.

¹¹³ Долинин А. Пушкин и Англия. М., 2007. С. 252.

тельским благословением, — путь к Богу. Заветная мысль «Капитанской дочки» о том, что мир — семья людей, где Бог — отец, а все — братья, обусловила столь широкое присутствие слова «бог» в тексте. Эти апелляции, обращения, наставления, усовещения, вместе с молитвой и благословением, — основа русского мира, обнаруживаемая и утверждаемая Пушкиным. И не кажется неожиданной оценка современного церковного мыслителя: «Лучшее православное произведение русской литературы — “Капитанская дочка”», ибо «все, что приближает нас к Богу, православно...»¹¹⁴.

¹¹⁴ Интервью руководителя пресс-службы главы РПЦ Владимира Вигилянского // Российская газета. 21 января 2010 г.

«Дикое вдохновение» Пугачева: СМЫСЛ ЭПИТЕТА

Сказка о вороне и орле, знаменитая «калмыцкая сказка», рассказанная Пугачевым Гриневу, играет в формировании художественного смысла «Капитанской дочки» огромную роль.

После допроса Пугачевым и его соратниками в Бердской слободе Гринеv едет вместе с Пугачевым в кибитке в Белогорскую крепость спасать свою невесту, и сцена с «калмыцкой сказкой» происходит в дороге. Гринеv, только что сам бывший во время допроса на краю гибели, преисполнен и тревоги за судьбу Маши, и благодарности к тому, кто «вызывался быть избавителем» его невесты. Между Пугачевым и Гриневым происходит знаменательный разговор: Гринеv отговаривает Пугачева от его планов идти на Москву и советует сдаться на милость императрицы; Пугачев же уверен, что помилования ему не будет, и надеется: «авось» он, как Гришка Отрепьев, «поцарствует» над Москвой. Гринеv в ответ описал зловещий конец самозванца: «А знаешь ты, чем он кончил? Его выбросили из окна, зарезали, сожгли, зарядили его пеплом пушку и выпалили!» И вот на это суровое предупреждение Пугачев отвечает сказкой.

«Слушай, — сказал Пугачев с каким-то диким вдохновением. — Расскажу тебе сказку, которую в ребячестве мне рассказывала старая калмычка. Однажды орел спрашивал у ворона: скажи, ворон-птица, отчего живешь ты на белом свете триста лет, а я всего-на-все только тридцать три года? — Оттого, батюшка, отвечал ему ворон, что ты пьешь живую кровь, а я питаюсь мертвечиной. Орел подумал: давай попробуем и мы питаться тем же. Хорошо. Полетели орел да ворон. Вот завидели палую лошадь; спустились и сели. Ворон

стал клевать да похваливать. Орел клюнул раз, клюнул другой, махнул крылом и сказал ворону: нет, брат ворон; чем триста лет питаться падалью, лучше раз напиться живой кровью, а там что бог даст! — Какова калмыцкая сказка?»

Обратим сначала внимание на этноним: Пугачев слышал сказку от «старой калмычки»; после драматического рассказа о вороне и орле, о выборе орлом краткой, но полнокровной жизни и отказе от долгой, но пресной, с отвратительной для брезгливой птицы пищей, снова упоминание народа: «Какова калмыцкая сказка?»

На сей день считается доказанным, что эта сказка не взята из калмыцкого фольклора, т.к. ее фольклорный первоисточник до сих пор не установлен. Похожая была записана в XX веке на Южном Урале, но, скорее всего, источник ее — «Капитанская дочка». Возможно, сказку о вороне и орле сочинил сам Пушкин.

Для чего нужно было Пушкину называть ее «калмыцкой»? В «Капитанской дочке» есть положительный образ «крещеного калмыка» Юлая — он верен присяге и героически гибнет от рук пугачевцев; тем самым и определение «калмыцкая» (сказка) приобретает дополнительный положительный смысл.

И во времена Пугачева, и во времена Пушкина калмыки были кочевниками: в «Братьях разбойниках» (1821–1822) калмык (вместе с «башкирцем») назван «диким сыном степей», похожая формулировка «и друг (первоначально — «сын». — *В.Ш.*) степей калмык» будет присутствовать в итоговом <«Памятнике»> 1836 г. при перечислении народов, которые «назовут» в будущем имя поэта.

В стихотворении «Калмычке» 1829 г. «взор и дикая краса» калмычки, пока поэту «запрягали коней», чуть не увлекли его вслед «кибитке». Калмычка, «не знающая никаких ухищрений дам из цивилизованного общества, кажется

ему (поэту. — *В.Ш.*) ничуть не менее привлекательной, чем они»¹¹⁵.

«Калмыцкий контекст» сказки о вороне и орле в «Капитанской дочке» придает поступку орла (отказ от поедания падали) смысл выбора дикой воли, подлинной свободы, определенной природой этого существа.

«Полудикие» и «дикие» тогда народы, изображенные в «Капитанской дочке», — «башкирцы» и «киргизцы». Сначала старому изувеченному «башкирцу» отводилась Пушкиным в повести особая роль: в «Башаринском» (авг. 1833) плане читаем: «Башарин дорогою во время бурана спасает башкирца (*le mutilé*) (калека, изувеченный. — *В.Ш.*). Башкирец спасает его по взятии крепости — Пугачев щадит его, сказав башкирцу: “Ты своею головою отвечаешь за него”. Башкирец убит — etc.» (VIII, 929).

Особо отметим отношение автора-рассказчика «Капитанской дочки» к «старому башкирцу» в сцене подготовки к его пытке. Старик «лет за семьдесят» без ушей, носа и языка (следы наказания башкир за их восстание в 1741 г.) был пойман с «возмутительными листами» спустя более 30 лет после этого восстания, что говорит о бесстрашии, упорстве и несломленности «башкирца». Поведение «башкирца» в плену, когда его хотели бить плетью, а он затравленно озирался, сравнивается гуманным автором с поведением «зверка», т.е. существа маленького, дикого, могущего жить только на воле, пойманного неразумными детьми: «Лицо несчастного изобразило беспокойство. Он оглядывался на все стороны, как зверок, пойманный детьми». Жестокий мир людей здесь противопоставлен миру зверей, не знающих пыток: звери могут убить, но специально мучить не умеют. (Эта сцена

¹¹⁵ *Левкович Я.Л., Муравьева О.С.* Калмычке // Пушкинская энциклопедия. Произведения. Вып.2. СПб., 2012. С. 442.

пробуждает особые чувства в повествователе — далее следует единственное в повести прямое обращение к читателю: «Молодой человек! <...> вспомни, что лучшие и прочнейшие изменения суть те, которые происходят от улучшения нравов, без всяких насильственных потрясений».)

В стихотворении «Не дай мне бог сойти с ума...» (1833) есть похожая сцена: «Посадят на цепь дурака И сквозь решетку как зверка Дразнить тебя придут». Люди поймали не зверя, опасного для них, а «зверка», не сделавшего им зла, мучают его и от этого вызывают в нем чувство враждебности и отчаяния. Кстати, когда пойманного Пугачева посадили в клетку и провезли так до Симбирска, то имели в виду, кажется, и ассоциации с диким зверем. В «Борисе Годунове» о Самозванце было сказано: «...Его в Москву мы привезем, как зверя Заморского, в железной клетке».

На наш взгляд, имеет отношение к этнониму «башкирцы» и упоминание подарка Пугачева Гриневу — «башкирской лошади». Для читателя вряд ли есть разница в том, какой породы лошадь подарил Пугачев, и отличить породу башкирскую от другой читатель не может (впрочем, во времена Пушкина, когда ездили на лошадях, их различали, конечно, лучше). Создается национальный колорит, образ дикой лошади, который Пушкин так любил (поэтому так часто изображал коня в рисунках в движении, часто без седока, хотя и с седлом, уздой, сбруей)¹¹⁶. «Башкирцы», «башкирский» — это имена неукротимого стремления к воле, дикой силы и жестокости восстания.

«Киргизцы» в «Капитанской дочке», уже нападавшие на Белогорскую крепость (об этом говорит Василиса Егоровна), —

¹¹⁶ «Конь у Пушкина мчится, летит, скачет и т.д. <...> “Экипированный” конь без всадника — знак временной свободы, выхода дикой природной энергии...» (Денисенко С.В. Рисунки с изображением животных (XVIII, 576).

это, возможно, и киргизы, и казахи (тогда они учеными не различались). «Киргизскими», «киргиз-кайсацкими» названы степи, по которым ехал к Белогорской крепости Гринев, что подчеркивает печальную отдаленность места его службы от цивилизации. Пугачев при первом появлении в повести — в «татарских (вначале было: «казацких»). — *В.Ш.*) шароварах», затем — в «киргизской шапке», страшный каторжник Хлопуша (тоже русский) — «в киргизском халате». В этом же контексте национальной специфики может фигурировать «прекрасная белая лошадь киргизской породы», предназначенная для Пугачева и, конечно, выбранная им самим. Любовь лошастью переносится и на ее всадника, когда Пугачев «проворно вскочил в седло, не дождавшись казаков, которые хотели было посадить его». Как в случае в башкирском, киргизский — это полудикий, опасный, но и притягательный для автора-рассказчика народ как несущий идею воли.

«Полудикие народы», «дикари» — в «Капитанской дочке» эти названия в отношении башкир и киргизов не имеют лишь негативного и тем более презрительного смысла¹¹⁷. С одной стороны, стремящийся воссоединиться с невестой Гринев может назвать их таким образом как врагов: «Мы утешались в нашем бездействии мыслию о скором прекращении скучной и мелочной войны с разбойниками и дикарями» (глава XIII).

Но дикость, с другой стороны, по-особенному интересует, привлекает Пушкина. Страсть к воле, проявившаяся в поведении «башкирцев» в повести, особенно в образе «старого башкирца», несомненно, участвует в формировании положительного идеала повести. Воля, свобода в каком-то смысле

¹¹⁷ К тому же «дикость» — термин, установившийся в европейской науке для наименования 1-го этапа человеческой истории, сменившегося варварством и цивилизацией. Впервые употребил термин «дикость» в этом значении английский философ А. Фергюсон (1767), по современной терминологии это палеолит и мезолит.

только дикой и бывает. След романтического противопоставления цивилизации и свободы обнаруживается в такой трактовке дикости. Тип «благородного дикаря», обладавшего до столкновения с цивилизацией врожденной добродетельностью, стал популярен благодаря трактату Ж.-Ж. Руссо «Эмиль, или О воспитании».

В сентябре 1836 г. Пушкин написал для «Современника» рецензию «Джон Теннер» о книге этого американца, повествующей о его жизни среди индейцев, и хотя Пушкин вовсе не идеализирует «дикарей», но это «естественное состояние человека», в частности описание Теннером его первой любви, имеет для Пушкина «какую-то дикую прелесть» (XII, 122), это свобода от часто мучительных условностей и пороков цивилизованного общества. Понимая закономерность исчезновения «дикости», Пушкин тем не менее не может не сожалеть об утрате ее многих притягательных особенностей¹¹⁸. Примечательно, что эту свою самую большую статью в «Современнике», притом опубликованную без имени автора, Пушкин счел нужным обозначить как свою в знаменитом письме к П.Я. Чаадаеву от 19 октября 1836 г. (день окончания «Капитанской дочки»).

Восточные народы, названные в «Капитанской дочке», противопоставлены, на наш взгляд, западным. Западные цивилизованность, высокий уровень экономического развития, просвещение, хотя и свидетельствуют об историческом прогрессе, сопровождаются «человеческими потерями» — пороками (таков француз мосье Бопре, изгнанный за распутство и пьянство из семьи Гриневых), сугубой рациональностью и отсутствием душевной открытости (таков оренбургский генерал со своей «строгой немецкой экономией» за столом и слишком

¹¹⁸ Ср. другую трактовку Пушкиным «дикости» в этой статье: *Альтшуллер М.Г.* Пушкин. Кюхельбекер. Грибоедов. СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом», 2022. С. 132–135.

спокойным отношением к русским военным делам). «Белая собачка английской породы» в сцене с Екатериной II, служащая для развлечения своей госпожи, маркирует здесь, на наш взгляд, далекий от естественности Запад, в противоположность «прекрасной белой лошади киргизской породы» — сильному и полезному животному, служащему воину, что характеризует Восток.

Животные и птицы, не прирученные человеком, «дикими» и называются, и их образы в «Капитанской дочке» многое объясняют в пугачевщине и ее вожде. «Волк» появляется в речи одного из персонажей в начале повествования, в сцене бурана. «А бог знает, барин, — сказал он (ямщик. — *В.Ш.*), сядя на свое место, — воз не воз, дерево не дерево, а кажется, что шевелится. Должно быть, или волк, или человек». (Интересно, что в стихотворении «Бесы» 1830 г. в буране ямщику тоже пригрезился этот зверь: «Кони стали... “Что там в поле?” — “Кто их знает? Пень иль волк”» — ибо больше некому скитаться в бесприютной стихии метели.) Фраза «или волк, или человек» вырастает в повести до символа: то волком, то человеком и будет представлять Пугачев — то кровожадный злодей, то открытый, благодарный человек.

Уподобления Пугачева хищнику, волку встречаются давно в отзывах на «Капитанскую дочку»: Ап. Григорьев писал о «хищном» русском типе в лице Пугачева (в противоположность «смирному» белкинскому), Достоевский обронил фразу «Пугачев с своим зверством», Цветаева противопоставляла «дикого волка (между прочим, в положительном смысле. — *В.Ш.*) Пугачева» «преданному псу Савельичу». Просматривается почему-то уважительно-опасливое отношение к волку в наших обзывательствах и презрительное — к собаке, что отразилось в «Капитанской дочке»: «Да ты, видно, старый волк, побывал в наших капканах» (И.К. Миронов «старому башкирцу») — и «Он его пропьет, собака, в первом кабаке»

(Савельич о «вожатом» в сцене дарения заячьего тулупа), «Стыдно тебе, старый пес...» (А.П. Гринев в письме к Савельичу), «Ах он собачий сын!» (В.Е. Миронова о Пугачеве после оглашения его воззвания комендантом).

Звериное чутье, проворство, уверенность в себе, привлекательный физический облик имеет «вожатый»-Пугачев — как вожак волчьей стаи. Как нам представляется, умышленно часто в начале повествования он называется «вожатым»: «Где же вожатый? — спросил я у Савельича»; «... Я предложил вожатому нашему чашку чаю...»; «Вожатый мой мигнул значительно...»; «Я позвал вожатого...»; «Он пошел в свою сторону, а я отправился далее <...> и скоро позабыл о вчерашней вьюге, о своем вожатом и о заячьем тулупе». Этот вожатый, вышедший из бурана, из снежной русской стихии, воплощает стихию мятежа с ее человеческими и звериными чертами. Неумение жить в неволе обозначило его претензии — он может быть только свободным, как дикие зверь и птица. Цена свободы — кровь. Разве нет в этих размышлениях личного выбора в конце 1836 года самого Пушкина, задыхающегося в неволе и вступающего, в конце концов, в бой с кровавыми условиями?

С.И. Пискунова видит в «тонкости чутья» Пугачева, его «двух сверкающих глазах», его веселье дьявольские приметы волка-оборотня¹¹⁹ (об этом раньше писал Андрей Синявский, призывавший, однако, подойти со всей сложностью к фигуре Пугачева). В славянской мифологии человек-оборотень, обладающий способностью превращаться в волка, называется волкодлак. Этой способностью наделялись эпические герои древнерусский Всеслав, былинный Волх Всеславьевич, «что свидетельствует о существовании общеславянского мифоло-

¹¹⁹ Пискунова С.И. «Капитанская дочка»: От плутовского романа к семейной хронике // Московский пушкинист. XI. Сост. и науч. ред. В.С. Непомнящий. М.: ИМЛИ, 2005. С. 258, 259.

гического героя — волка»¹²⁰. Известно, что тема волка-оборотня внесена в русскую литературу Пушкиным, он назвал его «вурдалак» (см. одноименное стихотворение Пушкина в «Песнях западных славян»). Что касается Пугачева, то его несомненное обаяние, широта души, физиологическая привлекательность, неспособность жить в неволе — все это призывает видеть в уподоблении Пугачева волку-вожаку признаки силы знаменитого бунтовщика, вместе с исходящей от него опасностью, заставляет любоваться его умом, темпераментом, проворством... Воля — условие жизни дикого зверя, а если волю отняли, то она становится целью жизни. Поэтому бунт Пугачева естественен, но и трагичен. Цена его звериной свободы — кровавое зверство. На пути этого зверства встала другая, кроме страсти к свободе, сила человеческого сообщества — благодарность в виде детского заячьего тулупа. Олицетворенная в одном из самых беззащитных зверей русского леса, в зайце, она начинает творить чудеса с самим кровопийцей, за которого будут молиться и, значит, спасут его душу. Не сила, не храбрость, а добро в виде детского тулупа вступит в бой — и победит.

Особое место при характеристике Пугачева занимают «птичьи» аналогии. Вначале, в сцене на постоялом дворе, Пугачев в «воровском разговоре» с хозяином умета, который «очень походил на разбойническую пристань», объясняет свое появление в этом краю затейливой аллегорией: «В огороде летал, коноплю клевал; швырнула бабушка камушком — да мимо». В этом «иносказательном разговоре» подразумеваются под птицей (скорее всего, воробьем; В.И. Даль зафиксировал поговорку «Повадился вор воробей в конопельку») сам глава повстанцев, а под «бабушкой», — видимо, Екате-

¹²⁰ *Иванов В.В., Топоров В.Н.* Волкодлак // Мифологический словарь / Гл. ред. Е.М. Мелетинский. М., 1991. С. 127.

рина П. Постепенно в ходе развития сюжета Пугачев, говоря аллегорически, вырастает из воробья в орла. Если уподобление Пугачева волку — так сказать, косвенное, то орлу — прямое.

Несколько измененный Пушкиным эпиграф из Хераскова к X главе «Капитанской дочки» представляет собой тоже аллегорию: «Заняв луга и горы, С вершины, как орел, бросал на град он взоры». Современный Пушкину читатель, знавший эту поэму Хераскова «Россияда» о взятии войсками Ивана Грозного Казани, помнил, что цитата должна была начинаться словами «Меж тем Российский царь», которые Пушкин выпустил, видимо из цензурных соображений. Этот контекст намекал на «царственный» облик Пугачева; сравнение «как орел» сближает «царя птиц» и Пугачева; в повести восхищенные свидетели также упоминают особый знак на груди Пугачева — двуглавого орла: «А в бане, слышно, показывал царские свои знаки на грудях: на одной двуглавый орел, величиною с пятак, а на другой персона его».

Но главное уподобление (вернее, самоуподобление) Пугачева орлу — в «калмыцкой сказке», рассказанной Пугачевым Гриневу в объяснение своего жизненного выбора. Причина предпочтения Пугачевым жизни орла — в том, что орел, в отличие от героя-антагониста, питается не падалью, а живой кровью, хоть и живет меньше; он, даже когда и захотел, не смог жить по-другому, его еда — живая кровь. Если выражение «напиться живой кровью» применить к человеку, то это может означать только преступление. Недаром Гринева, выслушав сказку, произносит приговор: «Но жить убийством и разбоем значит по мне клевать мертвечину», после чего Пугачев посмотрел на него с удивлением и ничего ему не ответил.

В «Толковом словаре» В.И. Даля орел — «самая большая хищная птица (кроме грифа); царь птиц, представитель силы, зоркости, прозорливости, благородства». Приводятся

пословицы «Всем птицам птица орел», «Орел орла плодит, а сова сову родит», «Орел мух не ловит». Автор словаря напоминает, что орел — герб Российского государства¹²¹. Вообще орел — самая частая птица на государственных гербах. Примечательно, что орел — на гербе рода Пушкиных.

В «Воспоминаниях в Царском Селе» 1814 г. орел — символ России («орел России мощный», наверху Чесменской колонны — «орел молодой», ломающий турецкий полумесяц), в «Кавказском пленнике» (1821) «на негодующий Кавказ Подъялся наш орел двуглавый»; в стихотворении «Наполеон» 1821 г. соратники Наполеона — «орлы твои»; в «Воспоминаниях в Царском Селе» 1829 г. соратники Екатерины II — «екатерининские орлы». В стихотворении «Узник» 1822 г. «вскормленный в неволе орел молодой» не может забыть свободу и зовет к ней узника, называя его и себя «вольными птицами»: «Давай улетим! Мы вольные птицы: пора, брат, пора!» В «Пророке» 1826 г. у героя стихотворения «отверзлись вещие зеницы, Как у испуганной орлицы»; в программном стихотворении «Поэт» 1827 г. «душа поэта встрепенется, Как пробудившийся орел». В отрывке «Зачем крутится ветр в овраге...» из незаконченной поэмы «Езерский» (1835) свобода орла сродни стихии ветра и «сердцу девы», сродни поэтическому вдохновению: «Зачем от гор и мимо башен Летит орел, тяжел и страшен, На черный пень? Спроси его... Затем, что ветру и орлу И сердцу девы нет закона. Гордись: таков и ты, поэт, И для тебя условий нет». Орел в поэзии Пушкина — олицетворение свободы, в том числе свободы поэтического вдохновения и поэтического прозрения; олицетворение выдающегося политического деятеля; символ России.

¹²¹ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. Т. 2. М., 1995. С. 690.

Антипод орла в «калмыцкой сказке» — ворон. Кажется, для того чтобы в русской мифологии составила отрицательная характеристика ворона, мало оказалось цвета, величины, еды этой птицы — ее название как будто соотносится со словом «вор» (хотя этимологическая связь учеными отрицается); во времена Пугачева слово «вор» обозначало не только человека, совершающего кражи, но и 1) мошенника, обманщика, плута; 2) злоумышленника, преступника, злодея. В этих значениях слово «вор» несколько раз употреблено в «Капитанской дочке», например: «Я ничего не мог тогда понять из этого воровского разговора...» (в смысле: плутовского разговора Пугачева с хозяином умета); «...Я недаром подал мошеннику челобитье: вору-то стало совестно...» (Савельич употребляет синонимы «мошенник» и «вор»); «Ребята мои умничают. Они воры. Мне должно держать ухо остро; при первой неудаче они свою шею выкупят моею головою» (в речи Пугачева его соратники — обманщики); «Комендант, изнемогая от раны, собрал последние силы и отвечал твердым голосом: “ Ты мне не государь, ты вор и самозванец, слышь ты!”» (в смысле: злодей, преступник); «Над ними прибита была черная доска, на которой белыми крупными буквами было написано: ”Воры и бунтовщики”» (в смысле: преступники. — «Пропущенная глава»). В «Истории Пугачева» Пушкин приводит разговор, состоявшийся в действительности между Пугачевым и графом Паниным. «— Как же смел ты, вор, назваться государем? — продолжал Панин. — *Я не ворон* (возразил Пугачев, играя словами и изъясняясь, по своему обыкновению, иносказательно), *я вороненок, а ворон-то еще летает*» (IX, 78). То есть для Пугачева близость слов «вор» и «ворон» была очевидна. Ю.Г. Оксман считает, что «слова из живой речи пленного крестьянского вождя, записанные Пушкиным в Симбирске в 1833 г., явились тем зерном, из которого выросла вся речевая характеристика

Пугачева в «Капитанской дочке»¹²². Кстати, этот ответ Пугачева своей смелостью, лапидарностью и поэзией произвел сильное впечатление на невольных свидетелей, и Панин жестоко ударил Пугачева в ответ. Но что касается самоотжествления «я вороненок», то в «Капитанской дочке» как раз наоборот — Пугачев в «калмыцкой сказке» отождествляет себя с орлом, а не с его антиподом вороном.

Главная черта, характеризующая ворона в «калмыцкой сказке», — поедание падали, и этот мотив уже присутствовал в «Руслане и Людмиле» (над мертвым телом «летает жадный вран»), в «Братьях разбойниках» («не стая воронов слеталась На груды тлеющих костей...»), стихотворении 1828 г. «Ворон к ворону летит...» (два ворона полетели «отобедать» на труп убитого богатыря), в «Гробовщике» 1830 г. («расхаживали купцы, как вороны, почуя мертвое тело»), в стихотворении 1835 г. «На выздоровление Лукулла» тоже есть сравнение «как ворон, к мертвечине падкий».

Единственный, видимо, раз Пушкин использовал образ этой птицы для другой цели. На последней странице своего неотправленного письма к П.Я. Чаадаеву от 19 октября 1836 г. Пушкин, имея в виду невозможность отправки письма из-за санкций правительства в отношении Чаадаева, пишет: «Ворон ворону глаза не выклюнет». И пояснил тут же: «Шотландская пословица, приведенная В. Ск.<оттом> в Woodstock»¹²³. (Комментатор считает, что в ситуации 1836 г. Пушкин мог вспомнить свое давнее стихотворение «Ворон к ворону летит...»)¹²⁴. В этом объяснении причины неотправки письма Пушкин

¹²² Оксман Ю.Г. Пушкин в работе над романом «Капитанская дочка» // Пушкин А.С. Капитанская дочка. Изд. 2-е, доп. Изд. 1-е подг. Ю.Г. Оксман. Л.: Наука, 1984. («Лит. памятники»). С. 187.

¹²³ Предположение жить. 1836 / Составление, «Предположение жить» А.Г. Битова; Комментарии и указатели М.Н. Виротайнен. М., 1999. С. 402.

¹²⁴ Последний год жизни Пушкина. Составление, вступительные очерки и примечания В.В. Кунина. М., 1988. С. 247.

объединяет себя и Чаадаева как одинаково неугодных для власти (они для нее — вороны), хотя смысл письма был в основном в споре с о знаменитым англоманом и скептиком о предназначении, судьбе России.

В «калмыцкой сказке» и долгожительство ворона, и его отвратительная еда отвергаются орлом в пользу свободной от насилия над собой, хотя бы и короткой, жизни. Не зря для объяснения Гриневу причин своего жизненного выбора Пугачев приводит сказку о диких хищных птицах — он и рассказывает ее «с каким-то диким вдохновением», идеал его жизни — дикая свобода благородной по-своему, брезгливой птицы, давным-давно выбранной многими народами царем всех птиц: «чем триста лет питаться падалью, лучше раз напиться живой кровью, а там что бог даст!» Кстати, предельный возраст орла тридцать три года — это и возраст Пугачева в момент казни (неслучаен эпиграф к главе VII «Голова моя, головушка, Голова послуживая! Послужила мне головушка Ровно тридцать лет и три года»). Заметим, что в обращении орла к ворону нет ни чувства превосходства, ни презрения, есть лишь спокойное несогласие и признание права другого на свою жизнь: «скажи, ворон-птица», «нет, брат ворон» (впрочем, и ворон обращается к орлу «батьюшка»).

Зверство в человеке ужасно, но звериное чутье (с этого и началось «изумление» Гринева «вожатым»), проворство, темперамент, большие претензии, орлиная благородная брезгливость к предателям, вместе с симпатичной внешностью, приятным лицом (а оно у Пугачева именно такое, без свирепости), а главное, жажда свободы — как они привлекают людей!

«Звериные» черты имеет и русская природа (чаще всего зима) в изображении Пушкина в «Капитанской дочке». Обращает на себя внимание глагол «выл» («завыл») как голос животного в знаменитом описании бурана: «Ветер завыл; сделалась метель. <...> Ветер выл с такой свирепой выразительностью, что

казался одушевленным...». Звук ветра во время бурана уподоблен голосу животного (волка, собаки), притом свирепого. У природы здесь свойства грозного животного — все слилось в одну свирепую стихию. В начале VI главы сказано, что Гринев сидел «дома один, слушая вой осеннего ветра», когда его позвали к коменданту известить о начале новой эпохи — пугачевщины.

В «Зимнем вечере» (1825) «выла» буря: «то, как зверь, она завоет», «или бури завываньем...». В стихотворении «Зима. Что делать нам в деревне...» (1829) «вьюга воет». В «Бесах» (1830) голос вьюги представляется «визгом жалобным и во-ем» бесов. В «Метели» (1830) «ветер выл» при бегстве Маши. О роще, куда заехал заблудившийся Владимир, сказано: «Ветер не мог тут свирепствовать». Это же слово повторилось в «Капитанской дочке» в схожей ситуации — «мне казалось, буран еще свирепствовал», тот самый буран, из которого вышел спаситель Гринева, его невесты — и губитель ее родителей. Свирепость — свойство не только природы, но и зверя: см. эпиграф к главе XI «В ту пору лев был сыт, хоть сроду он свиреп». Для Пушкина в «Капитанской дочке» свирепость — черта русской, в основном зимней, природы, зверя и бунта.

В VIII главе «Истории Пугачева» свирепость — тоже черта мятежа: «никогда мятеж не свирепствовал с такою силою» (о конце восстания), говорится о «губерниях, где свирепствовал мятеж», «имя страшного бунтовщика гремит еще в краях, где он свирепствовал» (IX, 69, 70, 81).

В «Капитанской дочке» восстание изображено как стихия, «пожар»: «состояние всего обширного края, где свирепствовал пожар, было ужасно...». «Свирепый» — это о звериной сущности восстания: и о звериной тяге к свободе, и о звериной жестокости как средстве ее добычи.

Страшно, что русский бунт — «бессмысленный и беспощадный» не только со стороны восставших. «Шайки разбой-

ников злодействовали повсюду; начальники отдельных отрядов (имеются в виду правительственные войска. — *В.Ш.*) самовластно наказывали и миловали (в «Пропущенной главе» есть продолжение: «самовластно наказывали виноватых и безвинных». — *В.Ш.*); состояние всего обширного края, где свирепствовал пожар, было ужасно... Не приведи бог видеть русский бунт, бессмысленный и беспощадный!»

Обаяние дикой звериной свободы и ужас зверского кровопийства, звериные черты природы и мятежа в их красоте и свирепости — без этих оппозиций и соотнесений не постичь «Капитанскую дочку».

Образы диких хищных животных и птиц, несомненно, участвуют в формировании эстетического идеала повести. Гордый орел, выбранный человечеством в один из самых любимых образов, не может не проливать кровь, но при этом считается положительным героем; «баран», «гусь», никого не поедающие, даже упомянутая «собака» — чаще отрицательные персонажи наших уподоблений, присутствующие в «Капитанской дочке». Поедающий падаль, т.е. не живых, а мертвых, ворон — отвратителен.

Звериное чутье, проворство имеет «вожатый» Пугачев — как вожак звериной стаи. Дикость существования и поведения вообще интересует Пушкина, с одной стороны, как утраченная для цивилизованных людей гармония: «дикой вольности любовь» как идеал в поэме «Кавказский пленник»; «дикая доля» в «Цыганах» как противопоставление эгоистичному существованию Алеко; «дикая краса» калмычки в стихотворении, обращенном к ней, — волнующая, неизведанная и притягательная.

«Дикостью» назвал Пушкин и такое качество, как замкнутость в поведении ряда своих положительных героев. «Дикий», то есть чуждающийся людей, цивилизованный человек, тот, кто не утратил способности «дичиться», стесняться

кого-либо, особо ценен для Пушкина — он искренний, он не приобрел лоска, нивелирующего и искажающего натуру: таковы любимые героини Пушкина Татьяна Ларина, Маша Миронова, таков Евгений из «Медного всадника». Первая была в юности «дика, печальна, молчалива, Как лань лесная боязлива», в отличие от благополучной и радостной сестры, не имеющей, однако, своего лица. И потом замужняя Татьяна в отповеди Онегину скажет, что готова отдать свою столичную жизнь «за полку книг, за *дикой сад*». А Маша Миронова первое время «дичилась» Гринева, так как, говорит рассказчик, она «скоро перестала со мною *дичиться*. Мы познакомились» — такова подкупающая естественность ее поведения. Евгений, симпатичный герой «Медного всадника», тоже «дичится» — «*дичится знатных*» и не вспоминает о своем древнем роде. «Дикий» во всех этих случаях — качество природное, естественное. (Потом, когда Евгений из «Медного всадника», потрясенный, будет сходить с ума, — у него появятся «боязнь дикая на лице», «взоры дикие», с которыми он обращается к статуе, но это уже симптомы болезни, и «дикий» здесь — странный, ужасный. Кстати, и поведение самого Пушкина во время дуэльных событий 1836–1837 гг. «лощенное» светское общество именовало агрессивным, якобы вызванным пресловутым африканским, т.е. диким, происхождением¹²⁵).

Свое «арапское» происхождение Пушкин сделал в поэзии и в рисунках-автопортретах оригинальной чертой внешности и характера, чем-то заведомо выделяющей его из толпы.

¹²⁵ Вот как описывает лицо Пушкина С.Н. Карамзина на праздновании своих именин в 1836 г. в письме к брату: «Его блуждающий, дикий, рассеянный взгляд с вызывающим тревогу вниманием останавливается лишь на его жене и Дантесе...» (Хроника жизни и творчества А.С. Пушкина. В 3 т. Т. 3. Кн. 1. 1835 — сент. 1836. Сост. Г.И. Долдобанов, И.С. Сидоров. Науч. ред. И.С. Сидоров. М., 2016. С. 840. Пер. с франц.)

«Дикое» в собственной внешности Пушкин подчеркнул в стихотворении «Юрьеву» (1820). Если адресат — красавец, страдающий от любви, то лирический герой — «повеса вечно праздный, Потомок негров безобразный, Возвращенный в *дикой* простоте», напоминающий «фавна». Как Ибрагим в «Арапе Петра Великого»: «Он чувствовал, что он для них род какого-то редкого зверя, творенья особенного, чужого, случайно перенесенного в мир, не имеющий с ним ничего общего» (VIII, 5).

Такую же «неудобную» естественность поведения обнаруживает и носитель поэтического вдохновения в стихотворении «Поэт» 1827 г. Вполне, казалось бы, обычный человек, он, после требования от него Аполлоном «священной жертвы», кардинально меняется — «бежит» от людей на лono природы: «бежит он, *дикой* и суровый, И звуков, и смятенья полн, На берега пустынных волн, В широкошумные дубровы...». Вдохновение как высвобождение неизведанной гармонии неожиданно для поэта и неудобно, если можно так выразиться, для людей.

В «Страннике» 1835 г. вновь мотив бегства. Как в «Поэте», новое состояние настигло героя внезапно»: «Однажды странствуя среди долины *дикой*, Незапно был объят я скорбию великой» о грядущей гибели. Желая «узреть <...> Спасенья верный путь и тесные врата», герой томится, плачет и стонет, так что от него наконец отступились и его «ближние», «как от безумного, чья речь и *дикий* плач Докучны и кому суровый нужен врач». Не говорится, что этот человек — поэт, но он избранник, как в «Пророке», притом не понятый людьми, ведущий себя несообразно их правилам.

Оказывается, «дикому вдохновенью» Пугачева предшествовал «*дикой* гений вдохновенья» в поэме «Кавказский пленник». Обращаясь к Н.Н. Раевскому-младшему в «Посвящении» к поэме, поэт спрашивает друга, вспоминая о Кавказе: «Забуду ли

его кремнистые вершины, Гремучие ключи, увядшие равнины, Пустыни знойные, края, где ты со мной Делил души младые впечатленья; Где рыскает в горах воинственный разбой И *ди- кой* гений вдохновенья Таится в тишине глухой?»

Одна из задач, которую ставил Пушкин в этой поэме, считает С.М. Бонди, — «противопоставить отвергаемой романтиком обыденной, прозаической действительности яркие и впечатляющие картины могучей и дикой природы Кавказа и быта черкесов»¹²⁶.

В «Кавказском пленнике» изображены «*дикие* питомцы брани», «*дикой* вольности любовь», «Кавказа *дикие* цветы», и, видимо, не случайно в таких обстоятельствах и таится здесь «*дикой* гений вдохновенья». Этот «гений вдохновенья» такой же «*дикой*», как и народы и природа этой волнующей, вздыбленной земли, и он «таится» до поры до времени, чтоб потом вырваться наружу, чтоб заявить свои незаконные права.

В «Пире во время чумы» (1830) Председатель просит Мери исполнить печальную шотландскую песню: «Твой голос, милая, выводит звуки Родимых песен с *диким* совершенством...». Плоть от плоти своей земли (Председатель говорит об этой земле : «*дикий* рай твоей земли родной»), Мери передает ее дух «с *диким* совершенством», потому что песни эти — «родимые», а не потому, что она училась этому искусству. «Гений», «вдохновенье», «совершенство» — понятия, казалось бы характеризующие лишь высокое искусство, но у Пушкина они и свойства естественной, близкой к природе жизни.

Вдохновение, по Пушкину, необязательно связано с творчеством как таковым. Источник «дикого вдохновения» Пугачева при передаче им «калмыцкой сказки», кажется, назван в песне Вальсингама в «Пире во время чумы»: «Есть упоение

¹²⁶ Бонди С. Примечания // Пушкин А.С. Собр. соч. в 10 т. Т. 3. М., 1975. С. 445.

в бою, И бездны мрачной на краю, И в разъяренном океане,
Средь грозных волн и бурной тьмы, И в аравийском урагане,
И в дуновении Чумы. Все, все, что гибелью грозит, Для
сердца смертного таит Незыблемы наслажденья — Бес-
смертья, может быть, залог! И счастлив тот, кто средь волне-
нья Их обретать и ведать мог».

Песни Вальсингама недаром священник в этой «маленькой трагедии» называет «бешеными» — они далеки от смирения и несут упоение, вдохновение боя, близости гибели. И «дикое вдохновение» Пугачева, тоже сознающего себя «на краю» гибели, на наш взгляд, сродни этому пафосу. Похожее чувство испытал Гринев среди бунтовщиков, слушая их пение «Не шуми, мати зеленая дубравушка...» — «простонародной песни про виселицу, распеваемой людьми, обреченными виселице», — «все потрясло меня каким-то пиитическим ужасом». Этот «пиитический ужас» Гринева — результат восприятия песни людей, готовых к трагической участи, что роднит по сути эту песню с «калмыцкой сказкой» Пугачева.

Но и словесное произведение Пугачева в «Капитанской дочке» — «воззвание Пугачева, писанное каким-нибудь полуграмотным казаком» — несет на себе печать силы его личности, его идеала свободы, по-своему понимаемого, и об этом продукте творчества Пугачева сказано, что «воззвание написано было в грубых, но сильных выражениях и должно было произвести опасное впечатление на умы простых людей». Причастный литературе Гринев (а за его оценками в данном случае просматривается оценка Пушкина) высоко оценивает слог «возмутительных листов». Дикость и сила народного мятежа высказываются стилистически и производят яркое впечатление, особенно в сравнении с вялым слогом письма генерала. Интересно, что в изумивших Пушкина приводимых в «Истории Пугачева» ярких пугачевских воззваниях есть такие строки об идеале жизни как звериной

свободе: «...я ваш подлинно милостивый государь, признавайте и верьте, ныне я вас <...> землями, водами, лесами <...> как вы желали, так пожаловал по жизнь вашу, и пребывайте так как степные звери...» (IX, 682); «...и будьте подобными степным зверям...» (IX, 684). Пушкин был увлечен Пугачевым. Г.П. Федотов в работе «Певец империи и свободы» пишет: «Пугачев, рассказывающий “с диким вдохновением” калмыцкую сказку об орле и вороне <...> это ключ к пушкинскому увлечению. Оно порукой за то, что Пушкин, строитель русской империи, никогда не мог бы сбросить со счетов русской, хотя бы и дикой, воли»¹²⁷.

Согласно «Словарю языка Пушкина», слово «дикий» имеет у Пушкина несколько значений: 1) находящийся в первобытном состоянии, не затронутый цивилизацией, культурой (о людях); 2) пустынный, глухой, мрачный; 3) чуждающийся людей, замкнутый, нелюдимый; 4) грубый, невежественный; 5) непонятный, чуждый кому-нибудь¹²⁸.

Эпитет «дикое» в выражении «дикое вдохновение» в «Капитанской дочке» «Словарь языка Пушкина» трактует в значении «грубый, невежественный» с оттенком значения «неестественно странный, ужасный»¹²⁹. Такое же значение, по мнению авторов «Словаря», например, у эпитета «дикие» в «Медном всаднике», где Евгений «взоры дикие навел На лик державца полумира»; или у эпитета «дикое» в стихотворении «Разговор книгопродавца с поэтом», где присутствует «безумца дикое лепетанье». Но, на наш взгляд, в этих двух последних случаях эпитеты характеризуют другое — сходящего с ума героя. «Дикое вдохновение» Пугачева, на наш взгляд, не «грубое, невеже-

¹²⁷ Федотов Г.П. Певец империи и свободы // Пушкин в русской философской критике: Конец XIX — первая половина XX в. М.: Книга, 1990. С. 374.

¹²⁸ Словарь языка Пушкина. Т. 1. С. 656–658.

¹²⁹ Там же. С. 657–658.

ственное», не «неестественно странное, ужасное», а, наоборот, естественное, свойственное природе.

Заметим, что в повести не «дикое вдохновение», а «какое-то дикое вдохновение», т.е. автор-рассказчик при помощи местоимения «какое-то» как бы подбирает эпитет, принимая его особенность, это «какое-то дикое» означает лишь сходство с «диким», неполноту признака, но, с другой стороны, и выделяет «дикое» во всей фразе. «Дикое вдохновение» Пугачева при изложении «калмыцкой сказки» вызвано к жизни близостью идеалов «вожатого» к звериной воле, свирепой природе; перекликается с «суровым» поведением поэта, избранника, свободного в своей естественности героя и объясняет увлечение Пушкина своим героем.

Пушкинские традиции в рассказе А.П. Чехова «Дама с собачкой»

В науке нет единого мнения о существовании пушкинских традиций в творчестве Чехова. И.Н. Сухих отрицает традицию Пушкина в творчестве Чехова: «Между художественными мирами Пушкина и Чехова действительно больше несопадений, чем общих точек. Оставим в стороне лирику. Но даже в системе общих жанров у Чехова нет аналогов “Капитанской дочке” (эта линия ведет к Толстому)»¹³⁰.

Другие ученые, отмечая, что Пушкин — начало, а Чехов — конец «золотого века» русской литературы, описывают влияние Пушкина на Чехова. «Чехов выступил как преемник и продолжатель лучших реалистических традиций русской литературы, — писал З.С. Паперный. — Определение Л. Толстого “...Чехов — это Пушкин в прозе” (“Ежемесячный журнал для всех”, 1905, № 7, с.427) помогает понять ту роль, которую сыграли поэтические уроки Пушкина, его стремление к гармонической целостности и ясности, музыкальности, его совершенное чувство ритма, по-своему преломленные Чеховым — прозаиком и драматургом»¹³¹. Упомянутое здесь определение Толстого известно в передаче Лазаревского. В дневнике же Толстого это мнение записано несколько по-другому: «...Разговаривая о Чехове с Лазаревским, уяснил себе то, что он, как Пушкин, двинул вперед форму. И это большая заслуга. Содержания же, как у Пушкина, нет»¹³².

¹³⁰ Сухих И.Н. Чехов в Пушкине // Чеховиана. Чехов и Пушкин. М., 1998. С. 16.

¹³¹ Паперный З.С. Чехов // Краткая литературная энциклопедия. Т. 8. М., 1975. С. 491–492.

¹³² Толстой Л.Н. Полное собр. соч. Т. 54. М., 1935. С. 191.

Компромиссную точку зрения на проблему пушкинских традиций в прозе Чехова представляет Э.А. Полоцкая: «Пушкин и Чехов — два крайних звена одной цепи — русской классической литературы. Если рассматривать цепь в последовательности звеньев, ее составляющих, то этот долгий путь подчеркнет, как далеко ушел Чехов от пушкинских времен. Если же посмотреть с высоты нашего времени на всю эпоху с этими крайними звеньями, то неожиданно обнаружится сходная историческая роль двух художников — решающая в развитии литературы начала и конца века»¹³³.

Отметим такой интересный факт: Толстой в рассмотренном отзыве не сравнивает Чехова с Пушкиным-прозаиком; по его мнению, форма именно поэзии Пушкина — аналог формальной новизны творчества Чехова. То, что поэзия действительно была для Чехова-прозаика неким ориентиром, видно из его письма к Я.П. Полонскому от 18 января 1888 г., во время работы над повестью «Степь»: «Может быть, я не прав, но лермонтовская “Тамань” и пушкинская “Капитанская дочка”, не говоря уже о прозе других поэтов, прямо доказывают тесное родство сочного русского стиха с изящной прозой»¹³⁴. Тогда же, 23 января этого же года, он писал А.Н. Плещеву о своей повести «Степь»: «В общем она не удовлетворяет меня, хотя местами и попадаются в ней “стихи в прозе”»¹³⁵. Эта самооценка, эта уступительная конструкция дают понятие о направлении его поисков: проза, точнее сказать, «изящная проза» (к этому он, надо понимать, и стремился) должна иметь с «сочным русским стихом» нечто общее.

Еще одно принципиальное высказывание о литературе — и опять на материале в том числе Пушкина. В письме к А.С. Су-

¹³³ Полоцкая Э.А. О назначении искусства (Пушкин и Чехов) // Чеховиана. М., 1990. С. 40–41.

¹³⁴ Чехов А.П. Собр. соч. в 12 т. Т. 11. М., 1963. С. 171.

¹³⁵ Там же. С. 177.

ворину от 27 октября 1888 г. Чехов разделяет две важнейшие категории в искусстве — *«решение вопроса и правильная постановка вопроса»*. Только второе обязательно для художника. В “Анне Карениной” и в “Онегине” не решен ни один вопрос, но *«...»* все вопросы поставлены в них правильно»¹³⁶.

Знаменитая чеховская формула «Краткость — сестра таланта»¹³⁷ соотносится с требованием Пушкина «Точность и краткость — вот первые достоинства прозы» (XI, 19).

Чехов, и это понятно, чаще высказывался о писателях-современниках, но что касается писателей «золотого века» русской литературы, то самые важные мнения, как уже мы могли видеть, — о Пушкине. Множество раз упомянуты имя Пушкина, цитаты из него, герои его произведений в художественном творчестве Чехова. «Отношение к Пушкину в произведениях Чехова обычно является критерием оценки персонажа, показателем уровня его культуры, морали, эстетической чуткости», — считает М.Л. Семанова¹³⁸. Традиция, которой следовал Чехов, — тот мир гуманистической русской культуры, в котором Пушкин занимает главное место.

«Интерес к Пушкину был у Чехова устойчив, не угасал до конца жизни, — писала М.Л. Семанова. — Ничья слава и популярность так не радовали его, как слава Пушкина»¹³⁹. В 1880 году Чехов — студент I курса был свидетелем пушкинских торжеств в Москве. В 1888 году ему была присуждена Пушкинская премия. В 1899 году Чехов принял участие в подготовке Пушкинского праздника в Ялте к 100-летию поэта. В этом же юбилейном году был написан рассказ «Дама с собачкой», который В.В. Набоков в лекции, адресованной аме-

¹³⁶ Чехов А.П. Собр. соч. в 12 т. Т. 11. С. 275.

¹³⁷ Там же. С. 333.

¹³⁸ Семанова М.Л. Чехов о Пушкине // Проблемы реализма русской литературы XIX века. М.-Л., 1961. С. 315.

¹³⁹ Там же. С. 313.

риканским студентам, назвал «одним из самых великих в мировой литературе»¹⁴⁰.

Этот рассказ Чехова уже рассматривался в книге В.Б. Катаева «Литературные связи Чехова» (М., 1989) в русле пушкинской традиции, а именно анализировалось влияние на него «маленькой трагедии» Пушкина «Каменный гость». Здесь сопоставлены Д.Д. Гуров из «Дамы с собачкой» и пушкинский Дон Гуан: «Из длинного ряда известных трактовок этого вечного образа Чехову, очевидно, ближе всего пушкинский Дон Гуан, герой “Каменного гостя” — Дон Жуан полюбивший, нашедший в любви счастье <...> Те же мелкие совпадения, что у героя “Дамы с собачкой”, та же монограмма, что и у героя “Каменного гостя” (Дмитрий Гуров — Дон Гуан), и героинь двух произведений зовут одинаково, и даже то, что рассказ Чехова написан в юбилейном 1899 году, когда праздновалось столетие со дня рождения Пушкина, — все это, разумеется, еще не может приниматься как серьезные доказательства. К тексту пушкинской трагедии или к ее постановке в театре Чехов мог не обращаться специально, обдумывая свой рассказ.

Главное здесь то, что оба произведения несут в себе черты сходства замысла, ситуации — и это является отпечатком тех сходных жизненных обстоятельств, в которых находились их создатели. “Каменный гость” и “Дама с собачкой” написаны Пушкиным и Чеховым, когда они полюбили. И Пушкин осенью 1830 года, и Чехов осенью 1899 года знали, что ими сделан окончательный выбор, оба испытывали счастье — и в то же время были насильственно разлучены с любимыми: Пушкин в карантине в Болдине, Чехов на своем “Чертговом острове” в Ялте»¹⁴¹.

¹⁴⁰ *Набоков Владимир*. Лекции по русской литературе. Пер. И. Клячиной. СПб., 2016. С. 370.

¹⁴¹ *Катаев В.Б.* Литературные связи Чехова. М., 1989. С. 109.

В специально посвященном влиянию пушкинских традиций на Чехова томе «Чеховианы» под названием «Чехов и Пушкин» Е.М. Сахарова замечает, что «особенно часто в произведениях и письмах Чехова упоминается “Евгений Онегин”»¹⁴². Ее поддерживает в том же издании А.П. Кузичева: «Свободное и постоянное цитирование романа “Евгений Онегин” свидетельствует, как укоренен был текст этого произведения в сознании Чехова»¹⁴³. Другой участник издания А.П. Чудаков берет еще шире: «...Воздействие Пушкина на русскую прозу XIX века велико. Но это воздействие было: пушкинских поэм и прежде всего — романа “Евгений Онегин”»¹⁴⁴.

В специальной работе о пушкинской традиции в прозе Чехова М.В. Литовченко также утверждала, что самым актуальным пушкинским произведением является для Чехова роман «Евгений Онегин»: «Сюжетная ситуация романа “Евгений Онегин” получает преломление в творчестве Чехова, реализуемое в нескольких аспектах: как продолжение сюжета “несвершенного события” и как трансформация образов главных героев»¹⁴⁵. Об «открытых финалах» «Скучной истории», «Дамы с собачкой», повести «Три года» писали разные исследователи, называя примером для Чехова роман «Евгений Онегин».

«Среди русских книг эта книга, — писал В.С. Непомнящий о романе «Евгений Онегин» в книге «Поэзия и судьба», — то же, что ее автор среди русских писателей <...> Она создала

¹⁴² Сахарова Е.М. «Письмо Татьяны предо мною...» (К вопросу об интерпретации Чеховым образа героини «Евгения Онегина») // Чеховиана. Чехов и Пушкин. М., 1998. С. 156.

¹⁴³ Кузичева А.П. Пушкинские цитаты в произведениях Чехова // Там же. С. 56.

¹⁴⁴ Чудаков А.П. Пушкин — Чехов: завершение круга // Там же. С. 37.

¹⁴⁵ Литовченко М.В. Пушкинская традиция в прозе Чехова. Автореф. дис. ...канд. филол. наук. Кемерово, 2007. С. 7.

вокруг себя сферу влияния, которую составила практически вся наша классика...»¹⁴⁶.

Героиня романа «Евгений Онегин», выделенного Чеховым у Пушкина как образец «правильной постановки вопроса», повлияла, на наш взгляд, на трактовку образа героини «Дамы с собачкой», особенно Татьяна восьмой главы.

Обратимся же к героиням пушкинского романа и чеховского рассказа, произведений о разделенной, но трагической любви. Отметим в героинях главное. И Татьяна восьмой главы и Анна Сергеевна обрисованы как дамы *comme il faut* в контрасте с тем, что называется *vulgar*, вульгарным. Вспомним Татьяну из восьмой главы романа: «Она была нетороплива, Не холодна, не говорлива, Без взора наглого для всех, Без притязаний на успех, Без этих маленьких ужимок, Без подражательных затей... Все тихо, просто было в ней, Она казалась верный снимок *Du comme il faut...*», что и переводится «прилично»; букв.: «как должно». Отсутствие в Татьяне вульгарности с восхищением отмечено Пушкиным: «Никто б не мог ее прекрасной Назвать, но с головы до ног Никто бы в ней найти не мог Того, что модой самовластной В высоком лондонском кругу Зовется *vulgar...*» Насколько отсутствие вульгарности в даме было важно для Пушкина, свидетельствует его письмо к жене от 30 октября 1833 г.: «...ты знаешь, как я не люблю все, что пахнет московской барышнею, все, что не *comme il faut*, все, что *vulgar...* Если при моем возвращении я найду, что твой милый, простой, аристократический тон изменился; разведусь, вот те Христос, и пойду в солдаты с горя» (XV, 89).

Главная ценность Анны Сергеевны для Гурова, причислявшего себя к «порядочным людям», по-видимому, состояла

¹⁴⁶ *Непомянутый В.С.* Поэзия и судьба. Книга о Пушкине. 3-е изд., доп. М., 1999. С. 268.

в принадлежности и ее к «порядочному обществу», это первое, что с интересом отмечает в ней Гуров: «Ее выражение, походка, платье, прическа говорили ему, что она из порядочного общества, замужем, в Ялте первый раз и одна, что ей скучно здесь...», «Анна Сергеевна была трогательна, от нее веяло чистотой порядочной, наивной, мало жившей женщины...». Отсутствие вульгарности в Анне Сергеевне показано совсем по-другому, чем в Татьяне, а именно — контрастом чеховской героини с ее вещным и людским окружением. Мы видим Анну Сергеевну глазами истосковавшегося по ней Гурова, приехавшего в город С. и увидевшего, наконец, ее в театре. «Она, затерявшаяся в провинциальной толпе, эта маленькая женщина, ничем не замечательная, с вульгарною лорнеткой в руках, наполняла теперь всю его жизнь, была его горем, радостью, единственным счастьем, какого он теперь желал для себя: и под звуки плохого оркестра, дрянных обывательских скрипок он думал о том, как она хороша». Высота любви описана при помощи конфликта с ее окружением: вульгарная лорнетка, плохой оркестр, дрянные скрипки, да еще и муж-«лакей», и этот трагический конфликт вряд ли разрешим; раньше, до своей любви, Гуров не оценивал так окружающее, не знал про его вульгарность (лорнетка была в руках Анны Сергеевны и в Ялте, но там она не казалась Гурову вульгарной). И в этом Чехов противостоит Пушкину, наоборот, объединявшую Татьяну со столичным высшим светом. Анна Сергеевна «выросла в Петербурге», и этот столичный тон сказывается и в ней, не стерт жизнью в городе С. Кстати, город С. с его пошлыми характеристиками описан до этого в «Ионыче» (1898), после публикации которого Чехов принялся за «Даму с собачкой».

Есть у Анны Сергеевны и внешнее сходство с замужней Татьяной из восьмой главы романа. Три раза Чехов называет головной убор «дамы с собачкой» — «берет». «Сидя в пави-

льоне у Верне, он видел, как по набережной прошла молодая дама, невысокого роста блондинка, в берете <...> Она гуляла одна, все в том же берете <...> И вот однажды под вечер он обедал в саду, а дама в берете подходила не спеша, чтобы занять соседний стол». Думается, что эта деталь нажимная, что-то имеющая в виду (героиня даже названа «дамой в берете»), как будто никакого другого головного убора она не носила). И ничто другое из одежды вначале не описано — даже платье. Берет здесь важнее, и он что-то имеет в виду. Считаем — головной убор Татьяны.

Собственно, в «Евгении Онегине» упомянуты лишь два предмета одежды замужней Татьяны — «берет» и «боа».

«Скажи мне, князь, не знаешь ты,
Кто там в малиновом берете
С послом испанским говорит?» —

обращается Онегин к своему другу и родне, смутно предчувствуя в даме, поведение и облик которой на столичном светском рауте вызывают подлинное восхищение окружающих, ту, которая когда-то в своем письме открылась ему в любви. Во времена Пушкина «в шляпах полагалось наносить визиты, а в театры, на званые вечера и на балы надевать токи, береты или тюрбаны <...> Береты различались фасоном, тканью, отделкой и манерой их надевать, украшались цветами и перьями»¹⁴⁷. Малиновый, пурпурный, алый считались модными цветами для беретов, в основном бархатных, пишет В.В. Набоков в комментарии к роману «Евгений Онегин»¹⁴⁸. А во времена Чехова берет носили и на улице.

¹⁴⁷ Быт пушкинского Петербурга. Опыт энциклопедического словаря. Л — Я. СПб., 2011. С. 124.

¹⁴⁸ *Набоков Владимир*. Комментарий к «Евгению Онегину» Александра Пушкина. СПб., 1999. С. 734.

В фильме И. Хейфица «Дама с собачкой» 1960 г. на Ие Саввиной, исполнявшей главную роль, берет — довольно большой темный головной убор с брошью при светлом платье.

Можно считать «Даму с собачкой» сюжетно как бы продолжением «Евгения Онегина» — что было бы, если б Татьяна покорила своей любви. Это отчасти и спор с романом «Анна Каренина» (заметим, героиню зовут тоже Анна). Характерно, что Л. Толстой в дневнике отметил, что в рассказе Чехова чувствуется пагубное влияние ницшеанской философии аморализма, и назвал героев «Дамы с собачкой» «почти животными»¹⁴⁹. Наше время не видит этого в героях Чехова. Видимо, потому, что Анна Сергеевна, полюбив впервые в жизни, тем не менее несчастна. И это роднит ее с Татьяной, тоже любящей и страдающей тайно, и, можно сказать, искупает ее вину. (Надо сказать, что Татьяна, видимо, уважает и жалеет своего мужа-военного, чьи заслуги признаны и двором; Анна Сергеевна же считает мужа «лакеем».) В свете страданий Анны Сергеевны и Гурова их отношения не выглядят банальной «связью»; в них чистота и обретенное человеческое достоинство. Это не «измена», а перемена: Гуров, проводив в Ялте Анну Сергеевну, «как будто только что проснулся», пишет Чехов, а потом, в Москве, можно сказать, восстал против своего пошлого окружения. И не случайно сравнение: «точно это были две перелетные птицы, самец и самка, которых поймали и заставили жить в отдельных клетках».

Невозможно не заметить «цитаты» из «Онегина» и в описании театра в городе С., куда пришел Гуров в надежде встретить Анну Сергеевну на премьере: «Театр был полон» («Театр уж полон» в «Евгении Онегине»). Это отнесение ситуации к пушкинскому роману влечет за собой и пушкинские ассоциации Татьяна — Анна Сергеевна в сознании читателя.

¹⁴⁹ Толстой Л.Н. Полное собр. соч. Т. 54. М., 1935. С. 9.

В театральном эпизоде рассказа Чехова упомянут и «боа» (длинный узкий женский шарф из меха или перьев). Это, как и «берет», также предмет гардероба Татьяны:

Он счастлив, если ей накинёт
Боа пушистый на плечо, —

говорится о новом поведении влюбленного Онегина. Но роль этого «боа» в рассказе Чехова совершенно другая, чем «берета».

Во времена Пушкина боа носились замужними дамами, делались они из лебяжьего пуха и дорогих мехов — горноста, соболя. В конце XIX века мода на боа вернулась, только теперь их делали из дешевых материалов и выглядели они часто вульгарными. (В рассказе Чехова «75 000» боа — на «высокой, тощей брюнетке», что само по себе компрометирует этот шарф.)

Перечисляя в рассказе «Дама с собачкой» обычаи в губернских театрах, Чехов упоминает, что «в губернаторской ложе, на первом месте сидела губернаторская дочь в боа, а сам губернатор скромно прятался за портьерой, и видны были только его руки». Авторская оценка этой картины — ирония по поводу театральной провинциальной моды, когда боа на девушке выглядит претенциозно и смешно. У Чехова с провинцией были свои счеты. Этот образ вырос из фразы в его «Записных книжках»: «Провинция. В ложе непременно губернаторская дочь в боа»¹⁵⁰.

Есть в рассказе Чехова образ-символ невыносимой жизни, который, думается, тоже взят из «Евгения Онегина». Когда Татьяну оторвали от ее родных мест и привезли в Москву на «ярмарку невест», из окна дома тетки она видит чуждую картину тесноты и скуки.

¹⁵⁰ Чехов А.П. Собр. соч. в 12 т. Т. 10. М., 1963. С. 470.

Редее сумрак, но она
Своих полей не различает;
Пред нею незнакомый двор,
Конюшня, кухня и забор.

Характерно, что в «Даме с собачкой» «забор» перед домом Анны Сергеевны упомянут аж шесть раз. «Гуров не спеша пошел на Старо-Гончарную, отыскал дом. Как раз против дома тянулся забор, серый, длинный, с гвоздями. “От такого забора убежишь”, - думал Гуров, поглядывая то на окна, то на забор.<...> И он все ходил по улице и около забора.<...> Он ходил и все больше и больше ненавидел серый забор, и уже думал с раздражением, что Анна Сергеевна забыла о нем и, быть может, уже развлекается с другим, и это так естественно в положении молодой женщины, которая вынуждена с утра до вечера видеть этот проклятый забор».

Тот «забор», который с тоской увидела в Москве на новом, непривычном месте Татьяна, поднимается у Чехова, через повторы и конкретизацию, до образа-символа тесноты, серости, чужеродности жизни.

Обратимся к еще одной параллели в описаниях Татьяны и Анны Сергеевны. В образе Татьяны Пушкиным подчеркнут мотив «старины». С ее именем, таким необычным в дворянской среде, «неразлучно Воспоминанье старины иль девичьей...» Ее родители «хранили в жизни мирной Привычки милой старины», «Татьяна верила преданьям Простонародной старины» (сны, карточные гадания, приметы). Онегин, полюбив Татьяну, может быть, через нее постиг то, чему до этого был чужд. Когда он, наткнувшись на холодность Татьяны, хотел забыться в чтении, то «меж печатными строками Читал духовными глазами Другие строки. В них-то он Был совершенно углублен. То были тайные преданья Сердечной, темной старины, Ни с чем не связанные сны, Угрозы, толки,

предсказания, Иль длинной сказки вздор живой, Иль письма девы молодой...»

В.В. Набоков пишет про это место в своих комментариях к «Евгению Онегину»: «Есть какая-то иррациональная суггестивность, что-то гипнотическое и непостижимое в словах “тайные преданья сердечной, темной старины”, где две великие романтические темы — образы, рожденные народным воображением, и откровения сердца — сливаются в нечто единое по мере того как для Онегина, впадающего в усыпление, наступает одно из тех состояний, когда слегка сдвинуты все смысловые уровни и неясный мир размывает контуры как бы случайно набегающих мыслей»¹⁵¹. Саму русскую душу, если угодно, так постигает Онегин.

Предваряя перевод письма Татьяны, написанного по-французски, Пушкин заступает за волнующую его неточность, неправильность русской женской речи в его кругу («неправильный, небрежный лепет»), может быть потому, что русский язык не был еще достаточно развит: «Доныне гордый наш язык К почтовой прозе не привык». Приверженность Татьяны дворянской традиции писать письмо по-французски парадоксально противопоставляется новым веяниям женской образованности, видимо, лишаящим женщину неуловимой прелести, непосредственности, изящества.

Не дай мне бог сойтись на бале
Иль при разъезде на крыльце
С семинаристом в желтой шале
Иль с академиком в чепце!
Как уст румяных без улыбки,
Без грамматической ошибки
Я русской речи не люблю.
Быть может, на беду мою,
Красавиц новых поколенья,

¹⁵¹ *Набоков Владимир*. Комментарий... С. 762.

Журналов вняв молящий глас,
К грамматике приучат нас;
Стихи введут в употребленье;
Но я... какое дело мне?
Я верен буду старине.

Конечно, не в том дело, что Пушкин не хотел, чтобы дамы учились русской грамматике, читали журналы. Как известно, он ценил образованных женщин, но при этом, видимо, не выпячивающих свою образованность, сохраняющих мудрую внимательность к мнению мужчины-собеседника, не судящих обо всем с апломбом.

Заметим то же предпочтение «старинны» новым общественным и культурным веяниям в чеховском описании Анны Сергеевны. «Старинное» в ее поведении подчеркнуто Чеховым через сравнение. «У нее опустились, завяли черты и по сторонам лица печально висели длинные волосы, она задумалась в унылой позе, точно грешница на старинной картине».

И ее объяснение своего «падения» далеко от новомодного во времена Чехова «свободного» взгляда на отношения полов. «Пусть Бог меня простит!.. Я дурная, низкая женщина, я себя презираю и об оправдании не думаю... Я люблю честную, чистую жизнь, а грех мне гадок, я сама не знаю, что делаю. Простые люди говорят: нечистый попутал. И я могу теперь про себя сказать, что меня попутал нечистый». Эта «простонародность» объяснения (включая эвфемизм «нечистый» вместо «бес»), это презрение к себе, раскаяние и приятие несчастливой доли противопоставлены в рассказе Чехова поведению любовниц Гурова, которых он вспоминал как «беззаботных, добродушных женщин, веселых от любви, благодарных ему за счастье, хотя бы и короткое», и поведению жены Гурова, «которая любила без искренности, с излишними разговорами, манерно, с истерией, как будто то была не любовь, не страсть, а что-то более значительное».

И то же, как в обрисовке Татьяны, предпочтение «старинны» новым общественным и культурным веяниям видим и в Анне Сергеевне, которая противопоставлена «прогрессивной» жене Гурова, описанной в рассказе так: «Это была женщина высокая, с темными бровями, прямая, важная, солидная и, как она себя называла, мыслящая. Она много читала, не писала в письмах Ъ, называла мужа не Дмитрием, а Димитрием, а он втайне считал ее недалекой, узкой, незыщной, боялся ее и не любил бывать дома». (Между прочим, контраст между «прогрессивной», деятельной, решительной Лидией Волчаниновой и ее сестрой Мисюсь, пассивной, робкой и прелестной, в «Доме с мезонином», видимо, из этого же ряда.)

А фразы Анны Сергеевны «я себя презираю», «я стала пошлой, дрянной женщиной, которую всякий может презирать» не перекликаются ли со знаменитым «Теперь, я знаю, в вашей воле Меня презреньем наказать»? В одном из писем Чехов признался, что «милое письмо» Татьяны «любит нежно»¹⁵², в рассказе Чехова «После театра» юная героиня решается писать письмо в духе Татьяны.

Внутреннее и внешнее изящество, нежность, простота, молчаливость, жертвенность — вот черты и «дамы» Татьяны и «дамы с собачкой». Это «старинное», искреннее, непосредственное и «простонародное», чем и Пушкин и Чехов любовались в женщине, противопоставлялось новомодной эмансипированности, «важной» учености, «солидности» и формировало женский идеал в этих шедеврах Пушкина и Чехова. В.В. Набоков писал о том, что Татьяна как «тип» — «мать и бабушка множества женских образов в произведениях многих русских писателей от Тургенева до Чехова»¹⁵³.

¹⁵² Чехов А.П. Собр. соч. в 12 т. Т. 11. М., 1963. С. 537.

¹⁵³ Набоков Владимир. Комментарии... С. 285.

Сделаем предположение о еще одном сходстве романа Пушкина и рассказа Чехова. В «Даме с собачкой» есть развернутый, значительный, мощный образ другой, природной, реальности — моря, реальности, на которую в своей жизни не могут не ориентироваться герои — так оно прекрасно, притягательно и так они изменились под действием любви. Гуров и Анна Сергеевна в виду ночного моря — молчат; это их главная словесная, так сказать, реакция. Море подавило в них все ничтожные фразы, вроде любимой фразы Гурова про женщин «низшая раса» и других пошлых слов. Молчание героев ночью, перед рассветом в виду моря — знаменитая чеховская пауза, прерванная тоже по-чеховски Анной Сергеевной такой простой и многозначительной фразой: «Роса на траве». И главное, чем действует море на них, — это покой, пробуждающий мысли о вечности, отсекающий все суетное, что так унижает человека и что так умеет изображать Чехов.

Ночью в Ореанде (пригород Ялты) герои оказались перед лицом вечности; кажется, это главное в образе моря. «В Ореанде сидели на скамье, недалеко от церкви, смотрели вниз на море и молчали. Ялта была едва видна сквозь утренний туман, на вершинах гор неподвижно стояли белые облака. Листва не шевелилась на деревьях, кричали цикады, и однообразный, глухой шум моря, доносившийся снизу, говорил о покое, о вечном сне, какой ожидает нас. Так шумело внизу, когда еще тут не было ни Ялты, ни Ореанды, теперь шумит и будет шуметь так же равнодушно и глухо, когда нас не будет. И в этом постоянстве, в полном равнодушии к жизни и смерти каждого из нас кроется, быть может, залог нашего вечного спасения, непрерывного движения жизни на земле, непрерывного совершенства. Сидя рядом с молодой женщиной, которая на рассвете казалась такой красивой, успокоенный и очарованный в виду этой сказочной обстановки — моря, гор,

облаков, широкого неба, Гуров думал о том, как, в сущности, если вдуматься, все прекрасно на этом свете, все, кроме того, что мы сами мыслим и делаем, когда забываем о высших целях бытия, о своем человеческом достоинстве».

Этот, если можно так выразиться, эстетический идеал рассказа Чехова, море, — критерий оценки героем себя и окружающего, причем голоса автора и героя сливаются. «Все прекрасно на этом свете», кроме того, что делает человек, когда забывает о высоком. Море своей *вечностью* и равнодушием к жизни и смерти человека обещает *вечное* спасение человеку, *непрерывное* движение жизни на земле, *непрерывное* совершенство.

Не мог ли Чехов, взволнованно рисуя в своем рассказе вечное море, вспомнить строки о море в первой и восьмой главах «Евгения Онегина»? «Свободе, этой главной теме автора, тесно в овнешненном и опредмеченном онегинском мире, с его “грубым, чувственным материализмом” (Киреевский); на протяжении всей главы, — пишет В.С. Непомнящий о первой главе романа, — тема автора, ворочаясь в ее тексте, как ребенок в чреве матери, пробивается к читателю. И как раз тогда, когда героя постигает наконец хандра, автор окончательно берет инициативу в свои руки — начиная с величественного отступления, имеющего вершину в строфе: “Придет ли час моей свободы?” Здесь проясняется ключевой образ, играющий в теме автора ту же центральную роль, что мотив стола в теме героя. Это — *море*, излюбленный пушкинский символ простора и свободы, совершенства и гармонии мироздания (ср. в восьмой главе: “Глубокий, вечный хор валов, *Хвалебный гимн* Отцу миров”))¹⁵⁴. Речь в этих последних строках идет о музее, которая в Крыму «водила» автора к морю.

¹⁵⁴ Непомнящий В.С. Поэзия и судьба... С. 288.

Как часто по брегам Тавриды
Она меня во мгле ночной
Водила слушать шум морской,
Немолчный шепот Нереиды,
Глубокий, вечный хор валов,
Хвалебный гимн отцу миров.

Та же ситуация, что в чеховском рассказе, — шум и шепот ночного моря, «вечный» хор валов, «хвалебный гимн» Создателю; и этот шум, шепот, хор и гимн — прославление мощной красоты бытия, какую невозможно представить без Творца («отца миров»). Характерно, что у Чехова то же обилие шипящих и свистящих звуков в описании моря, что и у Пушкина. Идея вечной жизни и вечной гармонии, взволнованный гимн красоте — общее в образе моря в романе Пушкина и рассказе Чехова.

Роман в стихах «Евгений Онегин» повлиял на рассказ «Дама с собачкой» — мы видим здесь ту же принадлежность главной героини порядочному обществу, отсутствие вульгарности, ту же тихую прелесть, готовность к страданию. И тот же «открытый финал». И тот же критерий красоты и вечности.

Обратимся к другому произведению Пушкина — «Капитанской дочке». Можно заметить, что сцена знакомства Гурова с Анной Сергеевной имеет параллель с эпизодом знакомства Маши Мироновой с Екатериной II в «Капитанской дочке» Пушкина. Заметим: оба знакомства происходят в саду. В «Капитанской дочке» речь идет о Царскосельском парке (он назван «садом»), столь знакомом Пушкину, а в рассказе Чехова — о городском саду Ялты.

Итак, финальная сцена «Капитанской дочки». «На другой день рано утром Марья Ивановна проснулась, оделась и тихонько пошла в сад. Утро было прекрасное, солнце освещало вершины лип, пожелтевших уже под свежим дыханием осени. Широкое озеро сияло неподвижно. Проснувшиеся

лебеди важно выплывали из-под кустов, осеняющих берег. Марья Ивановна пошла мимо прекрасного луга, где только что поставлен был памятник в честь недавних побед графа Петра Александровича Румянцева. Вдруг белая собачка английской породы залаяла и побежала ей навстречу. Марья Ивановна испугалась и остановилась. В эту самую минуту раздался приятный женский голос: “Не бойтесь, она не укусит”. И Марья Ивановна увидела даму, сидевшую на скамейке противу памятника. Марья Ивановна села на другом конце скамейки. Дама пристально на нее смотрела. <...> Дама первая прервала молчание».

Давно установлено¹⁵⁵, что портрет Екатерины в этой сцене воспроизводит детали картины В.Л. Боровиковского «Екатерина II на прогулке в Царскосельском парке (с Чесменской колонной на фоне)» 1794 года или гравюры Н.И. Уткина (1827 г.) с портрета художника. Исследователи не знают, видел ли Пушкин картину Боровиковского, но гравюру Уткина видел точно. На гравюре платье, в отличие от светло-зеленого на картине, белое, а Чесменская колонна заменена Кагульским обелиском, на который указывает Екатерина. При этом заметим различие: у художников Екатерина стоит, а у Пушкина сидит на скамейке — так, видимо, Пушкину было удобнее «усадить» Машу рядом и упростить знакомство.

На картине и гравюре рядом с императрицей белая собака-левретка (другое название породы — итальянская борзая; в литературе об этой картине встречается также название породы английская левретка), преданно смотрящая в глаза хозяйке. Можно заметить, что на картине и гравюре голова собаки — на уровне колен императрицы, а в «Капитанской дочке» она названа «собачкой», существом маленьким, нестрашным,

¹⁵⁵ См.: Очерки по истории русского искусства. Изд. АХ СССР, 1954. С. 58; История русского искусства. Т. VII. М., 1961. С. 110, 112; *Ельшевская Г.В.* Портрет. М., 2002. С. 174.

лающим, но не кусающим. И это ощущение безопасности, приятного белого цвета, изысканности породы распространяется на хозяйку собаки, как это обычно и бывает; успокаивает и обнадеживает Машу, специально искавшую встречи с императрицей, чтобы спасти Гринева, и вот встретившую даму, «голубые глаза и легкая улыбка» которой имели для Маши «прелесть неизъяснимую» и которая взялась доставить письмо императрице (Маша не знает, что разговаривает с Екатериной II). В статье «Идейная структура “Капитанской дочки”» Ю.М. Лотман пишет: «Именно то, что в Екатерине II, по повести Пушкина, наряду с императрицей живет дама средних лет, гуляющая по парку с собачкой, позволило ей проявить человечность»¹⁵⁶. Не случайно первые слова, произнесенные Екатериной, — «Не бойтесь». Екатерина, сначала по-матерински защитив и успокоив Машу, потом сделала, в сущности, то же — «ласково» обошлась с «бедной сиротой».

Может быть, собачка и нужна была Пушкину для установления отношений — как же иначе могли познакомиться Маша и императрица? Маша не знала в лицо Екатерину II (хотя и была осведомлена о местах ее прогулок), а царица, конечно, не знала Маши. (Известно, что Екатерина любила гулять по этому парку одна, в сопровождении собачки; между прочим, по Царскосельскому парку любил прогуливаться и Александр I с маленькой собачкой, что видел Пушкин-лицеист.)

Видимо, Пушкин использовал здесь найденное им в «Барышне-крестьянке» средство естественного знакомства героев — Лизы и Берестова (замечено А. Варламовым)¹⁵⁷. Начальная ситуация схожа. «Лиза вошла в сумрак рощи. Глухой, перекатный шум ее приветствовал девушку. <...> Итак, она шла, задумавшись, по дороге, осененной с обеих

¹⁵⁶ Лотман Ю.М. Пушкин. СПб., 1995. С. 224.

¹⁵⁷ Варламов А. Заметки о прозе Пушкина и Гоголя // Пушкин в XX веке. Сб. в честь В.С. Непомнящего. М., 2006. С. 43–44.

сторон высокими деревьями, как вдруг прекрасная легавая собака залаяла на нее. Лиза испугалась и закричала. В то же время раздался голос: “Tout beau, Sbogar, ici...” — и молодой охотник показался из-за кустарника. “Небось, милая, — сказал он Лизе, — собака моя не кусается”».

В обоих случаях страх Лизы и Маши вызывает ответную реакцию защиты девушек хозяевами собак («Небось», «Не бойтесь»), и дальнейшее складывается естественно. Добавим, что и Маша и Лиза шли с целью встретиться с интересующими их людьми, и ситуация с собакой облегчила знакомство с хозяевами.

В «Даме с собачкой» Гуров сам, с целью знакомства с интересующей его дамой, провоцирует собачку, чтобы Анна Сергеевна заговорила с ним, и это ему удастся. Его тянет к «даме с собачкой», и он находит повод познакомиться.

Эта белая «собачка» почему-то настолько важна для облика героини, что в Ялте называют неизвестную одинокую даму не как-нибудь, а «дама с собачкой». Не потому, конечно, что собака какая-то особенная, а потому, видимо, что есть какая-то связь маленькой белой изящной собачки — и ее хозяйки, «дамы», принадлежащей к порядочному обществу. И совсем другой образ был бы у «дамы с собакой» — сразу исчезают прелесть, уют, шарм. (Или если бы Берестов был не с «прекрасной легавой собакой», а с маленькой собачкой — его образ бы тоже изменился.) В незнакомке есть таинственность — то, что особенно привлекает в «даме». И потом: ходить одной и ходить с собачкой — в этом, кажется, есть важная разница для порядочной женщины во времена Чехова. Это знакомство, как и в «Капитанской дочке», произошло в «саду».

«И вот однажды под вечер он (Гуров. — *В.Ш.*) обедал в саду, а дама в берете подходила не спеша, чтобы занять соседний стол. <...> Он ласково поманил к себе шпица и, когда

тот подошел, погрозил ему пальцем. Шпиц заворчал. Гуров опять погрозил.

Дама взглянула на него и тотчас же опустила глаза.

— Он не кусается, — сказала она и покраснела.

— Можно дать ему кость? — И когда она утвердительно кивнула головой, он спросил приветливо:

— Вы давно изволили приехать в Ялту?»

Как видим, фразы «она не укусит», «он не кусается» в похожих ситуациях рушат преграду между прежде незнакомыми людьми, возникает человеческая теплота отношений. «Соблазн приключения толкает его (Гурова. — *В.Ш.*) подзывать собачку, которая тем самым становится связующим звеном между ними», — замечает В.В. Набоков¹⁵⁸.

Рассказ Чехова разделен на четыре части, обозначенные римскими цифрами; так вот, собака появляется лишь в первой и третьей. Причем «собачкой» она названа лишь в сочетании «дама с собачкой», а в сцене в городе С. она названа «шпиц», «белый шпиц», «собака» (когда старушка выходит с ней из дома). В записных книжках Чехова есть фраза «Дама с мопсом»¹⁵⁹, которая считается исследователями заготовкой для этого рассказа. Характерно, что Чехов изменил породу собаки: шпиц с острыми ушками и острой мордочкой «приятнее», красивее бульдогообразного мопса (кстати, «шпиц» — по-немецки «острый», а «мопс» — «насупленный»). В ялтинских сценах собака есть лишь до знакомства и в самый момент знакомства Гурова с Анной Сергеевной, потом она как бы «исчезает» — она не упомянута ни при их прогулках, ни даже при прощании на станции при отъезде Анны Сергеевны, где ее не могло не быть. Собака как будто была нужна лишь вначале, чтобы героиня называлась «дама с собачкой» и чтобы был повод с ней познакомиться, и в III части, когда

¹⁵⁸ Набоков Владимир. Лекции по русской литературе. С. 362.

¹⁵⁹ Чехов А.П. Собр. соч. в 12 т. Т. 10. М., 1963. С. 529.

Гуров, приехав в С., увидел, как из дома Анны Сергеевны «вышла какая-то старушка, а за нею бежал знакомый белый шпиц. Гуров хотел позвать собаку, но у него вдруг забилося сердце, и он от волнения не мог вспомнить, как зовут шпица» (его клички, кстати, нет в рассказе). После серого сукна, серой чернильницы, серого одеяла в гостинице города С. и серого забора около дома Анны Сергеевны — «знакомый белый шпиц» — как просвет, радость, замечает З.С. Паперный. Эта деталь — собачка — из мира Анны Сергеевны, потому она так и волнует героя; так с ним еще не бывало. И этот шпиц контрастирует с собаками, которые напали на нищего, вошедшего чуть ранее в ворота этого же дома в городе С. Не забудем: пожалуй, лишь у Чехова (да еще у Куприна) были в то время произведения о собаках — «Каштанка», «Белолобый». (И, кстати, в письмах Чехов ласково обращался к О.Л. Книппер «собака», «собачка»: «Ну, господь с тобой, радость моя, собачка добрая, приятная»¹⁶⁰.) Что-то очень привлекательное видел Чехов в этом животном, может быть самым близком человеку; называл собак «славный народ», фотографировался с ними.

Содержание чеховского шедевра «Дама с собачкой» не противоречит названию, как считает В.Б. Катаев¹⁶¹: эта пленительность, таинственность и, с другой стороны, естественность, незаметность героини, все это непонятно откуда взявшееся чувство и называется этим простым и таким значимым сочетанием — «дама с собачкой».

Образы, ситуации, детали коренных романов русской литературы «Евгений Онегин» и «Капитанская дочка» (их, видимо, не обойти при осмыслении русской жизни) стали для Чехова в его рассказе «Дама с собачкой» предметами ассоциаций, наследования, переосмысления.

¹⁶⁰ Чехов А.П. Собр. соч. в 12 т. Т. 12. М., 1964. С. 531.

¹⁶¹ Катаев В.Б. Указ. соч. С. 101.

ПРИЛОЖЕНИЕ

«Нерукотворный» памятник у Пушкина: к смыслу образа

Я памятник себе воздвиг нерукотворный,
К нему не зарастет народная тропа,
Вознесся выше он главою непокорной
Александрийского столпа.

Эта начальная строфа пушкинского <«Памятника»> (так по традиции будем называть этот шедевр 1836 г.) вызвала к жизни целую литературу; особенно много дискуссий о «нерукотворности» памятника и об «Александрийском столпе».

И.Л. Фейнберг в 1933 г. и Р.О. Якобсон в 1937 г. высказали мнение о том, что определение «нерукотворный» Пушкин позаимствовал из стихотворения Василия Рубана (1742–1795) «Надпись к камню, назначенному для подножия статуи императора Петра Великого...» 1770 г. (стихотворение имеет в виду пьедестал памятника Петру I в Петербурге скульптора Э. Фальконе; перепечатано в пушкинское время в «Словаре древней и новой поэзии» Н. Остолопова, ч. 2, СПб., 1821, с. 208). Дело в том, что в 5-м примечании к «Медному всаднику» Пушкин через Мицкевича сослался на Рубана: «Смотри описание памятника в Мицкевиче. Оно заимствовано из Рубана — как замечает сам Мицкевич». Приведем эту «Надпись...» Рубана по «Словарю» Н. Остолопова с сохранением особенностей текста:

Колосс Родийский, днесь смири свой гордый вид!
И Нильски здания высоких пирамид
Престаньте более считаться чудесами!
Вы смертных бренными соделаны руками.

Нерукотворная здесь Росская гора,
Вняв гласу Божию из уст ЕКАТЕРИНЫ,
Прешла во град Петров чрез Невские пучины
И пала под стопы Великого ПЕТРА.

Идею Фейнберга и Якобсона поддержал исследователь пушкинского <<Памятника>> М.П. Алексеев¹⁶².

«Нерукотворность» в стихотворении Рубана — это, во-первых, так сказать, несделанность, природность горы — подножия памятника Петру I, этот Гром-камень — часть горы, привезенная в Петербург из его окрестностей, что было, кстати сказать, нелегкой технической задачей в то время, как и доставка в пушкинское время из Финляндии монолита Александровской колонны, поэтому и возникали ассоциации и сравнения. В.А. Жуковский в очерке «Воспоминание о торжестве 30-го августа 1834 года» (дата открытия Александровской колонны) писал, сравнивая эти монументы: «Там, на берегу Невы, подымается скала, дикая и безобразная, и на той скале всадник <...> и в виду этой скалы воздвигнута ныне другая, несравненно огромное, но уже не дикая, из безобразных камней набросанная громада, а стройная, величественная, искусством округленная колонна...»¹⁶³. Как видим, новаторская идея Фальконе — «дикость», природность, «несделанность», «нерукотворность» (по Рубану) пьедестала монумента Петру I — была одной из самых характерных особенностей этого пьедестала с точки зрения Жуковского (и Пушкин в «Медном всаднике» назвал пьедестал «огражденною скалою»). У Рубана так и сказано: «нерукотворная<...> гора», причем она в том преимуществе перед Колоссом Родосским и египетскими пирамидами, по Рубану, что не *сделана*

¹⁶² Алексеев М.П. Стихотворение Пушкина «Я памятник себе воздвиг...». Проблемы его изучения. Л., 1967. С. 57–58.

¹⁶³ Жуковский В.А. Полн. собр. соч. в 12 т. Т. X. СПб., 1902. С. 31.

«смертных бранными <...> руками», а (обратим внимание на выделенные нами антонимы Рубана) «нерукотворная». Она внимает «гласу Божию» из уст Екатерины, она как бы одушевленная: «вняв», «прешла», «пала».

Это стихотворение В. Рубана — развертывание идентичных мест Евангелия от Матфея (17:20) и Евангелия от Марка (11:23, 24). В Евангелии от Матфея Иисус сказал усомнившимся в том, что Он исцелит бесноватого: «по неверию вашему; ибо истинно говорю вам: если вы будете иметь веру с горчичное зерно и скажете горе сей: “перейди отсюда туда”, и она перейдет; и ничего не будет невозможного для вас». В Евангелии от Марка Иисус говорит: «Имейте веру Божию. Ибо истинно говорю вам: если кто скажет горе сей: “поднимись и ввергнись в море”, и не усумнится в сердце своем, но поверит, что сбудется по словам его, — будет ему что ни скажет».

В стихотворении В. Рубана эти слова Иисуса вложены в уста Екатерины: «Вняв гласу Божию» из уст Екатерины, гора «прешла» (см. в Евангелии от Матфея: «перейди») «чрез Невские пучины», чтобы «пасть» к стопам Петра. Это квалифицируется Рубаном как «чудо» (ведь он отказывается именовать Колосс Родосский и египетские пирамиды (входящие в число семи чудес света) «чудесами» в виду этого подлинного, по его мнению, чуда). Конечно, это стихотворение В. Рубана, где установка пьедестала монумента Петру I оценивается выше, чем сооружение гигантской статуи греческого бога Солнца и египетских пирамид, — банальный панегирик Екатерине; но в данном случае не в этом дело, а в том эпитете, который характеризует эту «гору» как часть памятника, — «нерукотворная».

Эта передвинутая по Божьему слову «нерукотворная<...> гора», следовательно, по Рубану, «чудо». Это такое же «чудо», как нерукотворный образ Спасителя, чудесным образом запечатленный на убресе (полотне). И праздник Спаса Неру-

котворного — 16 августа по старому стилю, как раз в то время, когда Пушкин писал свой <<Памятник>>. (Судьбе так будет угодно, что исповедоваться перед смертью Пушкин будет священнику Храма Спаса Нерукотворного Образа на Конюшенной и отпевать его будут в этом храме.) Так что понятие «нерукотворности» в стихотворении Рубана несет на себе смысл и несделанности, и чудотворности. Значит, во-вторых, «нерукотворная <...> гора» — не только природная, но и чудесная, чудотворная; так воспринималось тогда, в XVIII веке, это грандиозное событие — доставка на берег Невы Гром-камня. «...У Рубана *нерукотворное* не свободно от значения “чудотворное”», — поддерживает М.Ф. Мурьянов точку зрения Ю. Бойко-Блохина 1971 г.¹⁶⁴

В.С. Непомнящий писал, что слово «нерукотворный» имеет «традиционное сакральное значение» и вместе с тем намекает на «нерукотворную росскую гору» — подножие монумента Петру Великому. «Монументально-статичная, тянущаяся ввысь эпитетом “нерукотворный” первая строфа, таким образом, связывается с “веле́ньем божьим” пятой строфы»¹⁶⁵. Т.Г. Мальчукова писала: «Пушкинское “вознесся выше он главою непокорной” вначале понимается в материальном плане как деталь скульптурного памятника, но потом освещается и освящается христианскими символами телесного и духовного образа как божьего храма»¹⁶⁶.

Л.В. Пумпянский писал, что Пушкин, «очевидно, почти зрительно представляет свой памятник» (сноска: «Быть может, в связи с привычкой Пушкина к *зрительному* пред-

¹⁶⁴ Мурьянов М.Ф. Из наблюдений над текстами Пушкина. 1. Эпитет «нерукотворный» // Мурьянов М.Ф. Пушкин и Германия. М., 1999. С. 357.

¹⁶⁵ Непомнящий В.С. Двадцать строк // Непомнящий В.С. Удерживающий теперь: Пушкин в судьбе России : Избр. работы и выступления. М.: Изд-во ПСТГУ, 2024. С. 74.

¹⁶⁶ Мальчукова Т.Г. Античные и христианские традиции в изображении человека и природы в творчестве Пушкина. Петрозаводск, 2007. С. 92.

ставлению памятников (статуя командора, Медный Всадник?)»¹⁶⁷.

При этом В.С. Непомнящий «нерукотворностью» называет и, так сказать, невольность, независимость от самой личности человека его творчества: «Качество и степень того, что Пушкин дерзко (но, может, и смиренно) назвал в своих соданиях “нерукотворностью”, зависит не в последнюю очередь от этих отношений. “Нерукотворность” пушкинского художественного мира необычайна, порой чуть ли не до надличности, — и тут кстати напомнить, что потрясенность своим даром, не раз испытанную, когда творился “Борис Годунов”, Пушкин сохранял постоянно <...> иначе не было бы ощущения как бы “не своей ноши”. В том, что дар не личное имущество, поэт отдавал себе отчет, думается, с той же мерой адекватности, как и в том, что зазор между ним самим и его гением остается, что полного соответствия нет...»¹⁶⁸. О том же в сущности писал Е.И. Боричевский еще в 1925 г.: «Художественный процесс есть, по мнению Пушкина, акт высокой сознательности и в то же время нечто <...> в своей эмоциональности стихийное, неподвластное никаким рассудочным нормам и требованиям. В этом смысле явления поэтического творчества столь же нерукотворны, как и явления природы... Нерукотворные законы природы действуют в художественном творчестве плодотворнее и целесообразнее закононорм, слишком рассудочных и в своей рассудочности слишком плоских, чтобы их вмешательство могло быть полезно. Этот взгляд не бесспорен. Но это — взгляд Пушкина»¹⁶⁹.

В.С. Непомнящий, таким образом, считал, что слово «нерукотворный» в «Памятнике» означает и высокий религиозный

¹⁶⁷ Пумпянский Л. Об оде Пушкина «Памятник» <1923> // Вопросы литературы. 1977. № 8. С. 146.

¹⁶⁸ Непомнящий В.С. Русская картина мира. М., 1999. С. 473.

¹⁶⁹ Боричевский Е.И. «Памятник» Пушкина // Труды Белорусского гос. ун-та. 1925. Т. VI–VII. С. 47–48. Цит. по: Алексеев М.П. Указ. соч. С. 56.

символ, и независимость от человека его дара, и характеристику памятника-храма.

Отвергнутая исследователем <<Памятника>> М.П. Алексеевым (но при этом тщательно им описанная) религиозная трактовка эпитета «нерукотворный» сейчас возобладала.

Она восходит к непонятому пророчеству Христа о своем воскресении, к «уподоблению Христа, а затем и христианина нерукотворному храму, — пишет Т.Г. Мальчукова. — Это символическое обозначение человека многократно встречается в текстах Нового завета (Мк.14:58; Ин.2:19–22; 1 Кор.3:16; 6:19; 2 Кор. 5:1, 6:16; Евр. 3:6; 9:11,24)»¹⁷⁰. Имеется в виду, например, выражение, принадлежащее лжесвидетелям и обращенное к синедриону: «Мы слышали, как Он говорил: “Я разрушу храм сей рукотворенный, и чрез три дня воздвигну другой нерукотворенный”» (Мк.14:58). М.Ф. Мурьянов писал о формах «нерукотворенный-нерукотворный»: «Морфологически *нерукотворный* — это русская стадия эволюции старославянского *нерукотворенный*, в пушкинскую эпоху смыслового разрыва между обеими словоформами не было, ощущалась только стилистическая разница: *нерукотворенный* — это консервативный церковно-книжный вариант слова, а *нерукотворный* — вариант, характерный для живого языка...»¹⁷¹.

Сейчас ученые лишь с оговорками принимают версию учета Пушкиным стихотворения В. Рубана. Н.М. Шанский в принципе допускал «возможность оглядки Пушкина на упомянутую надпись Рубана, однако, — сомневался ученый, — вряд ли все-таки пушкинский *памятник нерукотворный* появился из *нерукотворной горы* (необработанного гранитного камня) последнего»¹⁷². И.З. Сураг согласна, что «Пушкин

¹⁷⁰ Мальчукова Т.Г. Указ. соч. С. 91.

¹⁷¹ Мурьянов М.Ф. Указ. соч. С. 358.

¹⁷² Шанский Н.М. Exegi monumentum // Русский язык в школе. 1989. № 1. С. 69.

мог почерпнуть слово “нерукотворный” из стихотворной надписи Василия Рубана», но «этот источник, — оговаривается она, — мало что прибавляет к пониманию пушкинского <“Памятника”>»¹⁷³.

Согласиться с И.З. Сурат в том, что лишь *слово* «нерукотворный» почерпнуто Пушкиным из Рубана, но значение его — только религиозное, мешает, во-первых, то, что «и для современников Пушкина смысл его оставался неясным, зыбким, ускользающим»¹⁷⁴. (Например, известно высказывание П.А. Вяземского о *нерукотворном* памятнике у Пушкина: «А чем же писал он стихи свои, как не *рукою*? Статуя ваятеля, картина живописца так же рукотворны, как и написанная песнь поэта»¹⁷⁵). Свести этот смысл к одному значению не представляется возможным. Во-вторых, мешают согласиться с И.З. Сурат такие образы, как незарастающая «тропа», «глава непокорная» и соизмеримая с земным монументом высота памятника. «Тропа» свидетельствует о материальности памятника, говорит о природном, негородском его окружении. Здесь нет иносказания — тропа она и есть тропа, к тому же «народная». («Народ», обеспечивающий славу и память, присутствует в стихотворении трижды — «народная тропа», «любезен я народу» да еще «всяк сущий в ней язык» — народность.) И сама И.З. Сурат оговаривается: «... при этом слово “памятник” сохраняет и буквальное значение надгробия, к которому “не зарастет народная тропа”»¹⁷⁶. Вот эта неоднозначность смысла образа «памятника <...> нерукотворного», ставшая фактом при анализе, должна быть зафиксирована: «нерукотворность» одновременно значит и при-

¹⁷³ Сурат Ирина. О «Памятнике» // Сурат Ирина. Вчерашнее солнце. О Пушкине и пушкинистах. М., 2009. С. 344.

¹⁷⁴ Алексеев М.П. Указ. соч. С. 55.

¹⁷⁵ Вяземский П.А. Полн. собр. соч. в 12 т. Т. VIII. СПб., 1883. С. 333.

¹⁷⁶ Сурат Ирина. О «Памятнике»... С. 345.

родность (материала памятника и поэтического творчества), и чудотворность. Об этом же писал и Н.М. Шанский: в результате употребления определения «нерукотворный» «образ памятника <...> двоятся. С одной стороны, он дается вполне конкретным в пространстве и времени (*выше Александрийского столпа, к нему не зарастет народная тропа*). С другой — его конкретность представляется мнимой, как бы преобразаясь и превращаясь в стихии переносно-метафорического словоупотребления из материального знака памяти (бронзового монумента) в идеальный (художественное творчество)»¹⁷⁷. С.А. Фомичев не склонен противопоставлять две сложившиеся точки зрения на слово «нерукотворный» — религиозную и идущую от И.Л. Фейнберга, апеллировавшего к В. Рубану: «сакральный смысл слова сохранился несомненно и у Рубана: природа для него “нерукотворна”, так как сотворена не промыслом человеческим, а помыслом Божиим»¹⁷⁸. Вот это значение «нерукотворности» как природности, неделанности, наряду с «чудотворностью», хотелось бы сохранить в размышлениях о <<Памятнике»>. Ю.Н. Тынянов писал: «Семантика Пушкина — двупланна, «свободна» от одного предметного значения, и поэтому противоречивое *осмысление* его произведений происходит так интенсивно»¹⁷⁹.

Что касается вопроса о том, надгробный ли это памятник, то практически никто из современных читателей не видит в <<Памятнике»> надгробия, надгробного памятника. Да, в основе поэтической традиции (Гораций) лежит образ надгробного памятника. Изначально «тропа» (наоборот, заросшая) присутствовала у Пушкина именно в кладбищенских стихах о безвестной могиле.

¹⁷⁷ Шанский Н.М. Указ. соч. С. 68–69.

¹⁷⁸ Фомичев С.А. Памятник нерукотворный // Русская литература. 1990. № 4. С. 215.

¹⁷⁹ Тынянов Ю.Н. Пушкин и его современники. М., 1969. С. 133.

Ссылаясь на Р.-Д. Кейля, М.П. Алексеев писал: «Пушкин правильно понял, что слово “monumentum” обозначает у Горация именно “надгробие”, и, вероятно, поэтому, создавая “Памятник”, имел перед глазами картину кладбища, с тропинками между могил, заросшими травой (ср. в “Руслане и Людмиле” о поле битв: “Зачем же смолкло ты и поросло травой забвенья” — III, 185)»¹⁸⁰.

М.П. Алексеев приводит послание Пушкина к Дельвигу 1816 г. с картиной зарастающей могилы:

И тихо проживу в безвестной тишине;
Потомство грозное не вспомнит обо мне,
И гроб несчастного в пустыне мрачной, дикой
(*вар.*: И памятник певца в пустыне мрачной, дикой)
Забвенья порастет ползущей повиликой —

и резюмирует: «За двадцать лет до создания “Памятника” 1836 г. Пушкин впервые представил себе свой не метафорический, но реальный памятник-надгробие и описал его словами, отзывающимися еще элегией Грея о сельском кладбище в переводе Жуковского»¹⁸¹. (Добавим, что зарастающая тропа к надгробному памятнику присутствует и при описании могилы Ленского в главе седьмой (строфа VII) «Евгения Онегина»: «Но ныне... памятник унылый Забыт. К нему привычный след Заглох. Венка на ветви нет...»). При этом, подчеркивает М.П. Алексеев, «слово “памятник” было для Пушкина действительно многозначным на всем протяжении его творчества, и <...> задолго до создания своих знаменитых двадцати строк 1836 г. он уже неоднократно пользовался тем же словом метафорически в значении “результатов дея-

¹⁸⁰ Алексеев М.П. Указ. соч. С. 141.

¹⁸¹ Там же. С. 150. Заметим, что это послание Пушкина к Дельвигу в ПСС Пушкина помечено 1817 годом.

тельности” исторического лица, в том числе и литературно-творческих. Если в “Полтаве” говорится о Петре I:

Лишь ты воздвиг, герой Полтавы,
Огромный памятник себе (V, 63),

то пять лет спустя, 29 мая 1834 г., Пушкин писал жене по поводу задуманного собственного труда — “Истории” того же героя: “Ты спрашиваешь меня о Петре? Идет помаленьку; скопляю матерьялы — привожу в порядок — и вдруг вылью медный памятник...” (XV, 154)»¹⁸². Добавим, что, например, в Предисловии к «Повестям Белкина» ответ издателю назван «драгоценным *памятником* благородного образа мнений и трогательного дружества».

В том, что в <«Памятнике»> Пушкин мог сначала держать в уме памятник-надгробие, убежден М.П. Алексеев: еще раз возвращаясь к посланию Пушкина к Дельвигу 1816 г. и описывая главную мысль следующим образом: «обиженный поэт прямо говорит о вражде, зависти и клевете...», — ученый делает вывод: «именно это свое послание к Дельвигу 1816 г. Пушкин обновил в памяти в 1836 г., двадцать лет спустя; из этого именно воспоминания и могла родиться идея “Памятника”, с той же обидой на зависть, хвалу и клевету, с тем же горацанским образом памятника-надгробия, но на этот раз с горделивым утверждением своих заслуг и характеристикой всего, что реально сделал поэт за протекшие двадцать лет»¹⁸³.

О том, что идея надгробного памятника могла лежать в основе замысла, свидетельствует стихотворение, написанное 14 августа 1836 г., за неделю до <«Памятника»>, — «Когда за городом, задумчив, я брожу...» (некоторые исследователи включают его в каменноостровский цикл наряду с <«Памят-

¹⁸² Алексеев М.П. Указ. соч. С. 150–151.

¹⁸³ Там же. С. 176, 177.

ником»>). Здесь противопоставление двух кладбищ, столичного и родового в деревне; отметим, что при описании первого употреблено слово «пирамиды» (причем иронически: «мелкие пирамиды» — «На место праздных урн и мелких пирамид, Безносых гениев, растрепанных харит...»), которое присутствует в исторической традиции «Памятников» — оде «К Мельпомене» Горация, переводе ее Ломоносовым, «Памятнике» Державина (соответственно «*situ pyramid(um)*»), «превыше пирамид», «выше пирамид»). В стихотворении «Когда за городом, задумчив, я брожу...» суетная помпезность надгробий столичного кладбища противопоставлена, во-первых, «камням» на могилах деревенского кладбища («Близ камней вековых, покрытых желтым мохом, Проходит селянин с молитвой и со вздохом...»), во-вторых, подлинно величественному природному объекту на родовом кладбище в деревне — дубу, который «стоит широко <...> над важными гробами, Колебясь и шумя». Здесь противопоставление помпезного сделанного («дешевого резца нелепые затеи») величественному природному, причем среди сделанного названы не только «пирамиды» и «мавзолеи» (кстати, Мавзолей в Галикарнасе — также одно из чудес света), но и «столбики», «столбы», что вызывает в памяти «Александрийский столп» — тоже человеческая «затея», чтобы земным памятником прославить деяния, в данном случае правителя (какой бы памятник ни имелся в виду под «Александрийским столпом»). Это противопоставление природного памятника искусственным (дуба (и еще камней) — урнам, пирамидам и т.п.) могло оказаться одним из зерен <«Памятника»>, где «нерукотворность» может пониматься и как несделанность, природность («памятник <...> нерукотворный» тоже противопоставлен «столпу»). Заметим: в «Надписи...» В. Рубана к подножию памятника Петру I «нерукотворная <...> Росская гора» тоже была противопо-

ставлена «пирамидам»: «И Нильски здания высоких пирамид Престаньте более считаться чудесами!» А. Битов писал: «Склизкая, смутная тропа через публичное кладбище выводит его (Пушкина. — *В.Ш.*) на светлое кладбище родовое, где, как наилучший и наивысший памятник, — дуб! — и последняя строка “Кладбища” становится первой строкою “Памятника”»: Стоит широко дуб = Я памятник себе воздвиг нерукотворный»¹⁸⁴. Между прочим, эта неделя с 14 по 21 августа была заполнена мучительным для Пушкина делом — это была, пишет А. Битов, работа «над “исправлением” “Медного всадника”, неблагодарный труд, на который, однако, мог решиться доведенный всеми своими делами поэт, отчасти из-за этого охлаждения (публики. — *В.Ш.*)... Он испытал унижение, но об этом и знал один только он. Он мог написать “Памятник” именно в этом состоянии»¹⁸⁵. Вот он, «медный» памятник, тоже противопоставленный «нерукотворному»!

Казалось бы, «памятник себе» предполагает скульптурное изображение облика поэта, и на это вроде бы указывает «глава непокорная» памятника. Но это не так. У Пушкина отрицательное отношение к идее скульптурного изображения себя. В мае 1836 г. скульптор И.П. Витали предлагает Пушкину вылепить его бюст, но Пушкин отказывается, что узнаем из его письма жене из Москвы от 14 мая 1836 г.: «Здесь хотят лепить мой бюст. Но я не хочу. Тут арапское мое безобразие предано будет бессмертию во всей своей мертвой неподвижности...» (XVI, 116). Дело, видимо, не столько в критическом отношении Пушкина к собственной внешности, сколько в ее неправильной, «мертвой», передаче «бессмертию». Это последнее слово — главное. О бессмертии Пушкин

¹⁸⁴ *Битов Андрей*. Арион. От Михайловского до Болдинской осени. М., 2017. С. 202.

¹⁸⁵ Там же. С. 130.

думал. Когда в том же 1836 г. он получил в подарок книгу Н.И. Ушакова о войне России с Турцией в 1828–1829 гг.,¹⁸⁶ то, прочитав книгу и обнаружив, что автор упоминает о пребывании Пушкина в войске, в июне 1836 г. написал автору благодарные слова о «бессмертии»: «С изумлением увидел я, что вы и мне даровали бессмертие — одною чертою вашего пера. Вы впустили меня в храм Славы, как некогда гр.<аф> Эриван.<ский> позволил мне въехать вслед за ним в завоеванный Арзрум» (XVI, 127).

Предположительно в 1835–1836 гг.¹⁸⁷ Пушкин рисует шаржированный автопортрет в виде скульптурного бюста в лавровом венке. Лавровый венок — атрибут самого популярного изображения Данте; и подпись под рисунком «il gran' Padre A.P.» («великий патриарх А.П.») — цитата из В. Альфиери, присвоившего Данте титул «патриарха». Шарж говорит о том, что не через скульптурное изображение своего облика Пушкин надеялся обрести бессмертие. При этом Пушкин в «Памятнике» призывал музу «не требовать венца» (подразумевается: лаврового)¹⁸⁸. Пушкин, отказываясь от позирования скульптору, шаржированно изображая свое величие, имел в виду какое-то несоответствие своего скульптурного облика смыслу совершенного им как поэтом (при этом от живописных портретных изображений себя он не отказывался). Р.О. Яacobсон, анализируя «пушкинский миф о губительной статуе», объяснял эту ее особенность «прочной ассоциацией статуй с идолопоклонством», внушенной Пушкину и другим русским поэтам православной

¹⁸⁶ Хроника жизни и творчества А.С. Пушкина. В трех томах. Том третий. Книга первая. 1835 — сент. 1836. Сост. Г.И. Долдобанов, И.С. Сидоров. Науч. ред. И.С. Сидоров. М., 2016. С. 684.

¹⁸⁷ Жуйкова Р.Г. Портретные рисунки Пушкина: Каталог атрибуций. СПб., 1996. С. 67.

¹⁸⁸ У Горация, Ломоносова, Державина муза возлагает на чело поэта лавровый венок.

традицией¹⁸⁹. Так что «глава непокорная» — отнюдь не деталь скульптурного изображения, «памятника себе».

Вернемся к вопросу о том, надгробный ли памятник в стихотворении «Я памятник себе воздвиг...». Как может соотноситься надгробный монумент «выше Александрийского столпа» с кладбищенской обстановкой? Кажется, на кладбище такое невозможно. Да, в основе замысла мог быть надгробный памятник, но его определения, пришедшие к поэту в состоянии вдохновения, «направили» образ памятника в другую сторону. Кстати, место упокоения к лету 1836 года уже куплено Пушкиным на родовом кладбище — какие можно себе представить 50-метровые, скажем, монументы (т.е. выше Александровской колонны с ее высотой 47,5 метров) на территории Святогорского монастыря? Нет, не надгробный памятник «вознесся выше <...> главою непокорной Александрийского столпа». Какой же образ просматривается сквозь «памятник», может быть неожиданно для самого поэта? К чему ведет набор характеристик «памятника»: «нерукотворность», «народная тропа» к нему, «глава непокорная», высота больше самой высокой в то время колонны-монумента?

Есть в творчестве Пушкина образ, как раз имеющий все эти характеристики. Это — гора. Оговоримся сразу, что, рисуя «памятник себе», вряд ли Пушкин имел в виду образ горы в замысле; нет, «воздвигая» «памятник» на бумаге, он наделял его какими-то заветными, любимыми, выношенными характеристиками. И неожиданно получилось — гора. В самом деле, «нерукотворность» (напомним, слово «нерукотворный» М.П. Алексеев вслед за И.Л. Фейнбергом и Р.О. Якобсоном считал взятым Пушкиным из «Надписи...» Рубана к подно-

¹⁸⁹ Якобсон Р.О. Статуя в поэтической мифологии Пушкина // Якобсон Р.О. Работы по поэтике. М., 1987. С. 173.

жию Фальконетова монумента Петру I и характеризующим «Росскую гору») означает в том числе природность, «несделанность» горы; «народная тропа» вполне соответствует природному окружению горы; «глава непокорная» (непокоренная) может быть у очень высокой горы. Правда, «главой» теперь не называют одну вершину горы, а, используя этот корень, именуют гору с несколькими вершинами, и у Пушкина в «Кавказском пленнике» «Бешту... *пятиглавый*», «*двуглавый*... Эльбрус» (IV, 91, 98), также «Кавказа гордые *главы*» в эпилоге «Руслана и Людмилы» (IV, 86), «ледяные *главы* Казбека и Эльбруса» в письме к Н.И. Гнедичу от 24 марта 1821 г. (XIII, 28); но, оказывается, у Пушкина есть именование вершины всего Кавказа «главой» (в «Кавказском пленнике»): «Поникни снежною *главой*, Смирись, Кавказ: идет Ермолов!» (IV, 114); ну а высота горы выше самых высоких земных сооружений — вне обсуждения (например, упомянутые Эльбрус и Бештау имеют высоту, соответственно, 5642 и 1400 метров). (Интересно, что за год до «Памятника» «главой» названы обобщенно кроны двух сосен в стихотворении «...Вновь я посетил...»: «Когда перерастешь моих знакомцев И старую *главу* их заслонишь От глаз прохожего» — III, 400.)

«Каменные» ассоциации «памятника <...> нерукотворного» поддерживаются следующим. Обратим внимание на помету Пушкина после текста стихотворения (возможно, ее стоит считать частью текста) «1836/ авг. 21/ Кам. остр.» Каменный остров — тогда пригород Петербурга, где Пушкины снимали дачу летом 1836 г. и где написан «Памятник». Однако редко какой текст пушкинского стихотворения содержит указание на место написания. (Вот под стихотворением «Когда за городом, задумчив, я брожу...» эта же помета «Кам. остр.» не переключается ли с «каменными вековыми» на могилы деревенского кладбища?) Что хотел сказать этим

автор <<Памятника>>? Пушкин, считает В.С. Листов, ориентируется «на ситуацию Апокалипсиса — пророк на острове», имея в виду Иоанна Богослова, автора Апокалипсиса¹⁹⁰. Но то, что остров — Каменный, не говорит ли о том, что этот пророк — на каменном, гористом острове, не обращает ли внимание на камень — материал горы, которая просматривается сквозь «памятник»? И не напоминают ли звуки «р» первой строфы («нерукотворный», «не зарастет народная тропа», «непокорной») грохот камней?

Странно вроде бы воздвигать «памятник себе» в виде горы. Но Пушкин знал стихи, где его душа, наряду с душой другого поэта, была уподоблена «альпийской скале» с «поднебесной вершиной». В стихотворении А. Мицкевича «Памятник Петра Великого» (1832; его часть переписал польски, включая и цитированное место, в свою тетрадь Пушкин) сам автор выведен как «странник, пришелец с запада», а неназванный «поэт русского народа, Прославленный на всем севере своими песнями» — это, конечно, Пушкин. Души этих поэтов уподоблены Мицкевичем «двум породнившимся альпийским скалам, Хоть и навеки разделенным водной стремниной; Они едва слышат шум своего врага, Сближаясь друг с другом поднебесными вершинами...»¹⁹¹. Эта ассоциация могла сказаться в описании Пушкиным «памятника себе», тем более что неделя, предшествовавшая написанию <<Памятника>>, была посвящена работе над «Медным всадником».

Увидев горы на юге в 1820 году, поднявшись на гору Бештау (Пушкин-Гнедичу от 24 марта 1821 г.), Пушкин пронес

¹⁹⁰ Листов В.С. Миф об «островном пророчестве» в творческом сознании Пушкина // Легенды и мифы о Пушкине. М., 1999. С. 196.

¹⁹¹ Переписанная рукой Пушкина часть стихотворения Мицкевича (31 стих из 66-ти) была переведена Н.К. Гудзием в нач. 1930-х гг. См.: Пушкин А.С. Медный всадник. Л., 1978. С. 143. («Лит. памятники»)

образ горы через все творчество — от «Кавказского пленника» 1821 г. («Эльбрус... белел на небе голубом») и «Узника» 1822 г. («туда, где за тучей белеет гора») к «Напрасно я бегу к сионским высотам...» и *Белогорской* крепости «Капитанской дочки» (оба — 1836 г.)¹⁹².

В.С. Непомнящий писал в «Поэзии и судьбе»: «После плоской “метафизической горизонтали” вольтерьянства Кавказ (в два этапа — 1820, 1829) дал ему объем: своей природой, “дикими” нравами, бурлящей жизнью, идущей по иным нормам. Кавказ дал ему вертикаль — главным образом физическую (особенно в молодости). И он на деле убедился в том, что существует *высота*.

После этого он снова оказался в горизонтальном мире — но это была лишь в физическом смысле горизонталь: Россия, ширь, воля. И он, пришедший туда уже новым, другим, вдруг увидел — тоже высоту, но не физическую.

После этого появился шестикрылый серафим»¹⁹³.

Идея высоты — основная в образе горы. Мы называем «горними», «высокими» идеалы, противопоставляя их «дольним», «низким», «низменным» интересам; говорим о «возвышенных» чувствах и, наоборот, «унижении». В.С. Непомнящий говорил о «родовых качествах» человека «как существа вертикального, то есть руководствующегося не только интересами, но и идеалами»¹⁹⁴. При этом искажение родовой сущности человека ученый характеризует словом, употребленным в <«Памятнике»>, — «пушкинская картина мира представляет собой своего рода икону нашего прекрасного,

¹⁹² Образ белой горы в творчестве Пушкина проанализирован И.З. Сура-
т: *Сурат Ирина*. «Стоит, белеясь, Ветилуя...» // *Сурат Ирина*. Вчераш-
нее солнце... С. 327–342. Нами сделаны дополнения к теме в статье
«Почему крепость — Белогорская?» (см. наст. изд.).

¹⁹³ *Непомнящий В.С.* Поэзия и судьба... С. 384.

¹⁹⁴ *Непомнящий В.С.* Русская картина мира... С. 505.

но *падшего* (выд. нами. — *В.Ш.*) мира — во всем величии Замысла и во всей его изувеченности»¹⁹⁵.

Начинается <«Памятник»> с головокружительной высоты («вознесся выше он главою»), продолжается «низом» существования — «падшими» («и милость к падшим призывал») и вновь возносится к Богу («Веленью божию, о муза, будь послушна»). Между прочим, у горы, как и у человека, есть не только глава-голова, которая может быть непокорной-непокоренной, но и подошва (подножие). Такая вот параллель и такая вертикаль¹⁹⁶.

В «Кавказском пленнике» (1821) высота осмысляется поэтически — так описаны «отдаленные громады Седых, румяных, синих гор»:

Великолепные картины!
Престолы вечные снегов,
Очам казались их вершины
Недвижной цепью облаков,
И в их кругу колосс двуглавый,
В венце блистая ледяном,
Эльбрус огромный, величавый,
Белел на небе голубом.

А Пленник во время грозы «часто <...> над аулом Недвижим на горе сидел! У ног его дымились тучи», а он «с горной вышины, Один, за тучей громовою» радостно внимал «бури немощному вою». Такое вот романтическое возвышение над миром, такая «высокая» точка зрения на него.

В 1822 г. на юге Пушкин пишет стихотворение «Узник», где свобода, к которой «зовет <...> взглядом и криком» орел, олицетворена в первую очередь в образе горы:

¹⁹⁵ *Непомятый В.С.* Русская картина мира... С. 532.

¹⁹⁶ Между прочим, фильм «Вертикаль» с В.С. Высоцким — про горы и людей в горах.

«...Мы вольные птицы; пора, брат, пора!
Туда, где за тучей белеет *гора*,
Туда, где синеют морские края,
Туда, где гуляем лишь ветер...да я!..»

Эта белеющая гора или белое на горе еще не раз повторится у Пушкина¹⁹⁷.

В 1829 году, когда Пушкин снова оказался на Кавказе, высота гор заняла особое место в его поэзии. В «Кавказе» (1829) описание идет сверху вниз, с «вышины», «вершины»:

Кавказ подо мною. Один в *вышине*
Стою над снегами у края стремнины;
Орел, с отдаленной поднявшись *вершины*,
Парит неподвижно со мной наравне.

«Подо мной», «под ними», «ниже» весь остальной мир с тучами, утесами, растениями, животными и, наконец, людьми и стесненной утесами рекой. Поэт же в «вышине», наоборот, свободен.

Стихотворение «Монастырь на Казбеке» (1829) и начинается с главного слова, означающего и природный верх, и глубоко положительную нравственную характеристику:

Высоко над семью гор,
Казбек, твой царственный шатер
Сияет вечными лучами.

Столь нечастое у Пушкина прямое авторское желание высказано исповедально-сильно:

¹⁹⁷ См. об этом: Сурат Ирина. «Стоит, белеясь, Ветилуя...».

Туда б, сказав прости ущелью,
Подняться к вольной *вышине!*
Туда б, в заоблачную келью,
В соседство бога скрыться мне!..

Монастырь здесь — не заточение, а, наоборот, свобода, «вольная вышина», потому что она «в соседстве бога». «...Представление о сакральном верхе, являющемся одновременно реальной вершиной горы, — пишет О.С. Муравьева, — определяет образную структуру стихотворения “Монастырь на Казбеке”»¹⁹⁸.

В ответе митрополиту Филарету «В часы забав иль праздной скуки...» (1830) позиция последнего называется также «высотой»: «И ныне с *высоты* духовной Мне руку простираешь ты...» В стихотворении «Поэту» этого же года заявлено: «Ты сам свой *высший суд*» — высота и здесь означает предельную степень и окончательность суда (ведь поэт — «царь»). (Кстати, в этом стихотворении появляется другой суд — «суд глупца», того «глупца», смиренным теперь упоминанием которого закончится <<Памятник>>.)

В послании «<Гнедичу>» (1832) другие «вершины»: «С Гомером долго ты беседовал один, Тебя мы долго ожидали, И светел ты сошел с таинственных *вершин* И вынес нам свои скрижали». Это «таинственные вершины» творчества, соприкосновения с нетленной классикой.

В стихотворении о Мицкевиче «Он между нами жил...» (1834) есть «высокая» характеристика польского поэта до его отступничества: «он вдохновен был *свыше* И с *высока* (так в тексте. — *В.Ш.*) взирал на жизнь». Барклай-де-Толли («Полководец» 1835 г.), не понятый своим поколением, рисуется как «человек, Над кем ругается слепой и буйный век,

¹⁹⁸ *Муравьева О.С.* «Напрасно я бегу к Сионским высотам...» // Пушкинская энциклопедия. Произведения. Вып. 3. СПб., 2017. С. 297.

Но чей *высокий* лик в грядущем поколеньи Поэта приведет в восторг и в умиление!»

В переложении из Книги Юдифь «Когда владыка ассирийский...» (1835) «высотой», «вышиной» названо место, где расположена неприступная Ветилуя, но «высоким» названо и терпеливое смирение народа Израиля:

*Высок смиреньем терпеливым
И крепок верой в бога сил,
Перед сатрапом горделивым
Израиль выи не склонил.*

Мотив «главы непокорной» <«Памятника»> есть уже здесь — «Израиль выи не склонил» перед Олоферном (как в стихотворении «Поэт» 1827 г. поэт «не клонит гордой головы», в стихотворении «(Из Пиндемонти)» 1836 г. поэт мечтает «не гнуть <...> шеи»); к тому же «узкие врата» от горных ущелий были обороняющимися «замком замкнуты непокорным» (это вызывает ассоциации с «главою непокорной» <«Памятника»>). Причина победы — не в силе Израиля самой по себе или воинской удаче, скажем. Высота терпеливого смирения (вместе с крепостью веры в Бога) — то, перед чем остановился в изумлении «сатрап». А город Ветилуя описан особенным образом:

*И над тесниной торжествуя,
Как муж на страже, в тишине,
Стоит, белеясь, Ветилуя
В недостижимой *вышине*.*

И.З. Сурат посвятила этому стихотворению статью — там показывается, что не раз встречаемое у Пушкина «белое в вышине — образ пронзительного лирического звучания, смутно зовущий, иномирный»¹⁹⁹.

¹⁹⁹ Сурат Ирина. «Стоит, белеясь, Ветилуя...» С. 337.

Обратим также внимание на то, что выражение «в недостижимой вышине» говорит, конечно, не только о том, что город Ветилуя был неприступен из-за того, что располагался на высоком месте; это высота духа народа, его, если можно так выразиться, смиренная непокорность. Это, конечно, то, к чему стремился в 30-е годы в своей полной тревог жизни сам Пушкин.

В 1836 г. написано четверостишие о стремлении к высоте:

Напрасно я бегу к сионским *высотам*,
Грех алчный гонится за мною по пятам...
Так<?>, ноздри пыльные уткнув в песок сыпучий,
Голодный лев следит оленя бег пахучий.

«Сион — гора в Иерусалиме, — пишет О.С. Муравьева, — на которой библейский царь Давид воздвиг свой город, — трактуется в Священном Писании как святая гора, как дом или град Божий»²⁰⁰.

Сион в четверостишии «Напрасно я бегу...» — не только гора, на которой основан священный город Иерусалим, здесь Сионские высоты — это высоты духа, праведная жизнь, никак не дающаяся человеку, отягченному грехами, сила которых значительно превышает силу сопротивления (как лев сильнее оленя). Но сила порыва, жажда совершенства настолько велики, что герой именно «бежит» к «высотам», хотя слово «напрасно», открывающее все повествование, означает тщетность порыва.

Это стремление духа ввысь — еще в одном стихотворении каменноостровского цикла:

Отцы пустынноики и жены непорочны,
Чтоб сердцем *возлетать* во области заочны,
Чтоб укреплять его средь дольних бурь и битв,
Сложили множество божественных молитв...

²⁰⁰ *Муравьева О.С.* Указ. соч. С. 297.

Молитвы помогают сердцу «возлетать» в невидимые глазу «области», выси. Здесь скрытое противопоставление горнего мира духа и «дольнего» бытия человека («дольних бурь и битв»). Молитва Ефрема Сирина «падшего крепит неведомою силой». «Падшие» есть и в <«Памятнике»>. Антонимы «падшему», «падшим» в этих двух стихотворениях 1836 г. — «возлетать во области заочны», «воздвиг», «вознесся выше». Как в «Акафисте Иисусу сладчайшему» (Икос 10): «...Иисусе Боже, *воздвигни мя падшего*» (выд. нами. — *В.Ш.*).

К 19 октября 1836 г. Пушкин написал стихотворение «Была пора: наш праздник молодой...», где эти же антонимы характеризуют судьбы правителей мира: «И высились и падали цари». В терминах верха («высоко») и низа («низко»), движения вверх («воздвиг», «вознесся») и падения («падшие») часто описываются у Пушкина крайние положительныe и отрицательныe проявления человека. В том же последнем стихотворении к 19 октября говорится об Александре I: «и Русь оставил он, *Взнесенну* им над миром изумленным». <«Памятник»> «*вознесся выше*», и это стремительное движение вверх, обозначенное к тому же высоким религиозным термином Вознесения, создает вертикаль мыслей и чувств. И это краткий обзор лишь лирики в означенном аспекте.

Горы Пушкин вспоминал до конца жизни. В последней квартире на Мойке горный пейзаж («Дарьяльское ущелье» Н. Чернецова) — перед его рабочим столом (и это единственная картина в кабинете). В 1836 г. он напишет историку и этнографу В.Д. Сухорукову в Пятигорск: «В соседстве Бештау и Эльбруса живут и досуг и вдохновение» (XVI, 90).

А.К. Жолковский писал об устойчивой у Пушкина ситуации «превосходительного покоя», такой организации художественного пространства, при котором точка зрения нахо-

дится высоко над миром²⁰¹. И.З. Сурат писала о своеобразной вертикали в <<Памятнике>> Пушкина: «В первых строфах вертикаль “воздвигнута” от земли к Небу, куда по смерти уходит “душа в заветной лире”, в последней — “велеенье Божие” сверху осеняет земной путь поэта, получающий таким образом религиозное оправдание»²⁰².

Слово «вознесся» <<Памятника>> («глаголы *воздвиг* и *вознесся* ... — заметил Н.М. Шанский, — выступают в качестве анафорических скреп первой и третьей строк»²⁰³) тоже говорит о стремительном движении вверх, но его религиозная составляющая придает этому движению особый, божественный смысл — это вознесение после смерти. Явление <<Памятника>> было, если угодно, срежиссировано Пушкиным — именно после смерти он и предъявил его людям.

Родившийся в день Вознесения, Пушкин придавал этому слову особый смысл²⁰⁴.

В <<Памятнике>> «муза» тоже, как памятник поэту, должна вознестись (как «вознесся <...> он») от мира земных страстей в мир истинных ценностей — ни обида, ни искушение венцом, ни хвала, ни клевета, ни приговор глупца не должны иметь на

²⁰¹ Жолковский А.К. К описанию поэтического мира Пушкина // Жолковский А.К. Избранные статьи о русской поэзии. М., 2005. С. 39–44.

²⁰² Сурат Ирина. О «Памятнике»... С. 349.

²⁰³ Шанский Н.М. Указ. соч. С. 69.

²⁰⁴ П.В. Анненков писал: «День его рождения был также в самый праздник Вознесения Господня. Обстоятельство это он не приписывал просто одной случайности. Важнейшие события его жизни, по собственному его признанию, все совпадали с днем Вознесения. Незадолго до своей смерти он задумчиво рассказывал об этом одному из своих друзей и передал ему твердое свое намерение выстроить со временем в селе Михайловском церковь во имя Вознесения Господня. Упомянув о таинственной связи всей своей жизни с одним великим днем духовного торжества, он прибавил: “Ты понимаешь, что все это произошло даром и не может быть делом одного случая”» (Анненков П.В. А.С. Пушкин. Материалы для его биографии и оценки его произведений. 2-е изд. СПб., 1873. С. 306–307).

нее влияния. Лишь «велеенье божие» должно иметь над ней власть. Характерно, что эти факторы описываются как воздействующие не на самого поэта (могущего, видимо, бывать и слабым), а на музу — символ его творческих способностей.

Памятник «вознесся выше», и это стремление в «высоту» — характерная черта жизни и творчества Пушкина. М.Д. Филлин пишет, сравнивая Пушкина с Жуковским, о том, что последнему «изначально была дана вера — высокая и спокойная. Амплитуда юношеских духовных колебаний не превышала допустимую норму, за которой — безверие. Пушкин — примерно с середины 1820-х годов — напоминал путника, устремившегося к *вершине*. Преодолевая кручу, он *остро* чувствовал высоту, *глубоко* проникался открывающейся красотой. И с каждым шагом вверх свежесть восприятия возрастала, не успевая притупиться. А Жуковский издавна знал ту страну. Он жил там. Жил высоко, но — на *плоскогорье*. И волей-неволей свыкался с ним. Накал чувства, страстный порыв вверх, как у Пушкина, здесь не требовался: вершина все равно была недосыгаема»²⁰⁵.

В.С. Непомнящий пишет о позднем Пушкине: «И тогда остается только путь прямо вверх: “Странник” и последний цикл 1836 года»²⁰⁶. И умирая, Пушкин грезил о высоте: «Ну, подымай же меня, пойдем, да выше, выше — ну, пойдем!»

Вернемся, однако, к «нерукотворности».

В образе «памятника <...> нерукотворного» неожиданно просматривается «нерукотворная» гора — материальная основа «памятника»; его духовная составляющая — «нерукотворность» чуда поэзии, явленная человеку, устремленному к высотам духа.

²⁰⁵ Филлин М.Д. Две перчатки в гробу: «Масонский след» в судьбе Пушкина // Московский пушкинист. П. М., 1996. С. 260.

²⁰⁶ Непомнящий В.С. Поэзия и судьба... С. 410.

Сведения о первых публикациях

Еще раз о заглавии «Капитанской дочки» — под загл. «Еще раз о заглавии “Капитанской дочки” Пушкина»: доклад на 331-м заседании Пушкинской комиссии ИМЛИ РАН // www.pushkinopen.ru/texts/view/69.

Семейные ценности в повести — под загл. «Семейные ценности в повести Пушкина “Капитанская дочка”» // Русская словесность. 2009. № 1. С. 3–11.

Внук Гринева: к истории образа — под загл. «Завещание А.С. Пушкина молодому поколению в романе “Капитанская дочка”» (сокращ. вариант) // Литература в школе. 2018. № 10. С. 2–6.

Почему крепость — Белогорская? — под загл. «“Капитанская дочка” Пушкина: почему крепость — Белогорская?» // Вопросы литературы. 2020. № 1. С. 22–36.

«Не приведи бог видеть русский бунт...»: слово «бог» в повести — под загл. «“Не приведи бог видеть русский бунт...”: слово “бог” в повести Пушкина “Капитанская дочка”»: образовательный портал «Слово» // portal-slovo.ru/philology/48057.

Пушкинские традиции в рассказе Чехова «Дама с собачкой» — под загл. «Пушкинский претекст в рассказе А.П. Чехова “Дама с собачкой”» // Пушкин в памяти современников и потомков: Беляевские чтения. Сб. науч. тр. Вып. VI. Под ред. Г.М. Седовой. СПб., 2019. С. 96–104.

«Нерукотворный» памятник: к смыслу образа — под загл. «“Нерукотворный” памятник у Пушкина: к смыслу образа» // Валентину Семеновичу Непомнящему / отв. ред. М.И. Щербакова, В.М. Есипов. М.: ИМЛИ РАН, 2020. С. 131–149.

Научное издание

ВЕРА ВИТАЛЬЕВНА ШАПОШНИКОВА

«Капитанская дочка»
Пушкина

Очерки

Подписано в печать 24.12.2025. Формат 60x88/16.

Усл.-печ. л. 11,25. Уч.-изд. л. 7,32. Тираж 500 экз.

Издатель А.В. Воробьев. 7720376@mail.ru. г. Москва, ул. Профсоюзная, 140–2–36
Типография «Белый ветер»: г. Москва, ул. Щипок, д.28. тел. 84956518456. wwprint.ru